

**ВЕСТНИК
ИВАНОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

ISSN 2500-2783 (online)

**Серия «Естественные,
общественные науки»**

2021

Выпуск 1

ISSN 2500-2783 (online)

ВЕСТНИК ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Естественные, общественные науки»

2021. Вып. 1

Научный журнал

Издается с 2000 года

Журнал зарегистрирован в Национальном агентстве ISSN Российской Федерации
27.05.2016 г. как электронное сетевое издание

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

- В. Н. Егоров**, д-р экон. наук
(*председатель*)
- В. И. Назаров**, д-р психол. наук
(*зам. председателя*)
- К. Я. Авербух**, д-р филол. наук (Москва)
- Ю. М. Воронов**, д-р полит. наук
- Н. В. Усольцева**, д-р хим. наук
- Ю. М. Резник**, д-р филос. наук (Москва)
- О. А. Хасбулатова**, д-р ист. наук
- Л. В. Михеева**
(*ответственный секретарь*)

РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ «ЕСТЕСТВЕННЫЕ, ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ»:

- Б. Я. Солон**, д-р физ.-мат. наук
(*главный редактор серии*)
- В. И. Назаров**, д-р психол. наук
- Т. А. Воронова**, канд. пед. наук
- М. В. Клюев**, д-р хим. наук
- В. А. Исаев**, д-р биол. наук
- Д. И. Молдавский**, д-р физ.-мат. наук
- Е. В. Соколов**, канд. физ.-мат. наук
- В. А. Годлевский**, д-р техн. наук
- Л. И. Минеев**, канд. физ.-мат. наук
- О. В. Кузьмина**, канд. юрид. наук
- Д. В. Кареев**, канд. ист. наук

Адрес редакции (издательства):

153025 Иваново, ул. Ермака, 39, к. 462
тел./факс: (4932) 93-43-41
e-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Электронная копия журнала размещена
на сайтах www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

© ФГБОУ ВО «Ивановский
государственный университет», 2021

ISSN 2500-2783 (online)

IVANOVO STATE UNIVERSITY BULLETIN

Series «Natural, Social Sciences»

2021. Issue 1

Scientific journal

Issued since 2000

The journal is registered at the National ISSN Agency of the Russian Federation
on 27.05.2016 as an electronic online publication

Founded by Ivanovo State University

EDITORIAL COUNCIL:

- V. N. Egorov*, Doctor of Economics
(Chairman)
- V. I. Nazarov*, Doctor of Psychology
(Vice-Chairman)
- K. Ya. Averbukh*, Doctor of Philology
(Moscow)
- Yu. M. Voronov*, Doctor of Politics
- N. V. Usoltseva*, Doctor of Chemistry
- Yu. M. Reznik*, Doctor of Philosophy
(Moscow)
- O. A. Khasbulatova*, Doctor of History
- L. V. Mikheeva* (Secretary-in-Chief)

EDITORIAL BOARD OF THE SERIES

«NATURAL, SOCIAL SCIENCES»:

- B. Ya. Solon*, Doctor of Physics
and Mathematics
(Chief Editor of the Series)
- V. I. Nazarov*, Doctor of Psychology
- T. A. Voronova*, Candidate of Science
- M. V. Klyuev*, Doctor of Chemistry
- V. A. Isaev*, Doctor of Biology
- D. I. Moldavansky*, Doctor of Physics
and Mathematics
- E. V. Sokolov*, Candidate of Science,
Physics and Mathematics
- V. A. Godlevsky*, Doctor of Technical Science
- L. I. Mineev*, Candidate of Technical Science
- O. V. Kuzmina*, Candidate of Science, Law
- D. V. Kareev*, Candidate of Science, History

Address of the editorial office:

153025, Ivanovo, Ermak str., 39, office 462
tel./fax: (4932) 93-43-41
e-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Electronic copy of the journal can be found
on the web-sites www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

© Ivanovo State University, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

От редакционной коллегии 7

**ПРОБЛЕМЫ И СПОСОБЫ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА**

Бредихин А. Л. Поправки к Конституции Российской Федерации 2020 г.
как фактор обеспечения государственного суверенитета России 9

Петрова Е. А. Проблемы реализации народного суверенитета в современных
условиях 13

Вальков С. В. Суверенитет и его относительность 19

Сычак Д. И. Правовое регулирование служебной деятельности органов
внутренних дел Российской Федерации: проблемы и перспективы 23

Ковалева Н. Л. Проблемные аспекты избирательного процесса: по итогам
выборов 2020 года 28

Карлявин И. Ю. Конституционный статус Центрального Банка
Российской Федерации и его роль в эмиссии
цифровой национальной валюты 32

Таибова О. Ю. Проблемы налогообложения в контексте социального
государства: правовой аспект 38

**РОЛЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ КОНВЕНЦИЙ В ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА
(К 70-ЛЕТИЮ ЕВРОПЕЙСКОЙ КОНВЕНЦИИ
О ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ОСНОВНЫХ СВОБОД)**

Бабуркин С. А. Европейская конвенция о правах человека
и институт уполномоченных по правам человека в России 45

Исаева Н. В. Правозащитная практика и достоинство личности:
новые подходы 50

Шмелева С. А. Права человека в условиях чрезвычайных обстоятельств
и распространения новой коронавирусной инфекции..... 60

Грибанова С. В. Оговорка о публичном порядке как защитный механизм
российской правовой системы и институт международного частного права.... 66

Ковалев С. Е. Реализация положений Европейской конвенции
о защите прав человека и основных свобод
в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации 71

Степанова И. Б., Соколова О. В. Условно-досрочное освобождение
от отбывания наказания: вопросы законодательной регламентации
и правоприменительной практики 75

Исаева А. Д. Судебное примирение как альтернатива разрешения споров..... 80

Швед Е. Н. Международно-правовые основы защиты прав детей-инвалидов..... 86

**ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ВОЙН
И ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ
(К 75-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ)**

Кузьмина О. В., Поцелуев Е. Л. Права человека в сфере уголовного судопроизводства в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период	93
---	-----------

**К ЮБИЛЕЮ ДЕКЛАРАЦИИ НЕЗАВИСИМОСТИ РСФСР
12 ИЮНЯ 1990 ГОДА**

Коваль С. П., Цветков М. Ю. Правовые и исторические аспекты Декларации о государственном суверенитете РСФСР от 12 июня 1990 г.	101
--	------------

<i>Сведения об авторах</i>	107
----------------------------------	------------

<i>Информация для авторов журнала «Вестник Ивановского государственного университета»</i>	109
---	------------

CONTENTS

From the editorial board 7

**CHALLENGES AND METHODS
OF ENSURING STATE SOVEREIGNTY**

Bredikhin A. L. Amendments to the constitution of the Russian Federation
in 2020 as a factor ensuring the state sovereignty of Russia 9

Petrova E. A. Problems of national sovereignty observance in current context 13

Valkov S. V. Sovereignty and its relativity 19

Sychak D. I. Legal regulation of the official activities of the internal affairs bodies
of the Russian Federation: problems and prospects 23

Kovaleva N. L. The problems of the election process: following the 2020 elections
outcomes 28

Karlyavin I. Yu. Constitutional status of the Central Bank of Russia and its role
in emission of digital national currency 32

Taibova O. Yu. Problems of taxation in the context of social state: the legal aspect 38

**THE ROLE OF REGIONAL CONVENTIONS
IN PROTECTION OF HUMAN RIGHTS (TO THE 70TH ANNIVERSARY
OF THE EUROPEAN CONVENTION ON HUMAN RIGHTS
AND FUNDAMENTAL FREEDOMS)**

Baburkin S. A. The European convention on human rights and the institute
of commissioners for human rights in Russia 45

Isaeva N. V. Human rights practice and personal dignity: new approaches..... 50

Shmeleva S. A. Human rights in the context of emergencies and the spread
of the new coronavirus infection 60

Gribanova S. V. The public policy clause as the protective mechanism
of the Russian legal system and the institute of private international law 66

Kovalev S. E. Implementation of provisions of the European Convention
on the protection of human rights and fundamental freedoms in the criminal
procedure legislation of Russian Federation 71

Stepanova I. B., Sokolova O. V. Conditionally-early release from punishment:
issues of legislative regulation and law enforcement practice 75

Isaeva A. D. Judicial reconciliation as an alternative to dispute resolution 80

Shved E. N. International legal framework for the protection of the rights of children
with disabilities 86

**HUMAN RIGHTS DURING WARs AND ARMED CONFLICTS
(TO THE 75TH ANNIVERSARY OF THE VICTORY
IN THE GREAT PATRIOTIC WAR)**

Kuzmina O. V., Potseluev E. L. Human rights in criminal proceedings during the Great Patriotic War and post-war period.....	93
---	-----------

**TO THE ANNIVERSARY OF THE DECLARATION
OF INDEPENDENCE OF THE RSFSR JUNE 12, 1990**

Koval S. P., Tsvetkov M. Yu. Legal and historical aspects Declaration of State Sovereignty of the RSFSR of June 12, 1990	101
--	------------

<i>Information about the authors</i>	107
--	------------

<i>Information for the authors of «Ivanovo State University Bulletin»</i>	109
---	------------

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

В настоящем выпуске журнала публикуются материалы Всероссийской (национальной) научно-практической конференции «Национальный суверенитет в условиях глобального мира (к 27-й годовщине принятия Конституции РФ)», состоявшейся 17—18 декабря 2020 г. на базе ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет». Организаторы — юридический факультет ИвГУ совместно с Научно-образовательным центром «Доступная правовая среда» при поддержке Уполномоченного по правам человека в Ивановской области, а также Управления Министерства юстиции РФ по Ивановской области.

Пленарное заседание открыли приветственными словами врио ректора ИвГУ А. А. Малыгин, председатель оргкомитета конференции, и Уполномоченный по правам человека в Ивановской области С. А. Шмелева.

К обсуждению были заявлены доклады, посвященные конституционным новеллам, конституционно-правовым основам государственного суверенитета, проблемным аспектам избирательного процесса и реализации народного суверенитета в современных условиях и другим вопросам. В числе докладчиков — А. Л. Бредихин (канд. юрид. наук, старший преподаватель Санкт-Петербургского университета МВД России), И. С. Криницына (старший прокурор отдела по надзору за исполнением законодательства в сфере экономики и оборонно-промышленного комплекса Управления по надзору за исполнением федерального законодательства прокуратуры Ивановской области, советник юстиции), Е. Л. Поцелуев (канд. ист. наук, доцент, зав. кафедрой теории и истории государства и права ИвГУ), Е. А. Петрова (канд. юрид. наук, доцент, зав. кафедрой сравнительного правоведения и правотворчества ИвГУ), Н. Л. Ковалева (член избирательной комиссии Ивановской области с правом решающего голоса), Е. Н. Николаева (начальник правового отдела УФНС России по Ивановской области), И. Е. Беляева (начальник отдела работы с налогоплательщиками УФНС России по Ивановской области), С. В. Вальков (доцент, координатор областной общественной организации «Ивановское областное общество прав человека»), Н. В. Исаева (канд. ист. наук, доцент, зав. кафедрой конституционного права и прав человека ИвГУ, руководитель НОЦ «Доступная правовая среда») и др.

Участие преподавателей юридического факультета ИвГУ в правозащитной деятельности, а также в подготовке студентов, работающих в сфере правового просвещения, было отмечено благодарственными письмами ректората ИвГУ, а также Ивановского регионального отделения Ассоциации юристов России. Грамотами деканата факультета были отмечены студенты, принимающие активное участие в работе юридической клиники ИвГУ.

Всероссийский круглый стол «Роль региональных конвенций в защите прав человека (к 70-летию Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод)» был открыт докладами С. А. Бабуркина (д-р полит. наук, профессор, Уполномоченный по правам человека в Ярославской области) и О. В. Кузьминой (канд. юрид. наук, доцент, первый проректор ИвГУ, зав. кафедрой уголовного права и процесса ИвГУ). Эти и другие доклады — В. Г. Ойкина (заместитель управляющего Отделения ПФР по Ивановской области), Е. Л. Поцелуева (канд. ист. наук, доцент, зав. кафедрой теории и истории государства и права ИвГУ), С. Е. Ковалева (доцент кафедры уголовного

права и процесса), О. В. Соколовой (канд. юрид. наук, доцент, декан юридического факультета ИвГУ) и И. Б. Степановой (канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса, зам. декана юридического факультета ИвГУ) вызвали оживленную дискуссию у участников конференции. В числе обсуждаемых вопросов: Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, европейские стандарты в области прав человека в российском уголовном процессе, новеллы в социально-обеспечительной сфере, реализация прав осужденных и др.

При проведении Всероссийских круглых столов «Декларация независимости РСФСР 12 июня 1990 г. и ее роль в развитии российского государства (к 30-летию принятия)» и «Права человека в условиях войн и вооруженных конфликтов (к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне)» затрагивались исторические, политические и правовые аспекты принятия Декларации, ее роль в формировании российской государственности на рубеже тысячелетий, проблемные аспекты отдельных положений и их влияние на современное состояние Российской Федерации. Второй Круглый стол продолжил серию научных мероприятий к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. На нем обсуждались вопросы не только историко-правовой направленности, но и проблемы соблюдения прав человека как во внутринациональных, так и межгосударственных вооруженных конфликтах в современном мире. Мероприятие было рассчитано также на участие студентов разных факультетов. При этом помимо научной направленности, был нацелен на реализацию просветительской и воспитательной задач.

На студенческой секции конференции были обсуждены проблемы реализации конституционного принципа равенства в сфере трудовых отношений, вопросы правового регулирования социальной защиты населения в субъектах РФ, конституционно-правовые аспекты защиты прав человека в контексте функций современного государства, сравнительно-правовые аспекты формирования законодательных органов различных государств, вопросы криминализации незаконного обогащения (в контексте положений Конвенции ООН против коррупции). Прозвучали доклады, посвященные правозащитному движению в России, правовому просвещению в Ивановской области.

Мероприятия были проведены в online и offline форматах и объединили почти 100 участников.

ПРОБЛЕМЫ И СПОСОБЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА

УДК 341.211
ББК 67.400.51

А. Л. Бредихин

ПОПРАВКИ К КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 2020 г. КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА РОССИИ

В настоящей статье автор анализирует поправки к Конституции Российской Федерации, принятые в 2020 г., на предмет их влияния на состояние государственного суверенитета России и отмечает, что в указанных поправках тема суверенитета занимает центральное место. Исследователь приходит к выводу, что поправки конституируют прежде всего укрепление суверенности Российской Федерации, автономизацию юрисдикции государства и повышение статуса и роли России в мировой политической системе.

Ключевые слова: Конституция РФ, поправки к Конституции РФ, суверенитет, Российская Федерация, международный статус.

A. L. Bredikhin

AMENDMENTS TO THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION IN 2020 AS A FACTOR ENSURING THE STATE SOVEREIGNTY OF RUSSIA

In this article, the author analyzes the amendments to the Constitution of the Russian Federation, adopted in 2020, in terms of their impact on the state of state sovereignty of Russia and notes that the topic of sovereignty occupies a central place in these amendments. The researcher comes to the conclusion that the amendments constitute, first of all, the strengthening of the sovereignty of the Russian Federation, the autonomization of the jurisdiction of the state and an increase in the status and role of Russia in the world political system.

Key words: Constitution of the Russian Federation, amendments to the Constitution of the Russian Federation, sovereignty, the Russian Federation, international status.

Вопрос суверенитета и суверенности государства традиционно занимал центральное место в теоретико-правовой науке, а также международном и конституционном праве. Кроме того, вопрос независимости и самостоятельности государства (суверенитета) интересен как с точки зрения права, так и факта.

В общем виде суверенитет — это необходимый признак государства, определяемый в единстве политического содержания, состоящего в возможности носителя верховной государственной власти независимо, самостоятельно формировать, а также осуществлять свою волю, и юридической формы, означающей закрепление свойств суверенитета в системе законодательства, структуре и компетенции органов государственной власти [1, с. 21].

© Бредихин А. Л., 2021

Конституция государства, как юридический документ, в первую очередь отражает юридическую сторону государственного суверенитета. Вместе с тем, основной закон учитывает и фактическую сторону государственного суверенитета, так как конституционные нормы, как правило, основываются на реально действующих принципах существующего государственного уклада и на состоянии общественно-политических отношений. Таким образом, по эволюции конституционных норм можно проследить развитие того или иного института, в том числе государственного суверенитета.

В качестве определенного исторического этапа развития государственного суверенитета России можно назвать принятие в 2020 г. поправок к Конституции Российской Федерации.

Конституция Российской Федерации 1993 г. [2] в целом воспроизвела традиционную модель конституций европейских государств, за исключением отдельных институтов, противоречащих российскому политическому укладу и общественно-политической обстановке того времени. Дальнейшая жизнь показала, что в полной мере такая конституция «не прижилась». Общественное сознание и идеология политических элит стала несколько расходиться с концептуальными положениями Основного закона.

Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» [3] внесены изменения и дополнения в Конституцию Российской Федерации, которые были одобрены всенародным голосованием и вступили в силу. Такие масштабные изменения произошли впервые с 1993 года, хотя назревали уже давно, исходя из современного состояния политико-правовых процессов в России. Международные события последних лет и внутрироссийские общественно-политические процессы обусловили актуальность обеспечения государственного суверенитета Российской Федерации и позволили по другому взглянуть на суверенность в международной политической системе.

Одной из принятых поправок к Конституции РФ является дополнение ст. 67 частью 2.1 следующего содержания: *«2.1. Российская Федерация обеспечивает защиту своего суверенитета и территориальной целостности. Действия (за исключением делимитации, демаркации, редемаркации государственной границы Российской Федерации с сопредельными государствами), направленные на отчуждение части территории Российской Федерации, а также призывы к таким действиям не допускаются»*.

Нужно отметить, что данное положение не в полной мере является нововведением, т. к. в ч. 3 ст. 4 Конституции Российской Федерации было сказано об обеспечении целостности и неприкосновенности российской территории. Новая же поправка конкретизирует и расширяет содержание суверенных прав и обеспечение их защиты, делает акцент именно на защите суверенитета во всех его проявлениях, что дает возможность государству применять широкий круг форм и средств для достижения названной цели.

Часть 2.1, дополняющая статью 67 Конституции Российской Федерации запрещает действия, которые могут быть направлены на отчуждение части территории России или призывы к таким действиям. Реальное назначение данного положения не очевидно, но достаточно логично. Так как Конституция Российской Федерации может быть изменена только в особом порядке, то указанное конституционное положение будет служить гарантией сохранения территориальной целостности России в долгой перспективе вне зависимости от того какие политические силы придут к власти. Безусловно, здесь в частности

подразумевается пресечение какой-либо возможности отчуждения в будущем присоединенных территорий — Республики Крым и города Севастополя, учитывая непризнание значительным количеством государств законности вхождения этих субъектов в состав Российской Федерации и возможное международное давление на российские власти в связи с этим.

В этом же пункте запрещается и призыв к совершению действий, которые следуют цели отчуждения территории России. В данном случае воспроизводится смысл статьи 280.1 Уголовного кодекса Российской Федерации [5] «публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации». Однако, в отличие от Уголовного кодекса РФ, конституционное положение более статично может быть изменено только в исключительном порядке.

Еще одним важным изменением является дополнение ст. 79 Конституции РФ, которая устанавливает возможность Российской Федерации участвовать в межгосударственных объединениях и передавать им часть своих полномочий, предложением: *«Решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации».*

Это дополнение также нельзя назвать революционным, так как в правовой практике России такое правило уже было сформировано Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении Конституционного Суда РФ от 19.04.2016 № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» [4] в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации», где впервые за современную историю признано невозможным исполнение постановления Европейского Суда по правам человека. В частности, Конституционный Суд РФ сделал вывод, что основываясь на Конституции Российской Федерации невозможно исполнить названное постановление в отношении граждан С. Б. Анчугова и В. М. Гладкова, так как данные граждане были приговорены к длительным срокам заключения за совершение особо тяжких преступлений и не могли рассчитывать на доступ к избирательным правам.

Следовательно, здесь применен принцип верховенства Конституции Российской Федерации, прямо вытекающий из сущности государственного суверенитета Российской Федерации. Это также предполагает, что нормы международного права в иерархии законодательства Российской Федерации стоят на ступень ниже, чем нормы Конституция Российской Федерации. Этот частный случай неполного исполнения постановления Европейского Суда по правам человека из судебного прецедента трансформировался в соответствующее положение Конституции Российской Федерации. Теперь при разрешении подобных дел в будущем будет применяться прямая ссылка на конституционные нормы без проведения дополнительного толкования, что ведет к формированию единообразной судебной практики по такого рода вопросам.

Продолжением темы укрепления государственного суверенитета России в принятых поправках стало дополнение текста Конституции РФ статьей 79.1, в которой указывается, что *«Российская Федерация принимает меры по поддержанию и укреплению международного мира и безопасности, обеспечению мирного сосуществования государств и народов, недопущению вмешательства во внутренние дела государства».*

Данная формулировка прямо декларирует, что Российская Федерация является значимым участником международных отношений и наделяется правом применять различные меры (дипломатические, гуманитарные, военные и т. п.) для поддержания и обеспечения международного мира. Эта статья фактически легализует весь комплекс мер, применяемых Российской Федерацией для урегулирования вооруженных конфликтов в Сирийской республике и некоторых других странах, а также различные формы участия в разрешении политических кризисов (например, в странах Африки).

Определенное значение имеет и дополнение текста Конституции Российской Федерации статьей 67.1, в которой, в частности, указывается на полное международное правопреемство России от Союза ССР, исторически сложившееся государственное единство, почитание памяти защитников Отечества и воспитание патриотизма. Несмотря на отсутствие прямой связи с суверенитетом, эти положения все же имеют отношение к эволюции государственного суверенитета, а именно идеологического компонента обеспечения суверенности.

Россия здесь предстает в образе уникальной цивилизации, которая развивалась непрерывно, включая период существования Союза ССР, и не намерена растворяться в мировом сообществе с унифицированными ценностями и идеалами.

В целом нужно сказать, что главными причинами внесения в Конституцию Российской Федерации поправок, касающиеся вопросов суверенности, является накопительный эффект изменения фактического статуса Российской Федерации в мировом сообществе, а также знаковых международно-правовых и политических событий.

Так, «европейская» Конституция Российской Федерации за 26 лет не привела к интеграции России со странами Европы, а обнаружившиеся неразрешимые политические противоречия устранили всякий смысл дальнейшего пути сближения. С этим связано и то, что советский период теперь стал приниматься более положительно не в угоду европейским и американским элитам.

Оценивая принятые конституционные поправки, и, в частности вопросы развития государственного суверенитета, нужно прежде всего отметить, что они указывают на укрепление суверенности Российской Федерации, автономизации юрисдикции государства и повышение статуса и роли России в мировой политической системе.

Библиографический список

1. Бредихин А. Л. Суверенитет как политико-правовой феномен. М.: ИНФРА-М, 2020. 128 с.
2. Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными общероссийским голосованием 01.07.2020. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.02.2021).
3. О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.02.2021).
4. По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации: Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2016 № 12-П. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.02.2021).
5. Уголовный кодекс Российской Федерации. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.02.2021).

УДК 341.211
ББК 67.400.51

Е. А. Петрова

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ НАРОДНОГО СУВЕРЕНИТЕТА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В статье рассматриваются вопросы соотношения суверенитета народа и суверенитета государства. Указывается на отсутствие единообразия в понимании таких категорий, как «народ» и «нация», причем не только в доктрине, но и в нормативных источниках. Выделяются внутренний и внешний аспекты проблем реализации народного суверенитета. Внутренний — связан с обеспечением производности государственного суверенитета от народного, когда народ провозглашается непосредственным источником власти, которую реализует через институты прямой и опосредованной демократии. Внешний аспект обуславливается современной трактовкой общепризнанного принципа международного права — принципа самоопределения народов, действие которого «сдерживается» суверенитетом государства. Делается вывод о необходимости эффективного взаимодействия народного и государственного суверенитетов и их непротиворечия друг другу.

Ключевые слова: народный суверенитет, суверенитет государства, нация, народ, конституция, демократия, принцип самоопределения народов.

Е. А. Petrova

PROBLEMS OF NATIONAL SOVEREIGNTY OBSERVANCE IN CURRENT CONTEXT

The article is devoted to relationship between the sovereignty of the people and the sovereignty of the state. It is pointed out that there is a lack of uniformity in the understanding of such categories as "people" and "nation", not only in the doctrine, but also in normative sources. The internal and external aspects of the problems of the national sovereignty realization are considered. Internal aspectis connected with ensuring the derivation of state sovereignty from the people one, when the people are declared the direct source of power, which is implemented through the institutions of direct and indirect democracy. The external aspect is determined by the modern interpretation of the generally recognized principle of international law — the principle of self-determination of peoples, the effect of which is "restrained" by the state sovereignty. The conclusion is made about the necessity of effective interaction between the national and state sovereignty and their non-contradiction to each other.

Key words: national sovereignty, sovereignty of the state, nation, people, constitution, democracy, principle of self-determination of peoples.

Суверенитет традиционно рассматривается как неотъемлемый признак государства, отличающий его как от первобытнообщинной организации власти, так и от иных политических структур. Ключевыми характеристиками суверенитета считаются независимость и верховенство государственной власти. При этом оба качества (независимость и верховенство) присущи лишь внутреннему суверенитету. Во внешних же отношениях ни одно государство

© Петрова Е. А., 2021

юридическим верховенством не обладает, что обуславливается действием двух взаимосвязанных общепризнанных принципов международного права: уважения государственного суверенитета и суверенного равенства государств. Однако в международном праве существует еще один важный принцип — принцип самоопределения народов (наций), который поднимает вопрос о соотношении государственного суверенитета с другими видами суверенитета, а именно — с суверенитетом народа (нации) как его (её) правом самостоятельно определять свою «судьбу» (политическую, экономическую, культурную и т. д.).

В доктрине отсутствует единство мнений по поводу дефиниции таких категорий, как «нация» и «народ» [3, с. 11]. Устоявшее словосочетание «многонациональный народ» позволяет сделать вывод о том, что понятие «народ» более широкое по объему, хотя, очевидно, что это не единственный вариант соотношения. Возможно использование данных дефиниций и в качестве синонимов, например, когда речь идет об «однациональном» народе. И нация, и народ могут рассматриваться как самостоятельные (коллективные) субъекты права (см. об этом: [5, с. 39—89; 3, с. 12]). Не вдаваясь в дискуссию, отметим, что, на наш взгляд, главное, чтобы указанные категории однозначно использовались в нормативных источниках, не создавая почву для «двойного» толкования. Так, например, в статье 1 Устава ООН 1945 г., выступающего основным источником общепризнанных принципов современного международного права, в качестве одной из целей ООН закрепляется развитие дружественных отношений между *нациями* на основе уважения принципа равноправия и самоопределения *народов* [7]. Означает ли данная формулировка использование категорий «нация» и «народ» как синонимов или в употреблении разных дефиниций был заложен глубокий смысл?! По нашему мнению, более вероятно первое.

Не вносит ясности в вопрос соотношения понятий и национальное законодательство. Так, в Конституции РФ термин «нация» как таковой отсутствует (в отличие от «народа»), но при этом неоднократно используется конструкция «многонациональный народ» (например, в Преамбуле, в статье 3) [4]. А после внесения конституционных поправок 2020 г. появились еще более сложные формулировки: государствообразующий народ, входящий в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации (статья 68). В результате, по нашему мнению, появилась технико-юридическая коллизия: с одной стороны, согласно ст. 3 Конституции РФ носителем суверенитета в России является ее многонациональный *народ* (что как раз и выступает проявлением народного суверенитета), но с другой стороны, исходя из смысла ст. 68 Конституции РФ, в Российской Федерации народ не один, а целый *союз народов*. Кто же выступает носителем суверенитета: все равноправные народы, образующие многонациональный союз, или какой-то один народ (например, государствообразующий, поэтому так и называющийся). Очевидно, что в самом конституционном тексте мы прямых ответов на обозначенные вопросы не найдем, и для их решения потребуются интерпретационная деятельность, в частности, Конституционного Суда РФ как главного «толкователя» не только «буквы», но и «духа» Конституции. А решение это требуется для четкого установления носителя и источника суверенной власти в РФ.

Приведенные примеры из международного и российского права подтверждают необходимость однозначного определения содержания таких

понятий, как «нация», «народ», по крайней мере, при их использовании в нормативных актах. Возвращаясь же к проблеме соотношения с государственным суверенитетом, мы считаем необходимым рассмотреть его связь именно с *народным* суверенитетом, как вытекающим из международно-признанного права народов на самоопределение в его трактовке в Декларации о принципах международного права 1970 г. [1]. В соответствии с данной Декларацией все народы имеют право свободно определять без вмешательства извне свой политический статус и осуществлять свое экономическое, социальное и культурное развитие, и каждое государство обязано уважать это право.

В современных условиях, характеризующихся глобализацией всех сфер общественной жизни, а также появлением новых областей, требующих правовой регламентации, проблемы реализации народного суверенитета имеют два аспекта проявления: внутренний (внутри государства) и внешний (на международной арене).

Проблемы реализации народного суверенитета «внутри» государства можно рассмотреть на примере Российской Федерации. Согласно Конституции, как мы уже упоминали, единственным источником власти в РФ является народ, который осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и местного самоуправления (ст. 3). Соответственно получается, что народ как бы «делегировал» свой суверенитет государству, и в таком контексте государственный суверенитет *произведен* от народного. Однако, чтобы производность была реальной, а не формальной, необходимо, чтобы народ фактически пользовался своими властными полномочиями. Это должно осуществляться в первую очередь через институты прямой демократии — референдумы и выборы, выступающие, согласно Конституции РФ, высшим непосредственным выражением власти народа. Но референдумы в нашей стране проводятся крайне редко, хотя происходящие в стране процессы вполне дают тому поводы. Так, целесообразно было провести общегосударственный референдум по вопросу вхождения Крыма в состав РФ, а также по вопросу внесения поправок в Конституцию (прошедшее в июле 2020 г. общероссийское голосование по внесению изменений в Конституцию не тождественно с юридической точки зрения референдуму и даже всенародному голосованию, на котором принималась сама Конституция). Вероятно, не использование механизма референдума в приведенных примерах было вызвано объективной необходимостью, когда с учетом сложившейся социально-политической ситуации требовалось оперативное принятие концептуального решения без значительных временных, организационных и материальных затрат. В таких условиях государственный суверенитет получает определенный иерархический приоритет над народным в интересах последнего.

В условиях редко организуемых референдумов реально действующим институтом прямой демократии становятся выборы, которые проводятся практически ежегодно, но здесь, к сожалению, мы наблюдаем весьма низкую заинтересованность самого народа в его использовании. Подтверждением тому выступает невысокий процент явки на выборы, особенно муниципального характера (хотя муниципальная власть и отделена от государственной, но решаемые ею вопросы максимально значимы для каждого отдельного гражданина). Так, например, 13 сентября 2020 г. в Ивановской области проводились выборы в представительные органы местного самоуправления.

Средняя явка избирателей по Ивановской области составила 21,95 % [2], т. е. меньше четверти всего населения. Явка на федеральных выборах традиционно больше (в среднем 50—70 %), но и она далека от полной. Низкий процент явки на выборы в органы государственной власти ставит вопрос о реальной производности государственного суверенитета от народного. Причин низкой избирательной активности граждан может быть много, но самая главная, по нашему мнению, и самая сложно преодолимая, — это не достаточно высокий уровень политической и правовой культуры населения. В повышении этого уровня значительную роль должны играть как государственные структуры, в т. ч. образовательные, так и институты гражданского общества.

Народ, по крайней мере значительная его часть, не желает непосредственно «пользоваться» своим суверенитетом, перекладывая властные полномочия на государство. Однако определенный «позитив» в рассматриваемую ситуацию вносят институты опосредованной демократии, позволяющие населению участвовать в обсуждении законопроектов, в осуществлении общественного контроля, выражать свои взгляды на санкционированных мероприятиях, в СМИ и т. д. Данные инструменты, пусть и опосредованной, но все-таки реализации народного суверенитета функционируют в нашей стране достаточно эффективно и используются гражданами более активно. Способствует этому в современных условиях всеобъемлющая цифровизация, охватывающая в том числе деятельность государственных структур, что позволяет населению для усиления своего влияния как источника власти задействовать институты «электронной демократии». Внедрение информационных технологий, на наш взгляд, будет способствовать и развитию институтов прямой демократии, например, через электронное голосование, которое может оказаться для граждан более удобным, чем «традиционное». Очевидно, что государство само заинтересовано в расширении использования демократических механизмов, т. к. это будет обеспечивать реальную производность государственного суверенитета от народного, а, значит, и повышать степень легитимности государственной власти.

Что касается внешнего аспекта проблемы реализации народного суверенитета, то он связан с современной трактовкой международно-признанного принципа самоопределения народов. На международной арене, в отличие от ситуации внутри государства, государственный суверенитет не производится от народного, а напротив, ограничивает его реализацию: формы самоопределения народа в условиях современных международных отношений должны быть таковы, чтобы не нарушать обусловленный государственным суверенитетом принцип территориальной целостности государств. На это обращается особое внимание в Декларации о принципах международного права, которая закрепляет, что ничто в толковании принципа самоопределения народа «не должно истолковываться как санкционирующее или поощряющее любые действия, которые вели бы к расчленению или к частичному или полному нарушению территориальной целостности или политического единства суверенных и независимых государств, соблюдающих в своих действиях принцип равноправия и самоопределения народов... и, вследствие этого, имеющих правительства, представляющие без различия расы, вероисповедания или цвета кожи весь народ, проживающий на данной территории». Хотя изначально (в постколониальный период) данный принцип и был направлен на то, чтобы колониальные народы могли создавать свои суверенные и независимые государства, либо свободно присоединяться к другим государствам,

сейчас, когда большинство народов уже определились со своей государственной принадлежностью, содержание принципа изменилось. Народ должен реализовать свой суверенитет в рамках того государства, в котором он проживает, а государство, в свою очередь, должно обеспечивать ему эту возможность. Формами такого проявления народного суверенитета выступают: наличие национального государственного языка, гражданства, своих представителей в центральных органах государственной власти и т. п. Например, в Российской Федерации республики, в которых проживают собственные «народы» (нации), обладают особым *повышенным* конституционно-правовым статусом по сравнению с другими (территориальными) субъектами федерации, что, как отметил Конституционный Суд РФ, связано «с факторами исторического, национального и иного характера», хотя от этого республики не становятся носителями государственного суверенитета [6].

Единственная ситуация, когда современное международное право отдает иерархический приоритет принципу самоопределения народов над принципом территориальной целостности государств, а значит, ставит народный суверенитет выше государственного — это, как следует из толкования положений Декларации о принципах международного права, случай, когда государство *нарушает* в своих действиях принцип равноправия и самоопределения народов. В подобных условиях народ может воспользоваться крайней «формой» самоопределения и выйти из состава государства, нарушив его территориальную целостность, даже вопреки требованиям национальной конституции (не закрепляющей, как правило, право сецессии). Таким образом, каждый раз, когда возникает вопрос о праве народа выйти из состава государства в реализацию своего суверенитета, необходимо доказать совершение этим государством нарушений в отношении собственного народа, чтобы легализовать тем самым ограничение суверенитета государственного. На практике ситуация осложняется тем, что отсутствуют международные институты, которые могли бы дать независимую оценку соблюдению принципа самоопределения народов, поэтому каждое государство как суверенный участник международных отношений занимает собственную позицию по поводу правомерности своих действий и действий проживающих на его территории народов. При этом нередко позиции государств по одной и той же ситуации не совпадают, что приводит к применению, далеко не всегда юридически обоснованному, международных санкций за нарушение принципов международного права и влечет за собой возникновение так называемых «непризнанных» государств.

Подводя итог вышеизложенному, следует еще раз подчеркнуть необходимость учета в современных реалиях всех проявлений суверенитета, не ограничиваясь только рассмотрением его как неотъемлемого признака государства. Наиболее тесно государственный суверенитет связан с суверенитетом народа, но эта связь вызывает и определенные проблемы в их взаимной реализации. Так, внутри государства, провозглашающего народ непосредственным источником власти (что характерно для демократического режима), необходимо обеспечивать реальную производность государственного суверенитета от суверенитета народа. Для этого народу в целом и каждому гражданину в отдельности как его представителю следует использовать существующие механизмы прямой и опосредованной демократии, эффективность которых находится в прямой зависимости от уровня правовой и политической культуры населения. Развитие этой культуры — важная задача правового

государства и гражданского общества. Реальное осуществление власти народом помогает «удерживать» государственную машину на демократических рельсах, что позволяет говорить об определенном ограничении государственного суверенитета народным внутри страны. На международной же арене, напротив, осуществление народного суверенитета оказывается ограниченным суверенитетом государства, но при условии, что последнее соблюдает право народа на самоопределение. Поэтому в современных международных отношениях приоритет отдается таким формам самоопределения народа, которые не нарушают территориальную целостность государств. Таким образом, суверенитет — качество равнозначимое как для народа, так и для государства. И народ должен хотеть и уметь пользоваться своим суверенитетом не меньше, чем государство. Только эффективное взаимодействие народного и государственного суверенитетов и их непротиворечие друг другу могут обеспечить гармоничное развитие современного государственно-организованного многонационального общества.

Библиографический список

1. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН 1970 г. // Официальный сайт ООН. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 24.02.2021).
2. Избирком опубликовал официальные итоги голосования на муниципальных выборах 13 сентября в Ивановской области // <https://chastnik.ru/news/obshchestvo/2377884-izbirkom-opublikoval-predvaritelnye-itogi-golosovaniya-na-munitsipalnykh-vyborah-13-sentyabrya-v-iv> (дата обращения: 24.02.2021).
3. *Исаева Н. В.* Народ как коллективный субъект публично-властных отношений в контексте законодательных новелл // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Естественные, общественные науки. 2020. Вып. 1. С. 10—15.
4. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г. // Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.07.2020).
5. *Оль П. А., Ромашов Р. А.* Нация (генезис понятия и вопросы правосубъектности). Глава 2: Нация как субъект права. СПб.: Изд-во С.-Петербурга. юрид. ин-та, 2002. 141 с.
6. По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»: Постановление Конституционного Суда РФ от 07 июня 2000 г. № 10-П // СЗ РФ. 19 июня 2000. № 25. Ст. 2728.
7. Устав Организации Объединенных Наций (принят в г. Сан-Франциско 26 июня 1945 г.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

УДК 341.211
ББК 67.400.51

С. В. Вальков

СУВЕРЕНИТЕТ И ЕГО ОТНОСИТЕЛЬНОСТЬ

Статья посвящена анализу обоснованности внесения в Конституцию Российской Федерации поправок, касающихся её суверенитета, связи суверенитета с договорными отношениями, и относительности суверенитета.

Ключевые слова: суверенитет, договор, права человека.

S. V. Valkov

SOVEREIGNTY AND ITS RELATIVITY

The article is devoted to the analysis of the validity of introducing amendments to the Constitution of the Russian Federation concerning its sovereignty, the connection between sovereignty and contractual relations, and the relativity of sovereignty.

Key words: sovereignty, treaty, human rights.

В 2020 году перед принятием поправок в Конституцию Российской Федерации Президент РФ В. В. Путин, депутаты от Единой России, члены рабочей группы по поправкам в Конституцию РФ [2] агитировали за усиление гарантий суверенитета Российской Федерации. Для этого было предложено внести в неё нормы, позволяющие не исполнять решения международных органов и судов, принятые в истолковании противоречащем Конституции Российской Федерации, а также не допускать вмешательства во внутренние дела государства (ст. 79.1) [1].

В Конституции РФ уже есть статья, которые направлены на решение этого вопроса. Так статья 3 ч. 1 устанавливает, что носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является её многонациональный народ, а в статье 4 говорится, что суверенитет России распространяется на всю её территорию, а Конституция РФ и федеральные законы имеют верховенство на всей территории России, и, что Российская Федерация обеспечивает целостность и неприкосновенность своей территории. Важной в контексте рассматриваемого вопроса представляется статья 15, где в части 1 говорится о высшей юридической силе Конституции Российской Федерации, её прямом действии, что законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации не должны ей противоречить, а часть 4 признает общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации составной частью её правовой системы, отдаёт предпочтение международным договорам в случае коллизии между законом и международным договором.

Таким образом, в действовавшей с 1993 по 2020 год Конституции России [1] уже гарантированы суверенитет и верховенство Конституции страны по отношению к международным договорам и другим нормативным и правовым актам. То есть внесение указанных выше дополнений в ст. 79 и внесение ст. 79.1 не являлось необходимым для защиты суверенитета Российской Федерации. Более того, как правило, международные договоры, подписанные и ратифицированные Россией, полностью соответствуют нормам Конституции РФ.

© Вальков С. В., 2021

Следовательно, речь идёт именно о попытке создании механизма для неисполнения решений международных органов, но при этом без выхода из соответствующих договоров и органов. Подразумевается, что Россия, состоя в каких-то международных структурах, может требовать от участников соответствующих договоров их исполнения, но сама оставляет за собой «право» не исполнять решения органов по этим договорам. Такая, на наш взгляд, «гибридная» международная политика ведёт к неизбежным репутационным потерям, наложению санкций и в каких-то случаях к исключению из соответствующих органов и договоров.

Так что же такое суверенитет и насколько его надо защищать?

Термин суверенитет выводят из средневекового понятия суверен, государь, единоличный полновластный правитель, казалось бы, ничем и никем не ограниченный. Понятно, что такая неограниченность — фикция, но ограниченность полновластия, конечно, может различаться. В настоящее время существуют понятия: суверенитет государства, страны, суверенитет народа, суверенитет личности, суверенитет международного права и т. п. Понятия государственного и национального суверенитета закреплены в Уставе ООН и в Хельсинкских соглашениях (1975 г.).

Между полным (абсолютным) суверенитетом и его отсутствием находится реальное множество различных вариантов частичного, ограниченного, относительного суверенитета.

Следует понимать, что простейший договор, например, купли-продажи уже является ограничением суверенитета личности. Вы же не можете просто взять батон хлеба в магазине (это будет кража), последуют санкции. Для того, чтобы батон получить необходимо заключить простейший договор, платить своей собственностью — деньгами, то есть поступать своим суверенитетом. Так же и государство, чтобы купить эшелон хлеба, платит бюджетными деньгами.

Полный государственный суверенитет подразумевает, что правитель или правительство в рамках своей территории творит всё, что захочет, ни от кого и ни от чего не зависит, никому ничего не уступает взамен чего-то, отгородившись от всего мира, и никаких экономических и информационных связей не поддерживает. Даже почта у него действует лишь внутри государства, потому как даже межгосударственная почта требует некоторых соглашений (договоров) и экономических отношений. Таким полным племенным суверенитетом обладают лишь некоторые дикие кочевые племена в лесах Амазонки, которые живут строго обособленно и могут убить приблизившегося чужака. Однако, поскольку противоположности сходятся, такие племена не имеют государственного суверенитета, так как не имеют своей территории и других атрибутов государства, они вынуждены скрываться от остального населения и властей страны. Даже Корейская народно-демократическая республика, живущая по законам Чучхе (самообеспечения) в условиях жёсткой диктатуры, то есть высокой степени суверенитета, самовластия правителя, поддерживает всевозможные межгосударственные отношения, в том числе торговые.

В связи с научно-техническим и общественным прогрессом происходит развитие экономических и других, в том числе правовых отношений. С 1948 года направлением развития правовых систем государств становится приоритет прав и свобод человека. Происходит гуманизация законодательства, десятки стран получили независимость и государственный суверенитет.

Развитие радиоэлектроники, авиации и космонавтики, компьютерной техники, интернета всё более тесно связывают страны и континенты. Производство, например, автомобиля Форда не может обойтись без поставок сырья и комплектующих изделий со всего мира. Соответственно, даже для этого заключаются и действуют тысячи договоров.

Создание Европейского союза было обусловлено как экономическими (убрать таможенные барьеры), так и политическими (исключить войны) целями людей и государств на территории Европы. Естественно, при этом страны Европы ограничились своим суверенитетом, поделились им с союзом. За это они приобрели больше комфорта для людей, развития экономики, науки, культуры, образования, получили свободу передвижения внутри Евросоюза и т. д. Единая валюта (евро) в большинстве стран Европы облегчила и упростила расчёты и стала одной из важнейших мировых валют.

Так же и Соединённые штаты Америки начинали как отдельные государства, объединились в конфедерацию, а затем в федерацию, которая сегодня является ведущей экономикой мира.

С другой стороны, распад СССР на отдельные государства, получившие каждое свой суверенитет, привёл к падению промышленного и сельскохозяйственного производства, уровня жизни во всех вновь образованных государствах.

Таким образом, можно сказать, что сам по себе государственный суверенитет не является основой или гарантией процветания государства, страны и народа в ней. Основная мировая тенденция состоит в объединении усилий государств, народов, различных научных и производственных компаний, в целях развития и сотрудничества, торговли, что ведёт к ограничению суверенитета государств, снижению его роли в жизни народов. Даже розничная торговля всё более приобретает международный характер, как видно на примере компаний Али Экспресс, Амазон и т. п.

Обычно о своём суверенитете, особенно в сфере прав человека, настаивают авторитарные режимы, заявляя, что эта сфера их внутреннее дело, и никто не может вмешиваться в то, как они преследуют инакомыслящих, оппозицию, религиозные, национальные или другие меньшинства. Однако, государства члены ООН, участники соответствующих пактов ООН, тем более Хельсинкских соглашений обязаны соблюдать права человека. Международная система защиты прав человека постепенно развивается. Если в США в ряде штатов ещё применяется смертная казнь, то в Евросоюзе и странах Совета Европы она уже много лет запрещена. Россия как участник ООН и Хельсинкских соглашений, а также совета Европы, более того, согласно двум первым главам Конституции РФ также обязана соблюдать права и свободы человека и гражданина, и это является приоритетом и целью деятельности государства и его органов.

На этом фоне стремление избежать обязанности выполнять решения международных органов и судов выглядит странно и нелогично. Например, решения Европейского Суда по Правам Человека (ЕСПЧ) направлены на защиту прав человека, Россия признает его юрисдикцию. Если государство не хочет исполнять решения этого Суда, может ли оно выйти из Совета Европы? Но тем же права человека и даже в большем объёме прописаны и в собственной Конституции РФ. Полагаю, что выход из всех договоров по международной торговле вряд ли россияне одобряют.

Тезис ст. 79.1 о недопустимости вмешательства во внутренние дела государства очень расплывчат. Тут совершенно отсутствуют адресаты — чьё именно вмешательство во внутренние дела не допускается, какие именно внутренние дела и т. д. Такая расплывчатость юридически ущербна и чревата произвольным толкованием и применением. У нас уже в законе об НКО дано определение политической деятельности, по которому любое обращение в государственный или муниципальный орган, любую публикацию в интернете можно трактовать как политическую деятельность, зная нашу правоприменительную практику. Взгляните на предлагаемые поправки в законодательство об иностранных агентах, которые по принципу заражения вирусом COVID-19 позволяют объявлять иностранными агентами тех, кто назвал кого-то в Интернете, не указав, что того уже записали в иноагенты. Вам на любой счёт в банке или банковскую карту могут прислать 5 долларов из-за границы и тут же объявить иностранным агентом, применять санкции. Суверенитет граждан становится весьма расплывчатым, с ними можно делать что угодно, а суверенитет государства становится каким-то относительным. По отношению к гражданам он растёт, хотя по части 1 статьи 3 Конституции РФ именно народ является носителем суверенитета.

Как показывает современная практика, в чём-то российский суверенитет сильнее, в чём-то слабее, по отношению к одним государствам, органам, лицам он жёсткий, по отношению к другим — мягкий. Например, из США в Канаду люди также свободно ездят на заработки, как из Беларуси или Казахстана в Россию. Но из России в США и наоборот это сделать гораздо сложнее. То есть получается какой-то относительный суверенитет, он зависит от взаимоотношений руководства государств между собой, поэтому делать акцент на необходимости его дополнительной защиты кажется странным, учитывая, что руководство государств само решает, как им распорядиться.

Следовательно, по нашему мнению, внесённые в Конституцию РФ поправки о суверенитете никак не улучшают её качество, скорее наоборот, а также не способствуют её главной цели: защите прав и свобод человека и гражданина.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. О рабочей группе по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию российской Федерации: распоряжение Президента РФ от 15.01.2020 № 5-рп. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202001150021> (дата обращения: 02.03.2021).

УДК 342.924
ББК 67.401.1

Д. И. Сычак

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье рассматриваются проблемные аспекты правового регулирования деятельности органов внутренних дел Российской Федерации на современном этапе развития. С учетом аналитической дифференциации существующих современных научных теоретических подходов, затронуты концептуальные значения описываемой в данной статье проблематики и обозначены как общие положения, так и особенности законодательства в сфере деятельности полиции в частности.

Ключевые слова: правовое регулирование, служебная деятельность органов внутренних дел, современные научные теоретические подходы, особенности законодательства.

D. I. Sychak

LEGAL REGULATION OF THE OFFICIAL ACTIVITIES OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS AND PROSPECTS

The article deals with the problematic aspects of the legal regulation of the activities of the internal affairs bodies of the Russian Federation at the present stage of development. Taking into account the analytical differentiation of existing modern scientific theoretical approaches, the conceptual meanings of the problems described in this article are touched upon and both general provisions and features of legislation in the field of police activity are outlined.

Key words: legal regulation, service activities of the internal affairs bodies, modern scientific theoretical approaches, features of legislation.

Высокая результативность реализации задач, стоящих перед органами внутренних дел, во многом зависит от качества правового регулирования, своевременной актуализации нормативных правовых актов с учетом потребностей общества и возникающих новых общественных отношений.

В качестве позитивного аспекта следует отметить, что в процессе административной реформы, проходящей на современном этапе развития нашего государства, Министерство внутренних дел Российской Федерации (далее — МВД России) своевременно инициирует принятие базовых федеральных законов и подзаконных нормативных правовых актов. Так, Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее — Закон о полиции), Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», Федеральный закон от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» и ряд других, пакет указов Президента Российской Федерации,

© Сычак Д. И., 2021

а также принятые во их исполнение приказы и распоряжения МВД России формируют необходимую нормативную базу деятельности полиции.

В целом, учтены и урегулированы в нормативном порядке многие проблемы, касающиеся правоприменительной и административно-юрисдикционной практики. При этом используются достижения ведомственной научной мысли. В частности, более конкретно и однозначно регламентированы права и обязанности сотрудников полиции, полно определены условия, порядок и основания применения специальных мер принуждения, что способствует эффективному выполнению сотрудниками полиции возложенных на органы внутренних дел задач.

Так, например, статьей 15 Закона о полиции значительно подробнее, нежели пунктом 18 части I статьи 11 утратившего силу Закона Российской Федерации от 18 апреля 1991 г. «О милиции», регламентируются основания и порядок вхождения (проникновения) в жилые и иные помещения, на земельные участки и территории [4, с. 17—25] и, по существу, подтверждается правомерность административно-процессуальных способов выявления и документирования признаков преступлений в жилище граждан, неприкосновенность которого гарантируется ст. 25 Конституции России [3, с. 3—4].

Как справедливо заметил С. П. Булавин в монографии «Преemptивность в национальном законодательстве в условиях глобализации», указанный закон «...восполняет имеющиеся пробелы в правовом регулировании сферы внутренних дел, содержит более надежные гарантии прав человека и гражданина, вовлекаемого в орбиту полицейской деятельности, устанавливает более жесткие требования к работе органов правопорядка... Многие идеи и положения Закона о полиции, отвечая мировым и европейским стандартам, являются прорывом в законодательном регулировании правоохранительной деятельности» [1, с. 4].

Вместе с тем, по мнению ряда специалистов законодательной сферы, следует признать, что в ходе первоначального этапа реформирования МВД России были допущены организационно-правовые просчеты, выразившиеся в определенной поспешности, а в отдельных случаях и непродуманности некоторых направлений правового регулирования деятельности полиции.

Так, например, с момента принятия Закона о полиции он являлся предметом правового регулирования 18 федеральных законов, устраняющих дублирование и противоречия правовых норм, уточняющих порядок их реализации, наделяющих сотрудников полиции дополнительными полномочиями или освобождающих от несвойственных им функций.

Исходя из данных обстоятельств, в рамках дальнейшего реформирования системы МВД необходим более взвешенный, научно обоснованный подход при подготовке новелл с целью осуществления кардинальных и эффективных изменений в его деятельности.

В первую очередь это касается необходимости внесения изменений в нормативные документы, определяющие организационно-структурное построение территориальных органов МВД России. Оптимизация организационно-штатной структуры посредством «поголовного», без учета специфических особенностей, укрупнения территориальных органов, образование так называемых межмуниципальных органов МВД России повлекло ряд организационно-управленческих проблем, устранение самоуправляемости и снижение штатной обеспеченности полиции малонаселенных районов и иных муниципальных образований. Данные «новшества» вызывают определенные

неудобства и недоумения у населения. Возникают коллизии во взаимодействии с органами местного самоуправления, надзорными органами (прокуратурой), судами и другими правоохранительными структурами. Следует согласиться с выводами ряда специалистов, в том числе из числа руководства МВД России, о том, что многие организационно-штатные преобразования были необоснованными и не принесли ожидаемых позитивных результатов.

В настоящее время является актуальным рассмотрение вопроса о целесообразности возрождения на базе штатов межмуниципальных органов МВД России самостоятельных территориальных ОВД. При этом необходимо использовать дифференцированный подход и учитывать специфические особенности ОВД и территориальных образований. Необходимые правовые предпосылки для этого в данное время уже существуют. Президентом Российской Федерации В. В. Путиным внесены изменения в указы Президента Российской Федерации от 1 марта 2011 г. № 248 и № 250. Министром внутренних дел подписан 18 марта 2014 г. приказ № 160, дающий право создавать самостоятельные отделения МВД России по небольшим районам и городам.

Одним из проблемных аспектов в сфере правового регулирования деятельности органов внутренних дел, негативно влияющих на результаты оперативно-служебной деятельности, является несоответствие их штатной численности масштабам и объемам решаемых задач в правоохранительной сфере, складывающейся криминогенной ситуации и оперативной обстановке. В результате серьезного сокращения кадров органов внутренних дел в ходе реформы 2010—2012 гг. нагрузка на личный состав служб и подразделений, непосредственно ведущих борьбу с преступностью и обеспечивающих охрану общественного порядка, значительно возросла. Дальнейшее повышение интенсивности оперативно-служебной деятельности негативно сказывается на эффективности проводимых правоохранительных мероприятий, и в первую очередь — на результатах по рассмотрению обращений о преступлениях и происшествиях, расследованию преступлений и административных правонарушений. Ивановская область не стала исключением.

Возникшие в связи с реформированием системы МВД проблемы особенно болезненно отразились на службе участковых уполномоченных полиции (далее — УУП). МВД России, утвердив новое Наставление по организации деятельности участковых уполномоченных полиции, с учетом произошедших изменений в законодательстве, достаточно полно регламентировало организационные основы деятельности УУП, их права и обязанности, что, несомненно, призвано способствовать повышению «коэффициента полезных действий» данных сотрудников полиции.

Вместе с тем, Приказ МВД России от 31 декабря 2012 г. № 1166 «Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции» содержит в пункте 2.2 норму, которая, по сути, нивелировала ранее установленные ограничения по использованию участковых уполномоченных полиции не по прямому назначению. Через призму практической реализации данной нормы мы замечаем такую «картину», согласно которой участковые уполномоченные полиции большую часть служебного времени заняты несвойственной работой вне административных участков. Оказывают содействие другим службам и ведомствам, а на профилактическую работу на закрепленных административных участках у них времени не остается. Особенно данное обстоятельство стало показательным при проведении комплексных мероприятий по противодействию пандемии коронавирусной инфекции.

Так, за период реализации антиковидных мер, сотрудники подразделений УУП систематически задействуются в проведении профилактических и иных мероприятий. Как ни парадоксально, но таким подходом по использованию участковых уполномоченных полиции недовольно прежде всего их руководство, которое несет персональную ответственность за организацию служебной деятельности данных сотрудников, находящихся в их подчинении. Полагал бы целесообразным нормативно закрепить запреты по использованию участковых уполномоченных полиции вне зоны административных участков и не по прямому их назначению.

Вызывает особый интерес вопрос конкуренции правовых норм, возникающей в ходе правоприменительной практики в рамках осуществления органами полиции, органами государственной власти субъектов РФ и органами местного самоуправления административно-юрисдикционной деятельности по выявлению и пресечению административных правонарушений. Особое место здесь занимает проблематика исполнения органами внутренних дел РФ регионального административного законодательства. Ранее данная проблема разрешалась посредством применения части 6 статьи 28.3 КоАП РФ, согласно которой передача полномочий по составлению протоколов об административных правонарушениях, предусмотренных региональным законодательством, предусматривается соглашениями между федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел, и Правительством субъекта РФ о передаче осуществления части полномочий» [2].

К примеру, в настоящее время такое соглашение между УМВД России по Ивановской области и Правительством Ивановской области не заключено, перспектива его заключения ничтожна, в связи с чем соответствующая норма из Закона Ивановской области от 24.04.2008 г. № 11-ОЗ «Об административных правонарушениях в Ивановской области» исключена.

Поступающие в органы полиции региона обращения граждан о совершенном административном правонарушении — нарушении общественного порядка, выразившемся в совершении действий, нарушающих тишину и покой граждан в период с 22.00 до 7.00 часов следующего дня (статья 5.5 Закона Ивановской области от 24.04.2008 г. № 11-ОЗ), иногда остаются без надлежащего внимания, а просто перенаправляются в органы местного самоуправления.

В данном случае необходимо строго руководствоваться Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июля 2018 года № 27-П, в соответствии с которым должностные лица органов внутренних дел (полиции) обязаны — в рамках полномочий, возложенных на них Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральным законом «О полиции», — оказывать содействие в привлечении виновных в совершении предусмотренных законами субъектов Российской Федерации административных правонарушений, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность, и при отсутствии соответствующих соглашений, заключенных между органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и Министерством внутренних дел Российской Федерации.

Нельзя обойти вниманием и тот факт, что в настоящее время Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации в первом

чтении приняты поправки в Федеральный закон «О полиции». Проект закона был разработан в целях уточнения полномочий полиции, усиления гарантий защиты прав и законных интересов граждан. Принятие поправок в определенной степени расширит полномочия полицейских при осуществлении ими деятельности по выявлению и раскрытию преступлений и иных противоправных деяний. В частности, полиция получит право вскрытия транспортного средства в случае, если в нем заблокировалось лицо, совершившее или совершающее преступление, а также осуществлять досмотр граждан для пресечения хищений чужого имущества, в том числе при наличии оснований полагать, что они скрывают при себе предметы кражи.

Данные поправки безусловно должны положительно отразиться на результатах деятельности полиции, а также устранят определенные пробелы в действующей редакции Федерального закона о полиции.

В заключение следует подчеркнуть, что в настоящее время в сущности правового регулирования деятельности органов внутренних дел Российской Федерации остается немало аспектов, требующих доработки и принятия соответствующих поправок в действующее законодательство.

В целях оптимизации законодательства, регламентирующего деятельность органов правопорядка, в ближайшей перспективе необходимо организовать проведение мониторинга действующих нормативных правовых актов в данной сфере, в рамках которого выявить и принять меры к устранению юридических коллизий и пробелов в нормах закона.

Данные мероприятия послужат не только интересам представителей правоприменительной практики, но и внутренней безопасности, защите прав и свобод граждан.

Библиографический список

1. Булавин С. П. Преемственность в национальном законодательстве в условиях глобализации // Административное право и процесс. 2012. № 2. С. 2—7.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (в ред. от 08.12.2020 г.). Доступ из СПС «Консультант-Плюс». URL: <http://www.consultant.ru>.
3. Мягков А. В., Бекетов О. И. Использование материалов, полученных при применении сотрудниками милиции досмотра, в уголовном процессе // Проблемы применения нового уголовно-процессуального законодательства в досудебном производстве: материалы науч.-практ. конф. Барнаул, 2002. Ч. 2. С. 25—30.
4. Соловей Ю. П. Вхождение (проникновение) сотрудников полиции в жилые и иные помещения, на земельные участки и территории как мера государственного принуждения, предусмотренная Федеральным законом «О полиции» // Административное право и процесс. 2012. № 3. С. 17—25.

УДК 342.84
ББК 67.400.82

Н. Л. Ковалева

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА ПО ИТОГАМ ВЫБОРОВ 2020 ГОДА

Статья посвящена проблемам, связанным с изменениями, внесенными в избирательный процесс и изложенными в законе РФ о поправке к Конституции РФ. В статье обсуждается вопрос осуществления должного контроля за ходом выборов. Подчеркивается необходимость объединения усилий гражданского общества для разъяснения сути выборов.

Ключевые слова: Конституция РФ, избирательный процесс, общероссийское голосование, досрочное голосование, наблюдатели, контроль за избирательным процессом.

N. L. Kovaleva

THE PROBLEMS OF THE ELECTION PROCESS: FOLLOWING THE 2020 ELECTIONS OUTCOMES

The article deals with the problems caused by the amendments which were made in reference to the election process and which were set out in the law of the Russian Federation on the amendments to the Constitution the Russian Federation. The question of proper inspection of the election process is discussed. It is shown that it is necessary to join the efforts of the civil society in order to explain the essence of the elections.

Key words: election process, All-Russia voting, preterm voting, observers, inspection of the election process.

Одной из основополагающих статей Конституции Российской Федерации является статья 3 [1], текст которой гласит? Что носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ, а высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы.

И здесь возникает закономерный вопрос: на практике являются ли выборы действительно высшим непосредственным выражением власти народа?

Заканчивается 2020 год, — богатый событиями, которые в какой-то степени стали лакмусовой бумажкой, показывающей в действии ч. 3 ст. 3 Конституции РФ. Это общероссийское голосование по поправкам в Конституцию РФ и муниципальные выборы в нашей области. Эти важные события проходили в период пандемии COVID-19. Конечно эта ситуация наложила свой отпечаток на избирательный процесс, и мы имеем проблемные аспекты.

В соответствии со ст. 136 Конституции РФ изменения в 3—8 главы Конституции принимаются в порядке, предусмотренном для принятия федерального закона, и вступают в силу после их одобрения органами законодательной власти не менее чем двух третей субъектов РФ.

Мы пошли этим путем. Был принят Закон о правке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» (далее — ФКЗ от 14.03.2020) [2].

Вроде бы всё было продумано: участие граждан в общероссийском голосовании является свободным и добровольным, при этом граждане участвуют в общероссийском голосовании на основе всеобщего равного и прямого волеизъявления при тайном голосовании. Предусмотрели выделение денежных средств СМИ для освещения порядка и проведения общероссийского голосования, информирования о предлагаемых поправках. Возложили: контроль за проведением голосования и подсчетом голосов на Общественную палату РФ и Общественные палаты субъектов РФ. Именно Общественная палата назначала наблюдателей.

Но анализирую прошедшее, я бы сказала эпохальное событие, понимаешь, что имели место проблемы, которые для меня, как для члена Областной Избирательной комиссии с правом решающего голоса, явились причиной считать, что общероссийское голосование не отражает мнение граждан в полной мере объективно. Это мнение я озвучила на заседании Комиссии.

Прежде чем озвучить эти проблемы, считаю необходимым отметить, что члены ТИК, особенно ЦИК в особых условиях пандемии работали с большой психологической и физической нагрузкой. И они справились.

И так, о проблемах.

Было введено досрочное голосование с 25.06 по 30.06, в том числе на придомовых территориях. В большинстве мобильных пунктах голосования на придомовых территориях не была обеспечена тайность голосования в соответствии с ч. 7 ст. 2 ФКЗ от 14.03.2020. Кабины для голосования часто представляли собой картонные ящики с вырезанным дном или вообще отсутствовали. Должный контроль наблюдателей отсутствовал. Многие из них не были подготовлены для осуществления контроля за голосованием.

Пример [4]: в день голосования, 1 июля, на избирательных участках я, как член облизбиркома, задавала вопрос наблюдателям «Сколько человек уже проголосовало?». Ответов не получала. Свой взор они обращали на председателей, секретарей ЦИК. О каком контроле мы можем говорить.

Интересны цифры по итогам общероссийского голосования по поправкам к Конституции РФ в Ивановской области:

Число избирателей — 797 451

Проголосовало — 511 959 (64,28 %)

Недействительных бюллетеней — 3957

«Да» поправкам — 76,23 % от проголосовавших

«Нет» поправкам — 23,02 %

Из принявших участие в голосовании 7,5 % (38 397) проголосовали 1 июля, остальные — *досрочно!*

И еще одну цифру для интереса просчитали: 390 267 чел. в нашей области сказали «да» поправкам к Конституции РФ, что составило 48,9 % от общего количества избирателей.

Досрочное голосование власти понравилось, да и многие избиратели тоже положительно отзывались. Итог — в июле Государственная Дума принимает федеральный закон о досрочном голосовании с применением дополнительных форм организации голосования при проведении выборов, референдумов в единый день голосования. Досрочное голосование проводится в течение двух дней, предшествующих дню голосования.

Необходимо обратить внимание еще на один проблемный аспект — это информирование населения о сути содержания поправок к Конституции.

В ходе подготовки общероссийского голосования постоянно слышали (и могли прочитать в брошюре « Поправки к Конституции: почему это важно?») информацию о поправках, но они касались в основном ст. 67, 72, 75, 114 (это вопросы социальной политики — здравоохранения, семьи, науки, индексации пенсии), но практически отсутствовала информация по поправкам к статьям 83, 93, 95 (формирование Совета Федерации), 110, 112, касающихся совершенствования регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти. А ведь они были главными.

Вообще-то были внесены 73 поправки, дополнения:

3 глава — Федеративное устройство — 16,

4 глава — Президент Российской Федерации — 12,

5 глава — Федеральное Собрание — 15,

6 глава — Правительство Российской Федерации — 13,

7 глава — Судебная власть и прокуратура — 13,

8 глава — Местное самоуправление — 4.

Во время подготовки к общероссийскому голосованию я со многими говорила, в том числе и с госслужащими, муниципальными служащими, к большому сожалению, с сутью более половины поправок, касающихся в основном публичной власти, люди были не знакомы.

А ведь принятие поправок к Конституции РФ — это по самой Конституции — высшее непосредственное выражение власти народа!

Второе важное событие избирательного процесса — это муниципальные выборы 13 сентября.

Мы выбирали власть, которая ближе всех к народу, это представительный орган МСУ — депутатов.

Выборы проходили в соответствии с Законом Ивановской области от 26.11.2009 г. № 130-ОЗ «О муниципальных выборах» в период продолжающейся пандемии COVID-19.

Положение части 1 статьи 41 этого закона о досрочном голосовании было очень актуально и востребовано. Оно проводилось за 10 дней (со 2 по 12 сентября) до дня голосования.

В статье четко прописано как проходит досрочное голосование, как обеспечивается его тайность. Используются непрозрачные конверты, его заклеивают, на месте склейки ставятся подписи двух членов УИК с правом решающего голоса, а также по желанию подписи членов УИК с правом совещательного голоса и другие аспекты.

В соответствии с Федеральным законом «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (67-ФЗ, 2002 г.) «за два дня до голосования досрочное голосование» добавилось: досрочное голосование на дому, досрочное голосование групп избирателей в населенных пунктах, где отсутствуют помещения для голосования, в труднодоступных местах.

Было много нареканий по конвертам, и ввели сейф-пакеты, которые имеют индивидуальный номер, акт — сколько вложено конвертов.

Все это требует серьезного контроля. Там, где со стороны кандидатов, партий был обеспечен данный контроль, были случаи вскрытия серьезных нарушений.

Примеры [4]:

г. Иваново

УИК № 129 (средняя школа № 42) обнаружено 18 конвертов. При проверке количества конвертов и количества подписей было выявлено несоответствие 48 бюллетеней и 28 подписей в списках избирателей. Городская избирательная комиссия признала эти бюллетени недействительными.

УИК № 163 со 2 по 5 сентября было 35 конвертов по досрочному голосованию и только 4 подписи в наличии в списке избирателей. Эти бюллетени признаны недействительными.

Вообще досрочное голосование вызывает вопросов. Явка — 21, 95 % (2015 год — 25,59 %).

Более 50 % избирателей, принявших участие в голосовании, сделали это досрочно.

Имел место административный ресурс в СМИ. Требуется совершенствования вопроса методики распределения депутатских мандатов, прошедших по партийным спискам.

Пример по г. Иваново:

30 мандатов: 20 — округа, 10 — партийные списки. По одномандатным округам — Единая Россия. А вот 10 мандатов:

«Единая Россия» — 6 (47,6 %)

КПРФ — 1 (17,6 %)

ЛДПР — 1 (12 %)

«Справедливая Россия» — 1 (6,7 %)

«Партия пенсионеров» — 1 (5,8 %).

Выводы:

Мы видим, что изменения, внесенные в избирательный процесс в 2020 году, связанные с пандемией COVID-19, имеют проблемные аспекты:

— досрочное голосование теперь прочно вошло в избирательный процесс с применением дополнительных форм организации голосования. Особенно голосование на придомовых территориях, в местах пригодных к оборудованию для голосования (предприятия, организации), в местах, где отсутствуют помещения для голосования (досрочное голосование групп избирателей) и т. д.

Поэтому перед кандидатами, партиями остро встает вопрос — осуществление должного контроля.

То есть нужны наблюдатели. Партии не обладают таким ресурсом. Здесь необходима активная гражданская позиция самих избирателей. Для этого необходимо объединить все усилия гражданского общества на разъяснения, убеждения граждан, что выборы — это высшее непосредственное выражение власти народа. Т. е. слова многих граждан «от нас ничего не зависит» должны уйти в небытие. От каждого гражданина зависит, какая будет власть, как будет развиваться наше государство. Нужно очень конкретно в этом направлении работать с молодежью, которая пассивна на выборах. Голосуют старшее поколение, имеющее ответственность и необходимость исполнить гражданский долг, работающие во властных структурах и в организациях, зависящих от них.

Работа предстоит титаническая, но она необходима!

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Закон о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Закон Ивановской области от 26.11.2009 г. № 130-ОЗ «О муниципальных выборах» (ред. от 29.06.2020). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Архив избирательной комиссии Ивановской области.

УДК 347, 44
ББК 67.404.2

И. Ю. Карлявин

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СТАТУС ЦЕНТРАЛЬНОГО БАНКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЕГО РОЛЬ В ЭМИССИИ ЦИФРОВОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ВАЛЮТЫ

В настоящей статье идет речь и о проблемах цифрового пространства, в частности о такой разновидности цифровых прав как цифровой рубль и о тех сложностях, с которыми сталкиваются сегодня как участники гражданского оборота, так и те структуры, включая Центральный Банк Российской Федерации, который является эмитентом и гарантом национальной валюты.

Ключевые слова: цифровая национальная валюта, цифровые права, цифровое пространство.

I. Yu. Karlyavin

CONSTITUTIONAL STATUS OF THE CENTRAL BANK OF RUSSIA AND ITS ROLE IN EMISSION OF DIGITAL NATIONAL CURRENCY

This article also deals with the problems of the digital space, in particular, such a type of digital rights as the digital ruble and the difficulties faced today by both participants in civil turnover and those structures, including the Central Bank of the Russian Federation, which is the issuer and guarantor of the national currency.

Key words: digital national currency, digital rights, digital space.

В докладе Центрального Банка Российской Федерации о цифровом рубле, предложенному для общественных консультаций в октябре 2020 года, говорится о том, что деньги играют весьма важную роль в экономической жизни общества. Вместе с развитием экономики и технологий меняются и формы денег. За последние десятилетия как в России, так и в мире произошли кардинальные изменения в сфере денежного обращения. Сейчас наряду с наличными все больше граждан России используют безналичные деньги

© Карлявин И. Ю., 2021

для оплаты товаров и услуг, осуществления платежей и переводов. Уже привычным стало применение пластиковых карт и мобильных устройств в денежных расчетах. При этом растет запрос участников делового оборота на повышение их скорости, удобства, безопасности и снижения комиссий, что возможно с применением только передовых технологий. Наряду с этим активно расширяется применение цифровых финансовых технологий банками, предприятиями, государством. Все это делает необходимым изучение вопроса о целесообразности выпуска в России цифровой валюты центрального банка как дополнительной формы денег, способной ответить на стоящие перед финансовым рынком вызовы.

В докладе говорится также о том, что цифровая валюта центрального банка не будет иметь натуральной формы, то есть не будет существовать в виде вещи, а будет представлять собой обязательство Банка России, ее правомерно рассматривать в качестве вида безналичных денежных средств. Кроме того, поскольку цифровая валюта центрального банка будет являться обязательством Банка России, у обладателя цифрового рубля возникнет право потребовать его обмена как на наличные рубли, так и на безналичные денежные средства путем увеличения остатка на счетах, открытых в кредитных организациях.

Централизованная система в значительной степени может быть реализована на уже известных и апробированных технологиях и инструментах информационной безопасности и киберустойчивости, требования к которым закреплены в законодательных, нормативных актах, стандартах и рекомендациях, в том числе разработанных Банком России (для кредитно-финансовой отрасли в целом и платежных систем в частности). Можно сказать, что профессиональная среда готова к разработке максимально эффективных решений и механизмов защиты онлайн-операций в централизованных системах.

Децентрализованная и гибридная схемы, использующие технологии распределенных реестров, потребуют разработки новых технологий информационной безопасности или переосмысления, анализа и научно-технической проработки применения уже имеющихся. В силу распределенного характера систем необходимо учесть возможные угрозы, относящиеся не к конкретному пользователю, а к системе в целом, например связанные с реализацией компьютерных атак на инфраструктуру оператора, владельца узла или владельца кошелька [10].

Инициатива Центрального Банка РФ свидетельствует о серьезности намерений государства по введению национальной цифровой валюты. Правовой статус Центрального Банка Российской Федерации можно считать из ряда вон выходящим, то есть необычным в сравнении с известными российскому законодательству организационно-правовыми формами юридических лиц. Из п. 4 ст. 48 ГК РФ следует, что Правовое положение Центрального банка Российской Федерации (Банка России) определяется Конституцией Российской Федерации и законом о Центральном банке Российской Федерации [1, ст. 48].

В Конституции Российской Федерации говорится о том, что Центральный Банк РФ, — это эмитент национальной валюты и гарант её устойчивости. Так в ч. 1 ст. 75 Конституции РФ денежной единицей в Российской Федерации является рубль. Денежная эмиссия осуществляется исключительно Центральным банком Российской Федерации. Введение и эмиссия других денег в Российской Федерации не допускаются. Защита и обеспечение устойчивости рубля — основная функция Центрального банка Российской Федерации, которую он осуществляет независимо от других органов государственной власти [4, ч. 1 и 2 ст. 75].

Главным нормативно-правовым актом, которым руководствуется в своей деятельности Центральный Банк РФ, и который определяет в полной мере его (банка) правовой статус, является Закон о Центральном Банке Российской Федерации и О национальной платежной системе [7, 6].

Вместе с тем ни один из названных нормативно-правовых актов сегодня не готов к восприятию цифрового рубля как новой национальной валюты Российской Федерации. Все дело в правильном представлении о цифровом пространстве, цифровых технологиях, и в том как и когда объективное право сумеет адаптироваться к предлагаемым технико-экономическим реалиям. Немаловажным вопросом является и то, — сможет ли существующий правовой инструментарий освоить нововведения, и способствовать обеспечению прав и охраняемых законом интересов участников гражданского оборота. Попытаемся поговорить об этом в рамках данной статьи.

Цифровое пространство и цифровые технологии, — область научного интереса, объединившая под своими знаменами исследователей и практиков совершенно разного профиля. Специалисты разных отраслей рассматривают цифровое пространство как сферу приложения своих усилий, с возможностью использования его в интересах развития различных отраслей права [9, с. 36—40; 8, с. 56—60].

Прогрессивная оцифровка и развитие новых технологий обеспечивают основу для новых бизнес-моделей, занятости и возможностей участников гражданского оборота. В то же время, новые технологии не только приносят облегчение, но и требуют соответствующих базовых условий в области информации и данных, а также правовой безопасности — как для коммерческих и некоммерческих юридических лиц, так и для потребителей.

В этой связи профессор Берлинского университета экономики и права Ханс Эрих Мюллер отмечает, что цифровые технологии, основанные на оборудовании, программном обеспечении и сетях, представляют собой такую фундаментальную техническую, экономическую и социальную проблему XXI века, что возможно говорить о цифровой революции и о втором веке машин. Отличительными чертами второго века машин являются «продолжающееся экспоненциальное развитие компьютерных технологий во многих аспектах, огромные объемы цифровых данных и инновации посредством рекомбинации». Искусственный интеллект и всемирная цифровая сеть на базе Интернет становятся возможными.

Ученый считает, что фундаментальные технологии, с одной стороны, являются источником огромного технического прогресса в производстве, новыми возможностями для потребителей, толчком развития науки, но они также несут с собой сложные задачи для человечества и окружающей среды. Риски цифровых технологий включают воздействие на рост и занятость (теория роста), распределение доходов и богатства (теория концентрации) и демократические свободы. Цифровой дарвинизм является следствием этих процессов [13].

По утверждению профессора Университета прикладных наук Северо-Западной Швейцарии, FHNW, Школа бизнеса, Институт информационных систем Оливера Бенделя концепция оцифровки имеет несколько значений. Это может означать цифровое преобразование и представление информации и коммуникации или цифровую модификацию инструментов, устройств и транспортных средств, а также цифровую революцию, известную как третья революция или цифровая революция. В то время как в XX веке информационные технологии использовались, главным образом, для автоматизации

и оптимизации, модернизации частных домохозяйств и рабочих мест, создания компьютерных сетей и внедрения программных продуктов, — с начала XXI века они приняли новое направление, что привело к четвертой промышленной революции, которая, в свою очередь, связана с концепцией Industry 4.0 (также «Enterprise 4.0»).

Так оцифровка привела к различным изменениям, от переосмысления понятия товаров и работ и упрощения возможностей их распространения, до меняющегося рынка труда, к слиянию виртуальности и реальности. Целые компании и отрасли были преобразованы. Специализированные платформы вытесняют традиционных игроков, даже если они не владеют собственным оборудованием, транспортными средствами или недвижимостью.

Операторы социальных сетей не создают и вряд ли могут создать собственный контент. Пользовательский контент используется для анализа, который, в свою очередь, основан на персонализации (включая рекламу). Благодаря Industry 4.0 и ее Smart Factory, беспрецедентные типы роботов и цепочки процессов становятся все более популярными и продвигают такие разработки, как Интернет вещей и 3D-печать. Искусственный интеллект, большие (глобальные) данные и облачные вычисления допускают ранее неизвестные действия и анализы. Новые устройства ввода и вывода и новые методы, такие как очки данных или очки виртуальной реальности и управление жестами, преобразуют офисное пространство и рабочую среду, а также область развлечений.

Таким образом вслед за изменениями экономических реалий, мы наблюдаем появление терминологии, соответствующей новому международному экономическому пространству, требующей правовой квалификации. Сегодня свое собственное значение и содержание несут такие термины как Web 2.0, Digitalisierung, Geschäftsmodell и целый ряд других.

Так, незаметно, в алгоритме бизнес моделей выстроились целые финансовые сферы в Российской Федерации, например, платежная система Российской Федерации, интегрированная в международную платежную систему [6], а также отдельные гражданско-правовые конструкции, например, договор финансирования под уступку денежного требования в современном Гражданском кодексе Российской Федерации.

Необходимо сказать, что моделирование механизма реализации (осуществления) сделок, в рамках бизнес-моделей, в том числе и финансовых сделок с применением цифровых технологий, сегодня невозможно себе представить без рассмотрения новых методологических установок. Вместе с тем возникает самостоятельная проблема взаимодействия понятийно-методологических правовых констант, выработанных на основе понятийной и функциональной методологии, с современной цифровой средой и категориями ею порожденными.

Так, в центре методологического представления о гражданском обороте, с точки зрения правовой доктрины континентальных стран, лежит конструкция правоотношения со своей традиционной структурой, — субъектный состав, объект и содержание. Опираясь на методологические традиции, сегодня мы скорее ожидаем усложнение представлений в сфере моделирования финансовых сделок, например, при понимании алгоритма моделирования правоотношений в рамках договора факторинга (финансирования под уступку денежного требования), чем изменение сущности методологии частноправового конструирования. Именно поэтому, бросая взгляд на цифровые технологии, мы настроены на разговор лишь об изменениях в способах совершения

платежей, например, расчеты (платежи) наличными деньгами заменяются исключительно безналичными формами, которые в свою очередь реализуются как с помощью посредников в виде кредитных и квази-кредитных организаций. Вместе с тем, сфера цифровых технологий не всегда укладывается в наши прежние представления, а значит мы должны поспешить разобраться с существующими методологическими реалиями. С этой целью необходимо обратиться к опыту и наработкам наших зарубежных коллег и партнеров, не смотря на то, что в российской правовой доктрине уже сегодня есть немало работ в этой сфере, достойных внимания [2, с. 84—90; 3, с. 74—78].

Работа с цифровыми технологиями в сфере частного права, рассматривается в среде западноевропейских исследователей как работа на перспективу. Так группа баварских ученых, бросая взгляд на будущее частного права, отмечает, что оцифровка особенно становится заметна в договорном праве. Оцифровка каналов сбыта и, следовательно, ситуации с заключением контрактов уже вездесущи в нашей повседневной жизни. Однако новое явление, которое предлагает вызов теории юридического бизнеса, — это частичное отделение договорных алгоритмов от человеческих решений. Оцифровка, — это не только процесс заключения договора, но и его объект. Поэтому необходимо возобновить обсуждение качества предоставляемых услуг для продуктов, где обновления и исправления являются приоритетом сегодняшнего дня. Кроме того, оцифровка всегда создает новые бизнес-модели, общий знаменатель которых часто можно охарактеризовать как «использование вместо заработка». Таким образом, договор купли-продажи, который (все еще) составляет основу обязательственного права, находится в стадии упадка как тип договора индустриальной эпохи. Какие типы контрактов позволят сократить отставание? И какова связь этих договорных отношений с правами интеллектуальной собственности, которые могут существовать в цифровом контенте?, — это одни из основных вопросов современности.

Следующая группа проблем, которая требует методологического осмысления, — оцифровка данных о клиентах и участниках договорных отношений. Эта проблема тесно связана со статусом участников правоотношений в сфере реализации цифровых технологий. В этой связи возникают следующие вопросы, — является ли раскрытие данных о клиентах, эффективным, правомерным? Как включение данных в договорную *synallagma* связано с законом о защите данных? С этим, в свою очередь, тесно связаны соображения «владения данными», которые, возможно, гораздо проще вывести в Австрии, чем в Швейцарии и Германии, где права собственности признаются только для физических объектов. Кроме того, содержание данных закона об активах и личности вновь и вновь приводит к конфликтам, когда данные касаются объектов недвижимости.

В этом же ряду стоят проблемы цифровой ответственности, цифровой дискриминации, проблема юридических технологий в цифровой среде, а также оцифровки всего частного права.

Среди них особое место занимает проблема оцифровки финансовых рынков. Финансовые рынки особенно страдают от оцифровки. Технический прогресс обеспечивает высокую скорость торговли, сделки совершаются за считанные секунды, что создает новые проблемы для безопасности финансового рынка. При этом открываются новые возможности для корпоративного финансирования через одноранговый краудфандинг, который может быть особенно привлекательным для стартапов. Кроме того, валюты на основе

блокчейнов, такие как биткойны, начинают конкурировать с государственными валютами. Возникающие в результате юридические проблемы варьируются от основ (являются ли долги по биткойнам денежными долгами, как возможна защита данных в блокчейне?), до практических вопросов, таких как вопрос о том, можно ли и как применять криптовалюты [11] и наконец, — могут ли технологий заменить договорное регулирование? [12].

Предлагаемый специалистами Центрального Банка России цифровой рубль не что иное как национальная криптовалюта. Другими словами, речь идет о разновидности цифровых прав. Целый ряд коллективов российских авторов поспешили высказать свое мнение по данному поводу. Можно говорить об ажиотаже в правовой доктрине вокруг проблематики, посвященной цифровым правам как новому объекту гражданских прав.

Думается, что видимая сложность проблемы в скором времени сойдет на нет, и превозобладает трезвый и рациональный взгляд. Так, например, достойной внимания представляется точка зрения доктора юридических наук Сергея Сарбаша, который отмечает, что у цифрового права нет и не может быть никакой самостоятельности. Это ложная сущность в ряду субъективных гражданских прав. Цифровое право на самом деле есть лишь форма, т. е. оформление любого известного права: вещного, обязательственного, корпоративного, исключительного, личного. Цифровизация как таковая и цифровизация экономики — лишь метод оформления, но не содержание имущественного отношения. Допустим, право собственности, например на недвижимую вещь, оформлено в той или иной информационной системе. Что из этого следует в отношении основных элементов права собственности? Что в них изменится? Собственник по-прежнему вправе владеть, пользоваться и распоряжаться своей вещью (ст. 209 ГК). Тот факт, что для некоторых действий (распоряжение, обременение, прекращение права) ему потребуется обратиться к использованию информационной системы, на самом деле ничего существенно не меняет. Собственник недвижимости и сейчас для осуществления некоторых действий обращается за регистрацией к соответствующему государственному органу [5].

Полагаем, что с высказанной точкой зрения следует согласиться, а что касается цифровизации национальной валюты, то это станет возможным, когда все сферы, — экономики, права, техники и наконец общество — будут готовы принять новый суррогат денег.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.12.2020). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. *Ефимова Л. Г.* Понятие и правовые особенности электронного договора // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2019. № 7. С. 84—90.
3. *Жилкин В. А.* Цифровые технологии и применение искусственного интеллекта в Финляндии и России: сравнительно-правовое исследование // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения.* 2018. № 6. С. 74—78.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. *Новоселова Л.* Цифровые права как новый объект гражданского права / Л. Новоселова, А. Габов, А. Савельев, А. Генкин, С. Сарбаш, А. Асосков, А. Семенов, Р. Янковский, А. Журавлев, А. Толкачев, А. Камелькова, М. Успенский, Р. Крупнин, В. Кислый, М. Жужжалов, В. Попов, М. Аграновская // *Закон.* 2019. № 5. С. 31—54.

6. О национальной платежной системе: федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ (ред. от 27.12.2019) // СЗ РФ. 2011. № 27. Ст. 3872.
7. О Центральном банке Российской Федерации: федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ (ред. от 30.12.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.02.2021). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
8. *Присяжнюк Я. М.* Цифровые технологии предупреждения банкротства кредитных организаций // *Предпринимательское право*. 2019. № 3. С. 56—60.
9. *Романовская О. В., Романовский Г. Б.* Цифровые технологии и деконцентрация государственной власти // *Конституционное и муниципальное право*. 2019. № 8. С. 36—40.
10. Цифровой рубль. Доклад для общественных консультаций (октябрь 2020 года) (утв. Банком России). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
11. *Elena Beyer, Katharina Erler, Christoph Hartmann, Dr. Malte Kramme, Dr. Michael Müller, Dr. Tereza Pertot, Elif Tuna, Dr. Felix M. Wilke* // Call for Papers: Privatrecht 2050. Blick in die (digitale) Zukunft // <https://www.gjz2019.uni-bayreuth.de/de/tagung/Call-for-Papers/index.html>
12. Macenrodt M-O Technologies tatt Vertrag? Tübingen.: Mohr Siebeck. 2015.
13. Prof. Dr. Hans-Erich Müller Hochschule für Wirtschaft und Recht Berlin Professor für Unternehmensführung und Organisation Autoren dieser Definition // <https://wirtschaftslexikon.gabler.de/definition/digitaletechnologien-54127>

УДК 347.73
ББК 67.402.23

О. Ю. Таибова

ПРОБЛЕМЫ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

В статье рассматриваются проблемы налогообложения в контексте социального государства. Автор анализирует проблемы современной системы налогообложения и предлагает пути их решения, в том числе по модернизации и совершенствованию российской системы социального предпринимательства, а также определяет тенденции развития системы налогообложения Российской Федерации.

Ключевые слова: социальное государство, социальное предпринимательство, налогообложение, налоговая политика, налоговая реформа.

О. Ю. Таибова

PROBLEMS OF TAXATION IN THE CONTEXT OF SOCIAL STATE: THE LEGAL ASPECT

The article deals with the problems of taxation in the context of the social state. The author analyzes the problems of the modern tax system and suggests ways to solve them, including the modernization and improvement of the Russian system of social entrepreneurship, as well as identifies trends in the development of the tax system of the Russian Federation.

Key words: social state, social entrepreneurship, taxation, tax policy, tax reform.

Налоги представляют собой фундаментальную экономическую основу современного государства. В развитых странах путем взимания налогов финансируется большая часть расходов государственного бюджета. Эффективная реализация функций государства напрямую зависит от качества функционирования системы налогообложения. Налогообложение представляет собой незаменимый механизм воздействия на динамичное развитие производственной и предпринимательской деятельности. Налоговые сборы являются одним из основных источников пополнения бюджета государства в связи с необходимостью формирования для любого государства ресурса денежных средств с целью осуществления своих прямых функций. Указанные средства впоследствии направляются на реализацию различных государственных и социальных программ, а также на финансирование структур, призванных поддерживать существование и стабильное функционирование самого государства.

Среди основных этапов истории развития системы налогообложения в целом и налогового права, в частности, выделяются следующие:

1. Допетровская Русь (IX—XVII вв.). В результате объединения Древнерусского государства (IX век) основным источником доходов стала дань — подать (а по сути — прямой налог), которую уплачивало население деньгами или товарами потребления. Первым источником упоминания о налогах на Руси, взимавшихся на постоянной основе, являются летописи. Земля представляла собой главный объект налогообложения, т. е. все основное налоговое бремя в виде сборов и повинностей ложилось именно на нее. Стоит заметить, что среди изначальных особенностей налогов выделялись следующие: 1) вводились по факту войн или походов; 2) уплачивались населением добровольно, в основном покоренным.

В литературе термин «налог» имеет разные названия: дань (обобщенное название всех сборов), оброк, урок [3, с. 121].

Первым источником, в котором на законодательном уровне появилось закрепление норм, регулирующих правовые отношения, связанные со сборами и повинностями, является Русская Правда. Начиная со второй половины XIV века главной единицей налогообложения стала соха [5, с. 15].

В период правления Иоанна III (1440—1505 годы) в 1480 году за казной было закреплено исключительное право перерабатывать хмель, а также варить мед — медовая дань. В XIV веке на Руси сложилась система кормлений, согласно которой крестьянам стало предоставляться право управлять отдельной территорией взамен службы великому князю. В период феодальной раздробленности (XIII—XIV века) получили распространение торговые и судебные пошлины, в период войн стали вводиться военные пошлины [4, с. 31].

Процедурный порядок взимания налогов, в свою очередь, был закреплен в Царских судебниках 1497 и 1550 годов [2]. Главным законодательным сборником, регулирующим налоговые отношения, стало Соборное уложение 1649 года. Свое отражение в нем нашли следующие общественные сферы отношений: финансовые, собственности (в т. ч. земли), судебные. Соборное уложение также закрепило крепостное право и отмену урочных лет.

подавляющее большинство ученых, исследовавших историю Российского государства и, в частности, систему налогообложения (податную систему), сходятся во мнении, что она базируется на принципе поземельного обложения, что является справедливым утверждением ввиду слабого развития сектора производства и промышленности.

Российское государство, будучи аграрным, не могло не пойти по пути применения указанного принципа в системе налогообложения, так как земля была единственной мерой платежеспособности населения в масштабах всего государства.

Как отмечал А. И. Васильчиков: «...земледелие и пашня составляла издревле на Руси главную, почти исключительную основу всех прямых налогов. Таким образом, прямые налоги все вместе, и как бы они ни назывались, ... падают на земли, наделенные крестьянам» [1, с. 83].

2. Налоговая реформа Петра I (XVIII век). Основными источниками расходов в указанный исторический период стали армия и флот, в связи с чем для их содержания были введены чрезвычайные налоги: деньги на драгунские, рекрутские и корабельные. Во времена правления Петра I была проведена налоговая (податная реформа), по результатам которой был осуществлен переход от подворного налогообложения, к подушному.

3. Налоговые реформы XIX — начала XX века. Во времена правления Александра I изменения в законодательные акты вносились в отношении следующих налогов: оброчный налог, пошлина с наследства, гербовая подать, введен процент с недвижимого имущества, посудный сбор с меди. Существенным изменениям подвергается порядок взимания земских и натуральных повинностей, а также система организации уплаты налога в целом. В 1875 году в процессе реформирования податной системы Российского государства в результате реформы земского обложения произошло становление земельного налога.

4. Налоговая система «военного коммунизма» (1922—1929 годы). Основными источниками поступления денежных средств в бюджет государства в указанный период стали эмиссия бумажных денег и контрибуции. Принятие декрета Совета Народных Комиссаров 24 ноября (7 декабря) 1917 года «О взимании прямых налогов», согласно которому устанавливался налог на прирост прибыли с торговых и промышленных предприятий и доходов от личных промыслов, становится одним из первых и основных изменений законодательства в сфере налогообложения.

5. Налоговая реформа 1930—1932 годов. Налоговая реформа, проведенная в СССР в 1930—1932 годы, привела к кардинальным изменениям, в результате которой была полностью исключена система акцизов, а все налоги, взимаемые с предприятий, были сведены к двум платежам: налог с оборота и отчисления от прибыли. Были также унифицированы некоторые налоги, взимаемые с населения, значительное их количество вовсе упразднено. Прибыль промышленных и торговых организаций, за исключением нормативных отчислений (отчислений на формирование фондов предприятий), отчислялась в доход страны. Таким образом, бюджет государства формировался в основном за счет изъятий валового национального продукта, который, в свою очередь, производился государственными монополиями, что в конечном итоге привело к утрате налогами значения для бюджета.

6. Изменения в законодательстве в сфере налогообложения СССР в 1941—1965 годах. Система обязательных платежей, уплачиваемых из прибыли государственных организаций, продолжает свое существование и в период Великой Отечественной войны. В связи с возникновением дополнительных расходов бюджета были установлены новые налоговые сборы: налог на холостяков, одиноких малосемейных граждан государства, военный налог, налог с владельцев скота. В законодательные акты также были внесены существенные

изменения в отношении уплаты подоходного и поимущественного налогообложения граждан, единой государственной пошлины, налога с прибыли от демонстрации художественных фильмов и других.

7. Налоговая реформа СССР в 1985—1991 годы. Начало налоговой реформы (1986 год) было ознаменовано полным разрешением на индивидуальную трудовую деятельность физических лиц.

8. Становление системы налогообложения Российской Федерации.

Задачи государства в сфере реализации социальной функции включают обеспечение достойной и справедливой заработной платы, снижение уровня безработицы, снижение роста цен (антиинфляционная политика), справедливое пенсионное содержание, защита категорий граждан, подвергшихся влиянию социальных рисков и т. д. Ключевыми налоговыми инструментами, обеспечивающими выполнение государством своих обязательств в социальной сфере являются, например, установление минимального размера оплаты труда, штрафные налоги для сверхприбылей, получаемых от необоснованного завышения цен, налоговые льготы для различных видов платежей.

Сложившаяся ситуация не только в Российской Федерации, но и мире в целом не позволяет налоговой системе положительно результативно выполнять поставленные перед ней задачи ввиду воздействия на неё целого ряда негативных факторов: сокрытие доходов с целью уклонения от уплаты налогов, оффшоризация и скрытость экономики, бюрократизация налоговых процессов и др. Факт отсутствия действенной и основательной концепции налоговых льгот также свидетельствует о целеполагающем состоянии концепции социально-ориентированной налоговой системы.

Несмотря на постоянное изменение налогового законодательства на протяжении всей истории развития государств, его совершенствование до сих пор является одной из самых актуальных задач.

Современная система налогообложения России должна ориентироваться не только на решение фискальных задач, но и на решение социальных. Суть социально направленной налоговой политики должны определять следующие принципы: социальная справедливость и защищенность, недопущение применения карательных налогов, препятствующих развитию социальной инфраструктуры и человеческого потенциала. В идеальном воплощении принцип социальной справедливости представляет собой создание равных возможностей для всех членов общества через систему социальной поддержки; обеспечение достойного уровня жизни социально незащищенным гражданам; предоставление возможности самообеспечения и самореализации, повышения своего личного благосостояния.

В Российской Федерации на протяжении нескольких лет отмечается заинтересованность государства в повышении социальной ответственности бизнеса, в том числе в форме развития социального предпринимательства на федеральном и региональном уровнях. При этом под субъектом социального предпринимательства понимаются, в первую очередь, инновационные, самокупаемые и устойчивые в развитии организации, находящиеся на стыке благотворительности и бизнеса, деятельность которых направлена на смягчение издержек социальной сферы и решение насущных социальных проблем. И если от благотворительности такие организации берут социальную направленность, то от бизнеса — предпринимательский подход к реализации поставленных целей. Фундаментальной задачей социального предпринимательства является формирование общества с равными, одинаковыми

возможностями реализации каждого отдельного человека. Более того, социальное предпринимательство рассматривается в контексте повышения гражданской ответственности и активности населения как механизм решения накопившихся социальных проблем.

В научной литературе отмечается, что явление социального предпринимательства в России уже прошло стадию своего зарождения, которая пришлась на начало 2000-х годов, и в настоящий момент находится на стадии становления, т. е. разработки и принятия на законодательном уровне федеральных нормативных основ функционирования, активной реализации инфраструктуры поддержки и развития.

Ведущую роль в становлении социального предпринимательства отводят основанному Вагитом Алекперовым в 2007 г. Фонду региональных социальных программ «Наше будущее», а также Центрам инноваций в социальной сфере, которые обучают процессам осуществления социальной предпринимательской деятельности и поддерживают уже существующие проекты.

Следует отметить, что социальное предпринимательство в Российской Федерации не так популярно, как в западных странах. Основная доля присутствия социально ориентированных предприятий приходится на следующие сферы: фермерство, переработка бытовых отходов, поддержка инвалидов, пенсионеров, выпускников интернатов. Вместе с тем такие проекты не развиты в масштабах государства. К тому же неохваченными остаются такие острые и актуальные для современной России общественные проблемы, как наркомания, алкоголизм и безработица.

Большая часть препятствий в развитии социального предпринимательства в России на сегодняшний день выражается в непроработанности и несовершенстве законодательной базы. Несмотря на то, что такое явление, как социальное предпринимательство зародилось еще в начале 2000-х годов, определение этого термина было закреплено на законодательном уровне лишь в 2019 г. [6].

Отсутствие законодательного регулирования социально-предпринимательской деятельности является причиной низкого уровня ее развития в связи с тем, что, по сути, социальное предпринимательство не признается особым видом экономической деятельности, требующим его выделения из общей массы других предприятий. Такие организации должны иметь особый статус и иную идею функционирования и, как следствие, обеспечиваться дополнительной поддержкой в виде налоговых льгот и иных привилегий. Тогда как в настоящее время социальные предприниматели осуществляют свою деятельность на общих условиях с коммерческими организациями, цель которых — извлечение прибыли, в отсутствие каких-либо налоговых послаблений и софинансирования со стороны государства.

Таким образом, в сложившейся ситуации необходима кардинальная перестройка всей системы предоставления социальных услуг путем создания такой модели, которая будет отвечать перспективам социально-экономического развития нашей страны. Основные направления последующего развития системы социального предпринимательства предполагают совершенствование нормативной базы для обеспечения свободы социального предпринимательства; установление сбалансированных для бюджета государства и для социальных предпринимателей налоговых ставок, которые будут стимулировать рост их деятельности; увеличение инфраструктурной поддержки сферы социального предпринимательства, создание ассоциаций,

реализация деятельности акселерационных платформ поддержки проектов в сфере социального предпринимательства; расширение возможностей финансирования; повышение эффективности использования финансовых ресурсов, в том числе путем снижения процентных ставок по заемным денежным средствам, снижения требований к потенциальным заемщикам.

Необходимо отметить, что действующая в Российской Федерации в настоящее время система государственной поддержки социального предпринимательства подлежит дальнейшему совершенствованию, должна носить систематизированный характер, включать в себя комплекс механизмов, обеспечивающих поддержку социальных проектов, развивать взаимодействие социальных предпринимателей со всеми заинтересованными сторонами.

Взвешенная и рациональная политика в сфере налогообложения представляет собой ключевую задачу в стратегии развития Российской Федерации на 2020 г. и на плановый период 2021 и 2022 гг. Под этим понимаются любые действия в рамках совершенствования системы налогообложения, осуществляемые в соответствии с утвержденным планом. Согласно положениям Бюджетного кодекса РФ разработкой таких действий занимается Министерство финансов РФ, который рассчитывает, в том числе, рациональный уровень налогового бремени, и на основании внешних и внутренних факторов разрабатывает перечень мероприятий на определенный период.

Налоговая политика на вышеуказанные периоды — это открытая информация, размещенная на официальном сайте Министерства финансов РФ, как правило, еще задолго до начала реализации таких мер. На основании полученных сведений можно проанализировать какой комплекс инструментов будет использован государством для сокращения теневого сегмента экономики, станет ли возможным в полном объеме сбалансировать бюджеты, какие изменения будут внесены в законодательство для достижения поставленных целей [7].

Получение прибыли за рамками налогообложения — одна из самых актуальных проблем в масштабах всего государства. Юридические и физические лица, не уплачивающие налоги, соответственно не принимают участия в формировании бюджета страны, что, в свою очередь, является одной из основных причин дефицита его доходной составляющей. Одним из ключевых направлений налоговой политики Министерства финансов РФ на текущий и будущие периоды является борьба с тевевым сектором экономики, в том числе путем внесения изменений в соответствующие нормативные акты.

Практика налоговых реформ свидетельствует о неоднозначности результатов запуска тех или иных новшеств, очевидно и то, что стабилизация доходов и установление контроля над предпринимательской деятельностью приводит к положительным переменам в обществе, в том числе и в социальной сфере. Но также можно наблюдать и банкротство некоторых организаций, приостановление деятельности индивидуальных предпринимателей в результате реформирования системы налогообложения. Но указанные процессы являются свидетельством эволюции налоговой сферы и необходимости ее дальнейшего совершенствования.

В условиях чрезмерной дифференциации размеров доходов населения высокую значимость обретает социальная функция налоговой системы. В связи с чем предлагаем ввести прогрессивную шкалу налогообложения по налогу на доходы физических лиц, в рамках которой доходы в пределах прожиточного минимума будут исключены из налогооблагаемой базы.

Полагаем, что для эффективной оценки влияния налоговых льгот на бюджетную систему на уровне каждого субъекта Российской Федерации необходимо создать комиссию по рационализации процесса предоставления налоговых льгот и преференций, в которую должны войти представители профильных департаментов, депутаты, представители налоговых органов, представители научной сферы и сферы бизнеса. Деятельность вышеуказанных структурных подразделений должна сводиться к проведению анализа целесообразности и эффективности предоставления льгот в два этапа: экспертный и расчетный. На стадии формирования бюджета данные о налоговых расходах и эффективности налоговых преференций необходимы для рационального выбора между бюджетным и налоговым способом решения существующих задач. На стадии исполнения бюджета контроль за процессом применения налоговых льгот должен быть таким же тщательным, как и за прямыми расходами.

Библиографический список

1. *Васильчиков А. И.* Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах: в 2 т. СПб., 1876. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/4919-vasilchikova-i-zemlevladienie-i-zemledelie-v-rossii-i-drugih-evropeyskih-gosudarstvah-v-2-h-t-spb-1876>.
2. *Веселовский С. Б.* Сошное письмо: исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. М., 1915—1916. Т. 1. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/32007>.
3. *Гегемейстер Ю. А.* Розыскания о финансах древней России. СПб., 1833. URL: http://starietknigi.info/Knigi/G/Gagemejster_Yu_A_Rozyskaniya_o_finansah_drevnej_Rossii, 271 с.
4. *Дробозина Л. А.* Финансы: учебник для вузов / под ред. проф. Л. А. Дробозиной. М., 2001. 527 с.
5. *Лаппо-Данилевский А. С.* Организация прямого обложения в Московском государстве со времен смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890. 579 с.
6. О внесении изменений в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» в части закрепления понятий «социальное предпринимательство», «социальное предприятие»: федеральный закон от 26 июля 2019 г. № 245-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
7. Основные направления налоговой политики России на 2020—2021 годы. [Электронный ресурс]. URL: <https://2020-god.com/nalogovaya-politika-rossii-na-2020-2021-gody> (дата обращения: 01.03.2021).

РОЛЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ КОНВЕНЦИЙ В ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА (К 70-ЛЕТИЮ ЕВРОПЕЙСКОЙ КОНВЕНЦИИ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ОСНОВНЫХ СВОБОД)

УДК 341.231.14
ББК 67.911.11

С. А. Бабуркин

ЕВРОПЕЙСКАЯ КОНВЕНЦИЯ О ПРАВАХ ЧЕЛОВЕКА И ИНСТИТУТ УПОЛНОМОЧЕННЫХ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В РОССИИ

В статье рассматривается влияние Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод на развитие института уполномоченных по правам человека в России и деятельность российских омбудсменов — рассмотрение обращений граждан, совершенствование законодательства, правовое просвещение, развитие межрегионального и международного сотрудничества. Отмечается позитивное воздействие Конвенции на институт омбудсмена в Российской Федерации, подчеркивается, что для реализации Конвенции в свою очередь необходимы активные действия омбудсменов по защите прав человека.

Ключевые слова: Европейская конвенция по защите прав человека и основных свобод, уполномоченный по правам человека, омбудсмен, правозащитные институты, международное сотрудничество в области прав человека.

S. A. Baburkin

THE EUROPEAN CONVENTION ON HUMAN RIGHTS AND THE INSTITUTE OF COMMISSIONERS FOR HUMAN RIGHTS IN RUSSIA

The article analyses the impact of the European Convention on the protection of Human Rights and Main Freedoms on the development of the institute of Commissioners for Human Rights in Russia and the activities of Russian ombudsmen — considering citizens complains, improving laws, information and education, development of interregional and international cooperation in the area of Human Rights. It concludes that the Convention has had a positive impact on the institute of ombudsman in the Russian Federation and emphasizes that in its turn for the realization of the Convention the proactive efforts of ombudsman in the Human Rights area are needed.

Key words: European Convention on Protection of Human Rights and Main Freedoms, Commissioner for Human Rights, Ombudsman, Human Rights Institutions, international cooperation in the area of Human Rights.

© Бабуркин С. А., 2021

Спустя 70 лет после принятия Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод продолжает работать и оказывать влияние на развитие правозащитной ситуации в Европе. Она действует на уровне международных организаций и национальных государств, ее влияние распространяется на уровень регионов и местных сообществ, на развитие и деятельность различных государственных и общественных институтов. О последнем, в частности, свидетельствует опыт уполномоченных по правам человека в Российской Федерации.

Рассматривая субъектный состав механизма реализации Европейской Конвенции, российские исследователи отмечали, что он представлен широким кругом органов государственной власти Российской Федерации, исполнительных, законодательных и судебных. При этом выделялись «органы государственной власти, которые могут быть условно объединены по своему функциональному назначению в группу контрольно-следственных органов, в чьи обязанности входит защита прав и свобод личности». К этой группе наряду с органами прокуратуры и следственного комитета РФ относили и Уполномоченного по правам человека в РФ [5].

Для зарубежных и российских омбудсменов связь их института с Европейской Конвенцией совершенно очевидна. Об этом свидетельствуют, в частности, материалы международной конференции, состоявшейся в год 60-летия Конвенции под эгидой Уполномоченного по правам человека в Пермском крае [2, 9].

За годы, прошедшие после присоединения России к Конвенции, в духе этого «европейского билля о правах человека» в стране создан эффективно действующий институт уполномоченных по правам человека, включающий Уполномоченного по правам человека в РФ и уполномоченных в каждом из 85 российских регионов-субъектов федерации. Все без исключения региональные уполномоченные имеют высшее образование (58 человек — юридическое), богатый социальный и правозащитный опыт, 45 награждены государственными наградами, 23 имеют ученые степени кандидатов и докторов наук. Это позволяет говорить об институте региональных омбудсменов как о корпусе профессионалов высокого уровня. За последние пять лет Уполномоченным по правам человека в РФ рассмотрено более 189 тысяч обращений, а региональными уполномоченными — свыше 200 тысяч [4], что свидетельствует о востребованности этого института в российском обществе.

Стоит отметить, что система уполномоченных по правам человека — это не иерархическая структура с вертикальным подчинением, а сеть самостоятельных, независимых государственных правозащитных органов, объединенных горизонтальными связями между региональными омбудсменами и лидерством федерального омбудсмена, основанном на профессиональном авторитете и активной работе по защите прав человека.

В марте 2020 года был сделан важный шаг в укреплении института омбудсмена в РФ — принят Федеральный закон № 48-ФЗ «Об уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации». О необходимости, характере и содержании этого закона шла продолжительная дискуссия в среде уполномоченных по правам человека [8, с. 151—153.] Этот закон завершил процесс становления института омбудсмена в РФ, сформулировал общие стандарты работы омбудсменов в регионах, создал правовые предпосылки для равных возможностей граждан в доступе к государственным институтам защиты их прав независимо от регионов проживания. Федеральный закон расширил полномочия региональных омбудсменов. Они получили

право обращаться по результатам рассмотрения жалобы в суд с административным иском в защиту прав отдельного гражданина и неограниченного круга лиц и участвовать в процессе по делу о защите прав и свобод человека и гражданина, обращаться с ходатайством в прокуратуру о проведении проверки вступившего в законную силу приговора суда, право знакомиться с материалами гражданских и административных дел, решение по которым вступило в законную силу. Уполномоченные могут инициативно проводить проверку и принимать меры при наличии информации о массовых или грубых нарушениях прав и свобод, а не только по итогам рассмотрения адресованных им жалоб граждан [7, ст. 11]. Как подчеркнула Уполномоченный по правам человека РФ Т. Н. Москалькова, «все эти положения соответствуют духу [Европейской] Конвенции и идеям, заложенным в основу Конституции РФ» [4]. Работа по созданию, продвижению и принятию этого закона — пример позитивных действий в духе Европейской конвенции, причем действий фундаментального, системного характера. Важно и то, что это были совместные усилия российских омбудсменов, которые принимали непосредственное участие в подготовке и обсуждении законопроекта, и отечественного законодателя.

В том, что Конвенция продолжает работать, региональные омбудсмены постоянно убеждаются при рассмотрении жалоб граждан. Обращаясь за защитой своих прав в конкретных ситуациях, заявители нередко прямо апеллируют к Конвенции, ссылаются на ее дух, ее принципы и конкретные статьи по всему спектру прав человека. Это, в частности, касается таких тем, как право на жизнь (ст. 2), право на свободу и личную неприкосновенность (ст. 5), право на справедливое судебное разбирательство (ст. 6), запрещение пыток, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (ст. 3), сохранение семьи (ст. 8, ст. 12) [3] и другие.

Так, за период с 2013 по 2020 г. на Конвенцию ссылались или апеллировали к ее положениям в 910 обращениях к Уполномоченному по правам человека в Ярославской области, что составляет примерно 7 % от общего числа жалоб.

Категории заявителей, апеллирующих к положениям Конвенции, — это преимущественно общественные деятели и активисты, иностранные граждане и апатриды, а также граждане, находящиеся в местах принудительного содержания.

По числу поступивших обращений в тематике лидирует такая сфера, как сохранение семьи; далее следует проблема противодействия пыткам и жестокому обращению, на третьем месте — вопросы личной неприкосновенности, замыкают иерархию право на жизнь и справедливое судебное разбирательство.

В целях защиты своих прав заявители также просят содействовать им в доступе к международным правозащитным инструментам, созданным и действующим на основе Конвенции. Таких обращений немного, в основном они приходят из мест принудительного содержания. Всего за указанный период ярославскому омбудсмену поступило 43 подобных обращения.

Один из примеров — поднятый в 2018 году в контексте права на достоинство личности и личную неприкосновенность вопрос о помещении заявителя во время заседания суда в металлическую клетку. Заявитель напрямую апеллировал к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, указав на нарушение статьи 3, в которой указано, что «никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию» [3].

Доводы заявителя были поддержаны, ему разъяснили право и механизм обращения в Европейский суд по правам человека с жалобой на нарушение статьи 3 Конвенции в связи с помещением в металлическую клетку во время рассмотрения дела судом первой инстанции.

Эта ситуация была представлена в Ежегодном докладе Уполномоченного по правам человека в Ярославской области за 2018 год. Там же была подчеркнута необходимость законодательного урегулирования этого вопроса [1, с. 23]. Эту тему подняла и Уполномоченный по правам человека в РФ Т. Н. Москалькова. Совет Федерации ФС РФ в своем постановлении по докладу федерального уполномоченного по правам человека за 2019 год рекомендовал Государственной Думе ФС РФ ускорить рассмотрение проекта федерального закона № 587542-7 «О внесении изменения в статью 9 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (о запрете использовать в залах судебных заседаний в ходе производства по уголовному делу защитных кабин для помещения в них подозреваемых, обвиняемых, подсудимых) [6]. Учитывая, что Правительство РФ концептуально одобрило этот закон, хочется верить, что в скором времени он будет принят.

В то же время уполномоченные по правам человека сами опираются на Конвенцию при рассмотрении обращений, анализе ситуаций, формулировании своих заключений и рекомендаций. Это придает их аргументации весомость, значимость и убедительность. Конвенция широко используется и в информационно-просветительской работе омбудсменов — распространении знаний, информации о правах человека, механизмах и инструментах их защиты. В Ярославской области это делается в рамках единого информационно-просветительского комплекса, разработанного и реализуемого под эгидой Уполномоченного. Он включает в себя такие информационные каналы, как телевидение и радио (регулярные прямые радио- и телеэфиры авторской программы омбудсмена «Имеем право!»), печатные периодические издания (официальный ежемесячный печатный орган Уполномоченного — Вестник «Имеем право!», рубрики-приложения к Вестнику в региональных и районных газетах, а также в газете институтов гражданского общества «Окно в НКО»), просветительская литература, издаваемая в аппарате Уполномоченного (буклеты, листовки, брошюры и т. п.), и, конечно, интернет-ресурсы — официальный сайт омбудсмена и его страницы в социальных сетях Фейсбук и ВКонтакте, аккаунт в сети Инстаграм. В среднем в год по этим каналам выпускается более 300 информационно-просветительских материалов для жителей области.

Еще один важный аспект работы Конвенции на региональном уровне и ее значения для региональных уполномоченных — ее позитивное влияние на развитие международных правозащитных связей региональных омбудсменов. Именно в духе Конвенции развиваются эти отношения. Помимо двустороннего взаимодействия с зарубежными партнерами при работе по конкретным обращениям региональные омбудсмены активно участвуют в международных правозащитных организациях и проводимых ими мероприятиях как в России, так и за рубежом. Среди них международные конференции в Москве и Санкт-Петербурге, Бишкеке и Ереване, в Афинах, Мадриде, Инсбруке, Женеве, организованные Управлением Верховного комиссара ООН по правам человека, Советом Европы, Глобальным Альянсом национальных правозащитных институтов (ГАНРИ) и Европейской сетью ГАНРИ, Иberoамериканской ассоциацией омбудсменов, Европейским институтом омбудсмена, а также национальными правозащитными институтами. Имеется и опыт конструктивного взаимодействия с Европейским комитетом против пыток, миссия которого в 2019 г. посетила Россию и работала, в частности, в Ярославле, продемонстрировав профессиональный, принципиальный и объективный подход.

Все это — положительный опыт, который заслуживает поддержки и развития. Новый важный шаг и импульс в этом направлении — создание Евразийского альянса омбудсменов, при формировании которого важную роль сыграла Уполномоченный по правам человека в РФ Т. Н. Москалькова. Совет Федерации ФС РФ поддержал эти усилия, предложив продолжить «работу по развитию международного сотрудничества в сфере защиты прав человека путем взаимодействия с омбудсменами иностранных государств, в том числе в формате Евразийского альянса омбудсменов», а также «работу по мониторингу исполнения постановлений Европейского суда по правам человека» [6].

Кстати, признавая важность международной кооперации в правозащитной сфере, упомянутый выше федеральный закон о региональных уполномоченных по правам человека в субъектах РФ устанавливает, что региональные омбудсмены должны не только развивать внутренние межрегиональные связи, но и содействовать международному сотрудничеству в области прав человека [7]. Это создает правовую основу для дальнейшего развития международных правозащитных связей с участием региональных омбудсменов.

Таким образом, Конвенция работает и продолжает оказывать позитивное влияние на развитие правозащитного пространства на Евразийском континенте. Документ продолжает действовать в ценностном, фундаментально-правовом, институционально-организационном, информационном, практико-правозащитном отношении, содействуя защите прав конкретных людей. Конечно, Конвенция — самодостаточный международно-правовой документ, обязательный к исполнению государствами, добровольно взявшими на себя обязательства по ее соблюдению. Но, как показывает опыт, претворение Конвенции в жизнь — не автоматический акт. На ее реализацию влияют разные факторы — международные отношения, внутренняя политика государств, интересы и воля политических акторов. Вместе с тем, для реализации положений этого важного правозащитного документа нужна как политическая воля всех участников Конвенции на уровне международных организаций и национальных государств, так и правозащитная воля сообщества омбудсменов, воплощенная в проактивных, системных, последовательных, конкретных действиях по защите прав человека.

Библиографический список

1. *Бабуркин С. А.* Ежегодный доклад Уполномоченного по правам человека в Ярославской области за 2018 год. Ярославль, 2019. 152 с.
2. *Висенте Фернандо Гарсия.* Роль омбудсмена в мониторинге Европейской конвенции основных прав и свобод в Испании // Реализация Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод: проблемы и перспективы: сборник материалов Международной конференции 11—12 ноября 2010 года, г. Пермь / сост. Т. И. Марголина, Д. М. Колмогоров. Пермь, 2010. С. 132—143.
3. Конвенция о защите прав человека и основных свобод. URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160 (дата обращения: 10.03.2021).
4. *Москалькова Т.* Незабываемый билль. 70 лет назад была принята Европейская конвенция по правам человека // Российская газета. Федеральный выпуск № 248 (8302). 04.11.2020. URL: <http://rg.ru/2020/11/04/70-let-nazad-by-la-priniata-evropejskaia-konvencija-po-pravam-cheloveka.html> (дата обращения: 09.03.2021).
5. *Николаев А. М.* Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Некоторые проблемы реализации в России // Закон и право. 2011. № 12.

6. О докладе о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2019 год: постановление № 385-СФ 24 июля 2020 г. URL: council.gov.ru/activity/documents/118564/ (дата обращения: 11.03.2021).
7. Об уполномоченных по правам человека в субъектах российской Федерации: федеральный закон от 18 марта 2020 г. № 48-ФЗ. URL: <http://rg.ru/2020/03/20/fz-upolnomochenni-ru-pravam-cheloveka-dok.html> (дата обращения: 09.03.2021).
8. Реализация Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод: проблемы и перспективы: сборник материалов Международной конференции 11—12 ноября 2010 года, г. Пермь / сост. Т. И. Марголина, Д. М. Колмогоров. Пермь: 2010. 176 с.
9. Сунгуров А. Ю. Опыт деятельности уполномоченных по правам человека в субъектах РФ: достижения и проблемы // Реализация Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод: проблемы и перспективы: сборник материалов Международной конференции 11—12 ноября 2010 года, г. Пермь / сост. Т. И. Марголина, Д. М. Колмогоров. Пермь: 2010. С. 143—148.

УДК 341.231.14

ББК 67.400.32

Н. В. Исаева

ПРАВозащитная ПРАКТИКА И ДОСТОИНСТВО ЛИЧНОСТИ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ

В статье предложен неклассический подход к исследованию государственной правозащитной деятельности. Он основан на авторской разработке правовой теории идентичности, рассматриваемой в единстве научного, субъективного и объективного аспектов. Такой подход позволяет дать качественную характеристику субъектов правозащитных правоотношений, обнаружить в юридически значимых действиях наличие, состояние или отсутствие правовой идентичности. При этом субъектами правоотношений выступают не структуры, а люди, способные включать заложенные в правовые нормы ценности и смыслы в понимание себя, собственное саморазвитие и самореализацию. Правозащитная деятельность — это процесс формирования условий признания достоинства личности. Нарушая права человека, государство покушается на его достоинство, самоуважение, целостность личности, ставит под сомнение ее признание в предлагаемом правовом статусе, проявляет неуважение к человеку и его репутации.

Ключевые слова: права человека, личность, достоинство личности, правовая идентичность, защита прав, государство.

N. V. Isaeva

HUMAN RIGHTS PRACTICE AND PERSONAL DIGNITY: NEW APPROACHES

The article proposes a non-classical approach to the analysis of the state human rights practices. It is based on the author's research of the legal identity theory which is reviewed within the integrity of its scientific, subjective and objective aspects. Such an approach allows to formulate a quality characteristics of the subjects of human rights-based legal relations; to reveal the state or the absence of legal

© Исаева Н. В., 2021

• Серия «Естественные, общественные науки»

identity in the legal acts. In this context, the subjects of legal relations are not entities, but persons who are able to integrate values and meanings inherent to legal regulations, to their self-conception, personal development and self-realization. Human rights practices is a process of laying the groundwork for the personal dignity recognition. By violating the human rights, the state infringes a person's dignity, self-respect, personal integrity, puts in doubt its recognition in the offered legal status, demonstrates disrespect to a person and his or her reputation.

Kew words: human rights, personality, personal dignity, legal identity, human rights protection, state.

Человек в современном мире встречается со множеством рисков, которые он далеко не всегда способен самостоятельно преодолеть. Все более возрастает роль права и юридических механизмов (процедур) в обеспечении сохранности человека (телесной, душевной, духовной), порождающей в науке необходимость пересмотра методологии, а на практике — принципов отношения к человеку, понимания его значения и значимости. В первом случае можно говорить о возрастающем интересе к правовой антропологии (антропологическом повороте), во втором — о признании верховенства ценности человека и его прав, формального равенства людей в общественной свободе и справедливости.

Модель личности, заложенная в международных документах и современных конституциях, включая российскую, является не произволом государства, но выстраданной в конституционном развитии системой прав и свобод, позволяющих и способствующих развитию личности, ее совершенствованию. Смыслы, заложенные в нормы права, ориентированы на формирование самоуважения, уважения прав других, человеческого достоинства. История прав человека — это история совершенствования представлений людей о самих себе, независимо от теорий об их происхождении.

Несмотря на критические, а порой скептические высказывания относительно прав человека, подходов к их происхождению, полноте и перспективах развития, автор исходит из того, что сложившаяся к концу XX века совокупность прав и свобод человека и гражданина, дает вполне осязаемое представление об апробированной историей человечества *модели идеальной правовой личности*. Смыслы, заложенные в нормы права, ориентированы на формирование самоуважения, уважения прав других, человеческого достоинства. Трудно не согласиться с выводом, к которому приходит известный австралийский ученый Дж. Финнис о том, что принципы естественного права, обязывающие человека быть причастным основным благам посредством разумных решений и свободных действий, конституируют личность, какая она есть и какой должна быть в будущем [25, с. 131].

Развитие прав человека шло по пути осознания того, какой человек есть и каким он хотел бы быть в будущем, не только расширяя, но и углубляя понимание системы ценностей (здоровье, личная свобода, независимость, юридическое равенство), *важных для совершенствования самого человека*. И на этом пути достоинство личности далеко не сразу нашло свое место [26, с. 12—48].

В век глобализации и информационного общества мы слышим высказывания о девальвации ценности прав человека и ценностей, заложенных в них. Представляется, что речь должна идти о другом: о *кризисе интерпретаций* этих прав, например, права на индивидуальную свободу, о размытости критериев ее ценности и границ. Это нередко приводит к деформации личности, утрате самости, потере самоуважения и уважения прав других. Человечество

не раз переживало такие кризисы, вырабатывая и признавая новые правовые возможности развития личности. И в этом смысле и XXI век, очевидно, не будет исключением.

В контексте заявленной темы, представляется актуальным обсудить вопрос, насколько может расходиться понимание целей и оценка результатов правовой защиты с учетом разных методологических подходов: классических и неклассических [27].

Начнем с понимания *правозащитной практики*. Как правило, она рассматривается как разновидность юридической практики [18], представляет собой *деятельность* разных структур, организаций, граждан, направленную на защиту прав человека, нарушенных действиями (бездействием) государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц, т. е. это деятельность, противостоящая произволу государства в сфере прав и свобод человека и гражданина. Под *содержанием* правозащитной деятельности в этом случае понимается положительное изменение ситуации в сфере прав человека в интересах самого человека, общества в целом и государства [28, с. 571].

В таком понимании, на взгляд автора, правозащитная функция может реализовываться такими субъектами, как: 1) государственные правозащитники (например, парламентские омбудсмены); 2) государственно-общественные (например, комиссии или советы по правам человека); 3) зарегистрированные неправительственные некоммерческие организации; 4) граждане и их незарегистрированные общественные объединения; 5) надгосударственные структуры (например, ЕСПЧ).

Результат этой деятельности, обычно, демонстрируется в отчетах, ежегодных докладах и т. п. Например, в 2018 г. к Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации (далее — УПЧ) поступило 38 698 обращений, в том числе — 1728 (4,47 %) — коллективные [8, с. 17]. Из них 9686 обращений были приняты к рассмотрению [8, с. 20]. В докладе отмечается, что за 2018 год во взаимодействии с судами, прокуратурой, иными государственными органами и общественными правозащитными институтами была оказана помощь по реализации прав 184 797 обратившимся [8, с. 8].

О чем с формальной точки зрения могут свидетельствовать эти цифры? С одной стороны, — о большой работе института уполномоченного, обусловленной не только весьма неблагоприятной ситуацией с правами человека в России, когда каждый четвертый сталкивается с нарушениями этих прав со стороны государства, но и ростом понимания роли правозащитной деятельности УПЧ; с другой, — возможно предположить, что это связано и с осознанием значимости прав в формировании своей индивидуальности, самопознании, определении жизненных целей, ценностей и стратегий их достижения, самореализации. Человек формирует свой правовой образ (ментальный образ) на основе предлагаемого правовой системой правового статуса, но каждый делает это по-своему: один видит в правах возможности получения материальных благ, другой — возможность удовлетворения блага самосовершенствования, изменения своих личных качеств. Дж. Финнис, ссылаясь на работу Роберта Нозика [21], пишет, что последнее предполагает «формирование своей личности через свою свободную приверженность этим ценностям», причастность этим ценностям позволяет обрести полноту и «счастье» не в обыденном, но более глубоком смысле слова, в смысле полноты жизни, «определенного саморазвития как личности, значимости нашего существования» [25, с. 130].

Если мы принимаем это во внимание, то нарушение прав человека — это покушение на его самоуважение, целостность его личности, на ценности, которые он включает в понимание себя и мира, его окружающего. Когда речь идет о государстве, то можно говорить, что оно в юридическом смысле ставит под сомнение признание личности в предлагаемом им же ценностно-смысловом статусе, проявляет неуважение к человеку и его репутации.

В этом смысле правозащитная деятельность должна иметь своим содержанием не только и не столько формальное изменение ситуации, выраженное в цифрах случаев восстановления права, но *формирования условий признания достоинства личности как ее неотъемлемого свойства.*

В рейтинге значимых прав и свобод россияне на первое место ставят бесплатную медицинскую помощь (78 %), бесплатное образование (62 %), личную свободу и неприкосновенность (47 %) [8, с. 13]. Почти аналогичные значения мы имеем и по 2019 г. [9, с. 18].

При этом в защите своих прав в 2018 г. граждане по-прежнему уповали на главу государства (36 %), а рейтинг национальных судов стоял на уровне Совета при Президенте РФ по правам человека и Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка (6 %), тогда как на втором месте оказался правозащитный рейтинг СМИ (16 %), на третьем — прокуратуры и правительства РФ (по 13 %), на четвертом УПЧ (12 %), на пятом правозащитные организации и ЕСПЧ (по 9 %) [8, с. 17]. Говорить по этим цифрам относительно собственно защиты от произвола государства сложно, поскольку, например, прокуратура и суды могут выступать в защиту субъективных прав юридических и физических лиц, нарушенных не только действиями (бездействием) государства.

Безусловно, что эта практика свидетельствует о значении, придаваемом правам человека в деятельности названных структур в связи с реализацией провозглашенной в ст. 2 Конституции Российской Федерации обязанности государства признавать эти права, соблюдать и защищать [1]. Однако немаловажным является и вопрос о том, являются ли эти права *значимыми* для лиц, работающих в этих структурах. Под значимостью автором понимается помимо формально признанного значения прав и свобод, *признание смысла и ценности правового явления, его эмоциональную и интеллектуально-волевою допустимость* в определении жизненных целей и стратегий [13] самих правозащитников, имея в виду людей, а не структуры и функции которые они представляют и осуществляют.

Такая постановка вопроса требует дополнения антропологического подхода аксиологическим, а также коммуникативным и диалоговым, когда необходимо не только взаимодействие субъектов права по поводу их прав и обязанностей, но и *внутренний диалог* с теми ценностями и смыслами, которые закладываются в процессе правовой коммуникации в правовые нормы, формально фиксирующие эти права и обязанности.

Коммуникативный подход заставляет искать значимого Другого, и ставить вопрос о том, не является ли Другой значимым для одних лишь как средство удовлетворения своих потребностей, возможно в ущерб интересам третьих лиц, включая государство, а для других — инструментом реализации своих амбиций, далеко не всегда связанных собственно с правой защитой? Каким образом это может быть связано с достоинством личности? Попробуем ответить на эти вопросы, обратившись к авторской разработке правовой теории идентичности, которую можно рассматривать как одну из объяснительных моделей юридически значимого поведения субъекта.

Правовая теория идентичности в авторском понимании должна включать философско-правовой, теоретико-правовой и отраслевой подходы. Можно выделить три аспекта правовой идентичности: научный, субъективный и объективный.

В *научном* понимании идентичность — это *категория*, которая применяется для описания социальных субъектов в качестве относительно устойчивых, тождественных самим себе целостностей. Идентичность рассматривается как некая структура, качество индивидуального или коллективного субъекта, возникающее как результат его взаимодействия с обществом. Идентичность может быть ориентирована как на формирование и защиту индивидуальности (Я, Мы), так и на приобщение и отстаивание коллективного, общественных норм и ценностей. Идентичность связывают с самосознанием, самоосознанием, самоопределением, самоидентичностью, целостным образом, составленным субъектом (индивидуальным или коллективным) о самом себе [16].

Индивидуальная идентичность выступает как *вертикальное* измерение, обеспечивая связь прошлого, настоящего, будущего субъекта права, а *социальная* идентичность представляет *горизонтальный* срез, обеспечивающий включенность субъекта в систему отношений, обусловленных его правовым положением. При этом важно учитывать, что идентичность всегда формируется как *положительный образ* себя. Формирование этого образа всегда *исторически и социокультурно детерминировано*.

Важным аспектом достижения идентичности в ходе отстаивания своих прав является наличие значимого Другого. Акценты и результаты поиска значимого Другого в выстраивании правовой идентичности могут быть разными в зависимости от классической или неклассической парадигмы. В первом случае понимание права обусловлено волей государства (суверена), которое и будет восприниматься как значимый Другой, обеспечивающий в конечном итоге социально-правовое включение субъекта. Государство, исходя из позитивистско-патерналистского решения проблемы человека, осуществляет деятельность, ориентированную на структурно-функциональную традицию понимания социального субъекта, включая отнесение субъекта к той или иной группе, сообществу, коллективу, и с этим связывая «означивание». Это четко прослеживается в отчетах о правозащитной практике УПЧ, когда идет не только анализ нарушенных прав, но и социальная стратификация обратившихся.

Поиск значимого Другого в неклассической парадигме не столь однозначен, что обусловлено как множественностью (проявлений, состояний, значений) самого субъекта, так и предлагаемых субъектов «означивания». Так, коммуникативная теория предполагает наличие Другого как внешне выраженного, так и *внутренне* обусловленного. «Смотреть на себя и размышлять о себе возможно, — пишет А. Ю. Антоновский, — лишь занимая чужую позицию. И именно в коммуникации рождается основание самоидентификации индивида» [3, с. 260].

Направленность в формировании правовой идентичности не на форму (формально признанные источники), а на смыслы и ценности права по-иному выстраивает и intersубъективное общение и самопознание личности, а также позволяет выявить связь индивидуального и социального. Это обеспечивает единство и взаимообусловленность индивидуальной и социальной составляющих правовой идентичности, которая может пониматься как *«правовая структура социального субъекта, характеризующая его способность и потребность*

познания и осознания себя в категориях права, заложенных в них ценностях и смыслах, реализующаяся в правоотношении посредством актуального самоопределения в правах и обязанностях» [11, с. 23].

В таком понимании правовая идентичность позволяет личности не только адаптироваться в системе социальных связей, приспособиться к жизни, но формирует чувство самоуважения, личной свободы наравне с другими — с индивидуальной стороны, и сопричастности, солидарности, содружества — с социальной. Это и есть важнейшие составляющие достоинства личности.

С субъективной точки зрения правовая идентичность — это правовое качество социального субъекта, сформированное на основе ценностного и интеллектуально-волевого восприятия представленного правовой системой правового статуса (правового положения) как сущностного элемента самопознания, саморегуляции и самореализации; обеспечивающее самооткровенность субъекта в правоотношении; определяющее его положительное правовое сознание и получающее выражение в актуальном юридическом самоопределении субъекта посредством прав, обязанностей и ответственности в правомерном поведении.

С объективной точки зрения правовая идентичность — это качественная характеристика субъекта права.

С этой стороны можно исследовать индивидуальный или коллективный субъект права в его проявлении в правовой сфере, в частности, в правозащитном правоотношении. Это происходит в юридически значимых действиях, которые обнаруживают наличие, состояние или отсутствие правового качества. Для анализа состояния правовой идентичности принята, разработанная американским социальным психологом Дж. Марсиа модель статусов идентичности, получившая развитие в работах по социальной психологии российских ученых, в частности, Н. В. Антоновой [2]. Так, достигнутая правовая идентичность предполагает устойчивость самостоятельно и целенаправленно познанных, принятых и признанных правовой системой правовых ценностей и смыслов, стабильность правомерного поведения, исключение неправомерности как нарушения целостности личности. В случае наличия достигнутой правовой идентичности участниками правозащитного отношения важным будет не только соблюдение процедуры, достижения материального результата (например, удовлетворение иска о защите чести и достоинства), но и взаимное признание ценности заложенного в норме социально и индивидуально значимого смысла, включая обязанности, влияющего на самореализацию и самоуважение обеих сторон.

Предрешенная или принятая правовая идентичность характеризуется определенной и достаточно устойчивой системой правовых ценностей, убеждений и обязательств, однако, сформированных в большей степени под влиянием внешних обстоятельств, включая принуждение, правомерное поведение не коррелируется утратой самости, но страхом наказания, неблагоприятных последствий правонарушения. Это наиболее часто встречающийся вариант состояния правовой идентичности. Например, удовлетворение притязаний обратившегося за правовой защитой лица, возможно, не будет оцениваться им как факт, повысивший его самооценку, а лицо, оказавшее правовую помощь, не воспримет успех как фактор, влияющий на его отношение к правам как носителям возможностей, способных изменить правовое качество его личности, а лишь как средство развития процессуальных навыков и опыта правозащитной деятельности. Мораторий идентичности означает состояние

поиска оснований и механизмов (самостоятельно или под влиянием внешних обстоятельств) самопознания, социализации и самореализации посредством ценностей и смыслов права, неопределенность и *неустойчивость* системы правовых ценностей, убеждений и обязательств, выражается в чередовании правомерности и неправомерности поведения с высокой степенью рискогенности последней. В правозащитном отношении это может проявляться в формальном ответе на обращение, затягивании сроков рассмотрения, с одной стороны, а с другой — в возможности злоупотребления правом со стороны обратившегося.

Диффузная правовая идентичность, понимая в смысле рассеивания, неопределенности человека в выборе жизненных целей, может быть охарактеризована как *отсутствие права в системе ценностей и смыслов*, определяющих жизнедеятельность социального субъекта. Однако она может быть *вызвана разными обстоятельствами*, например, *конкуренцией идентичностей*, в частности, религиозной, когда правомерность поведения детерминруется религиозными ценностями и правилами. В этом случае неправомерность может быть обусловлена незнанием правовых предписаний (вариант проявления юридической несвободы). Отсутствие чувства правовой идентичности в этом случае порождает неуверенность, пессимизм, апатию. В этом случае человек полагает бесполезность борьбы за свои права, не видит смысла в обращении к правозащитникам, в том числе. Его чувство достоинства угнетено.

Следует сказать, что проблема достоинства личности в последние два десятилетия стала предметом научного интереса российских исследователей в разных аспектах: в философском — с обоснованием необходимости ее детальной проработанности и сетованием на отсутствие фундаментальных исследований [29], историко-правовом — с анализом особенностей толкования категории в российской юридической науке [7], междисциплинарном — с обоснованием необходимости введения нового научного направления биоэтики [10], практико-ориентированном, имеющем выходы в теорию права [5], отраслевые сферы правоприменения (конституционное, уголовное, финансовое и другие) [19].

При всем многообразии понимания самого термина «достоинство», обусловленного спецификой целей научного исследования, можно выделить некоторые ключевые моменты, в которых авторы солидарны. С учетом стратификации общества, прежде всего, сохраняющийся в ряде стран сословный его характер, выделяется достоинство по рождению (дети пэров в Англии), по занимаемой должности, по уровню материально-финансовой обеспеченности, образованию. В этом случае достоинство чаще понимается в морально-этическом плане, поскольку в большинстве современных государств, ратифицировавших Всеобщую декларацию прав человека, юридически закрепляется принцип формального равенства. Развитие и расширение прав и свобод позволили говорить о достоинстве коллективных субъектов, в частности, меньшинств. В науке конституционного права человеческое достоинство связывается прежде всего с конституционной категорией «достойная жизнь» и рассматривается как «незыблемая ценность существования человека и общественного развития [17, с. 46], требующая признания и гарантирования конституционного права на достоинство как необходимого базового элемента правового статуса личности [16, с. 124].

Анализ конституционно-правовых подходов, в том числе практики Конституционного Суда Российской Федерации, позволил И. А. Кравцу

сделать вывод о том, что судебная конституционализация достоинства личности «обеспечила возвышение человеческого достоинства в ранг конституционной и высшей ценности российской юриспруденции [16, с. 225].

В таком понимании достоинства личность прежде всего нуждается в признании со стороны общества, государства, его органов, должностных лиц. Однако достаточно ли признания личности и ее достоинства как юридических категорий и ценностей безотносительно к самому человеку, его индивидуальному отношению к этим ценностям?

Вполне устоявшимся является мнение, что человек не обращает внимания на свои права, пока они не нарушаются. С позиции правовой идентичности это совершенно не приемлемо, поскольку исключает права человека как форму, в которой заключены ценности и смыслы социальности субъекта, формирования представлений о его правовых возможностях, ценностях и смыслах, заключенных в формально определенных нормах о правах и свободах, которые осваиваются в процессе воспитания, образования и самообразования и включаются в картину мира и собственного понимания. Позитивистская легистско-патерналистская методология исключает возможность познания (размышления, думания) о правах человека до факта их нарушения. Игнорируется факт содержания в этих правах неких субъективно и социально важных смыслах, которые формируют или влияют на формирование ценностной картины мира человека как личности.

Существуют философские и научные подходы к категории смысла. В философском понимании речь идет о жизненных смыслах как «базисных ценностях культуры», которые «программируют» человека, его действия и поступки, определяют оценку тех или иных событий социальной жизни, определяют, какие фрагменты и состояния социального опыта включаются в поток культурной трансляции, а какие выпадают из этого потока [23, с. 330].

Адекватное транслирование смыслов рассматривается как атрибут зрелой личности, сочетающей осознание своих личностно-детерминированных смыслов и активность по их реализации [6]. В связи с этим возникает вопрос о возможности формирования зрелой личности без овладения смыслами и ценностями права и эффективной ее самореализации в сфере права. Чем собственно и должны заниматься стороны правозащитной деятельности: как пострадавший, так и его защитник.

Теория смысла как элемент когнитивистской методологии исследования требует аксиологической интерпретации. Научно обосновано и эмпирически подтверждено, что идентичность имеет процессуальную и содержательную стороны: с одной стороны — процесс формирования и существования идентичности охватывает средства, с помощью которых человек идентифицирует, оценивает и отбирает ценности, которые впоследствии станут элементами его идентичности; а с другой — идентичность не может быть рассмотрена без учета содержательной специфики целей, ценностей и убеждений, которые человек выбирает. Поэтому основными параметрами измерения идентичности являются ценностный и оценочный, которые находятся во взаимодействии и взаимосвязи [30, с. 39—40].

Идентичность обусловлена пространственно-временными атрибутами. «Образ Я, образ Другого, образ Группы, образ Времени» являются неизменными элементами социального мира, требующими когнитивной работы человека [4, с. 140].

Идентичность как научная категория фиксирует не только изменение, расширение внешнего мира, но и *изменение, и расширение внутреннего мира*

социального субъекта, действующего в сфере права, также подвергающегося глубинным изменениям под влиянием внутренних и внешних факторов, далеко не всегда укладывающихся в рациональную картину мира.

В правовой сфере это с неизбежностью ставит вопрос: являются ли для социального субъекта предлагаемые формально определенные основания идентичности ценностью и с помощью чего он их оценивает. Ответ на этот вопрос собственно и предполагает выяснение особенностей природы правовой идентичности. Представляется, что *в юридическом смысле инструментом оценивания может быть только правопонимание*, а предлагаемые основания идентичности, выраженные в признаваемых источниках права, выступают объектом оценивания. От того, какого правопонимания придерживается социальный субъект в своей жизни (повседневной, профессиональной, научной), в немалой степени зависит его удовлетворенность правопорядком.

В связи с этим возникает вопрос о роли права в самоопределении и самореализации социального субъекта в качестве субъекта права. По мнению В. А. Канке, идея субъективной «временной развертки» самопредставлений субъекта права — аспект, который остается не исследованным в силу специфики предмета [14, с. 274—275].

Представляется, что в контексте права, *пространство, понимаемое как протяженности объектов, выражает то, что все большее число жизненных сфер субъекта опосредуется правом; а время, как длительности объектов, характеризует устойчивость правовых ценностей субъекта, создавая предпосылки не только для формирования и поддержания идентичности социального субъекта как такового, но и изменения его качества как субъекта права.*

Такой подход позволяет по-иному говорить о достоинстве личности в правозащитной практике. Это — не только формально признанное право, но *способ, путь и цель формирования, сохранения, воспроизводства такой правовой реальности*, в которой транслируемые посредством прав и свобод ценности и смыслы, воспринимаются сторонами, независимо от их наличного правового статуса (роли), как *необходимые предпосылки* их самосовершенствования и самореализации, обеспечения стабильности правопорядка и взаимного доверия личности, общества и государства.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, одобренных всенародным голосованием 1 июля 2020 года) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://publication.pravo.gov.ru> (дата опубликования: 04.08.2020).
2. Антонова Н. В. Проблема личностной идентичности в интерпретации современного психоанализа, интеракционизма и когнитивной психологии // Вопросы психологии. 1996. № 1. С. 131—143.
3. Антоновский А. Ю. Пространство, время и интерсубъективность в символическом интеракционизме Дж. Г. Мида // Интерсубъективность в науке и философии / под ред. Н. М. Смирновой. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. С. 249—272.
4. Белинская Е. П. Временные аспекты «Я»-концепции и идентичности // Мир психологии. 1999. № 3. С. 140—147.
5. Власова О. В., Цибулевская О. И. Правовая культура субъектов власти как фактор утверждения достоинства личности // Государственная власть и местное самоуправление. 2010. № 6. С. 3—9.
6. Григорьева Е. В. Трансляция и трансформация смыслов: механизмы идентичности с точки зрения интегративного подхода. URL: <http://vash-psiholog.info/>

- volna/223/18490-translyaciya-i-transformaciya-smyslov-mexanizmu-identichnosti-s-tochki-zreniya-integrativnoo-podxoda.html (дата обращения: 25.02.2021).
7. Дробышевский С. А., Протопопова Т. В. Идея человеческого достоинства в политико-юридических доктринах и праве: монография. Красноярск: ИПК СФУ, 2009. 160 с.
 8. Ежегодный Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2018 год. URL: <https://ombudsmanrf.org/content/doclad2018> (дата обращения: 18.02.2021).
 9. Ежегодный Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2019 год. URL: <https://ombudsmanrf.org/content/doclad2019> (дата обращения: 25.02.2021).
 10. Засухина В. Н. Достоинство личности как биоэтическая проблема URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_11741542_24442574.pdf (дата обращения: 02.08.2019).
 11. Исаева Н. В. Субкультурные сообщества в контексте правовой идентичности // Научный поиск. 2015. № 1.3. С. 23—27.
 12. Исаева Н. В. Особенность социального аспекта правовой идентичности личности // Научный поиск. 2016. № 1.2. С. 14—17.
 13. Исаева Н. В. Значение и значимость конституционных ценностей в формировании личности // Конституционные идеалы и ценности в практической демократии: материалы и доклады XII Междунар. науч.-практ. конф. (Самара, 29 сент. — 2 окт. 2016 г.) / под ред. В. В. Полянского, В. Э. Волкова. Самара: Изд-во Самар. ун-та, 2017. С. 88—97.
 14. Канке В. А. Философия для юристов: учебник. 3-е изд., стер. М.: Омега-Л, 2011. 416 с.
 15. Кравец И. А. Балансирование, принцип соразмерности и охрана достоинства личности в российском конституционализме // Научные труды. Российская академия юридических наук. М.: Юрист, 2019. С. 221—227.
 16. Кравец И. А. Достоинство личности: диалог теории, конституционных норм, международных регуляторов и социальной реальности // Журнал российского права. 2019. № 1. С. 111—128.
 17. Кравец И. А. Конституционализация достоинства личности и перспективы права на социальное благополучие // Государство и право. 2020. № 1. С. 41—53.
 18. Марфицин П. Г. О понятии и свойствах правозащитной практики // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. 2019. № 6. С. 153—166.
 19. Марченко В. Я. Достоинство личности в конституционно-правовом измерении: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Российская академия правосудия, 2008. 24 с.
 20. Никитяева В. В. Достоинство личности — основополагающий признак социального государства // Вестник Воронежского института МВД России. 2008. № 2. С. 25—29. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dostoinstvo-lichnosti-osnovopolagayuschiy-priznak-sotsialnogo-gosudarstva/viewer> (дата обращения: 02.03.2021).
 21. Нозик Р. Анархия, государство и утопия / пер. с англ. Б. Пинскера, под ред. Ю. Кузнецова и А. Куряева. М.: ИРИСЭН, 2008. 424 с.
 22. Омелехина Н. В. Финансовое право в межотраслевом институте достоинства личности // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 11. С. 62—77.
 23. Степин В. С. Цивилизация и культура. СПб.: СПб. ГУП, 2011. 407 с.
 24. Телегина И. В. Уважение чести и достоинства личности в системе принципов российского уголовного судопроизводства // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 7. С. 202—204.
 25. Финнис Дж. Естественное право и естественные права / пер. с англ. В. П. Гайдамака и А. В. Панихиной. М.: ИРИСЭН: Мысль, 2012. 554 с.
 26. Цыбулевская О. И., Власова О. В. Достоинство личности и гражданское общество. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская гос. академия права», 2008. 207 с.
 27. Честнов И. Л. Постклассическая теория права: монография. СПб.: Алеф-Пресс, 2012. 650 с.

28. Чумаков К. Н. Адвокат в механизме правозащитной деятельности // Правозащитная деятельность в современной России: проблемы и их решение: сборник науч. трудов II Междунар. науч.-практ. конф. СПб.: Изд-во САУ, 2016. С. 569—573.
29. Шаракианэ С. А. Достоинство человека: опыт философско-антропологического осмысления // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2006. № 3. С. 60—65.
30. Шнейдер Л. Б. Профессиональная идентичность: монография. М.: МОСУ, 2001. 272 с.

УДК 341.231.14
ББК 67.400.32

С. А. Шмелева

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ И РАСПРОСТРАНЕНИЯ НОВОЙ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ

В статье рассматриваются правовые аспекты защищающие население на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекцией. Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод не только провозгласила права и свободы человека, но и создала эффективный механизм их защиты. Конституция и Международные стандарты закрепили право на жизнь, достоинство личности, право на жилище, судебную защиту прав и свобод. Комплекс ограничительных мероприятий, изоляцию населения и защиту их от инфекционных заболеваний с обеспечения их безопасности были закреплены Указом Президента РФ, Указами губернаторов субъектов РФ. В свою очередь, условия пандемии внесли коррективы и в деятельность различных уполномоченных по правам человека и общественных формирований.

Ключевые слова: конвенция, угроза, инфекция, изоляция, гарантия, право.

S. A. Shmeleva

HUMAN RIGHTS IN THE CONTEXT OF EMERGENCIES AND THE SPREAD OF THE NEW CORONAVIRUS INFECTION

The article deals with the legal aspects that protect the population in the territory of the Russian Federation in connection with the spread of a new coronavirus infection. The European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms not only proclaimed human rights and freedoms, but also created an effective mechanism for their protection. The Constitution and International Standards have enshrined the right to life, the dignity of the individual, the right to housing, and judicial protection of rights and freedoms. A set of restrictive measures, isolation of the population and protection of them from infectious diseases to ensure their safety were fixed by the Decree of the President of the Russian Federation, the Decrees of the governors of the subjects of the Russian Federation. In turn, the conditions of the pandemic have also made adjustments to the activities of various human rights commissioners and public formations.

Key words: Convention, the threat of infection, isolation, guarantee, right.

В системе защиты прав человека и основных свобод, созданной Советом Европы, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (далее — Конвенция) занимает особое место. Она была принята Советом Европы 4 ноября 1950 г. и вступила в силу 3 сентября 1953 г.

Принятие Конвенции последовало за ратификацией Всеобщей декларации прав человека 1948 г. Однако, являясь ее продолжением и развитием, Конвенция не только провозгласила основополагающие права и свободы человека, но и создала эффективный механизм их защиты, который является наиболее прогрессивным в мире.

Конвенция была призвана не просто дополнить Декларацию прав человека, но и подтвердить традиционно ведущую роль Европейского Союза в создании и развитии демократических и правовых институтов. В этой связи основные задачи Конвенции заключаются в предоставлении непосредственной и постоянной защиты воплощенных в ней прав. Европейская Конвенция закрепляет обязанность государств обеспечивать права и свободы, изложенные в Конвенции, «каждому человеку, находящемуся под их юрисдикцией» [2].

Международные стандарты прав и свобод человека это тот нормативный минимум, на который должны ориентироваться государства при признании и обеспечении провозглашаемых прав.

В Конституции Российской Федерации 1993 года (далее — Конституция) впервые в истории российской государственности права и свободы человека и гражданина и их защита приведены в соответствии с международными стандартами. Гарантируется неотчуждаемость основных прав и свобод человека. Провозглашается равенство прав независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств.

В статье 55 Конституции также закреплено положение о том, что в Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина [3].

Однако, в соответствии с функциями международных стандартов, к которым относятся перечень прав и свобод человека, содержание прав и свобод человека, допустимые ограничения прав и свобод и механизм защиты прав и свобод (внутренний и международный), и Конвенция, и Конституция предусматривают отдельные ограничения прав и свобод в определенных условиях.

Так, в статье 15 Конвенции указано, что в случае войны или при иных чрезвычайных обстоятельствах, угрожающих жизни нации, любая из Высоких Договаривающихся Сторон может принимать меры в отступление от ее обязательств по настоящей Конвенции только в той степени, в какой это обусловлено чрезвычайностью обстоятельств, при условии, что такие меры не противоречат другим ее обязательствам по международному праву [2].

Часть 3 статьи 55 Конституции предусматривает ограничение прав и свобод человека и гражданина федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства [3].

Ограничения прав и свобод предусмотрены такими федеральными конституционными и федеральными законами, как «О военном положении» № 1-ФКЗ от 30.01.2002 [10], «О чрезвычайном положении» № 3-ФКЗ от 30.05.2001 [11], «О противодействии терроризму» № 35-ФЗ от 06.03.2006 [8],

«О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» № 68-ФЗ от 21.12.1994 [7].

На основании указанных законов Президентом Российской Федерации, Правительством Российской Федерации, региональными органами исполнительной власти могут применяться следующие меры:

- введение и обеспечение особого режима въезда и выезда на определенные территории, а также ограничение свободы передвижения по ней;
- приостановление деятельности политических партий, других общественных объединений, религиозных объединений;
- запрещение или ограничение выбора места пребывания либо места жительства;
- запрещение или ограничение проведения собраний, митингов и демонстраций, шествий и пикетирования, а также иных массовых мероприятий;
- запрещение забастовок и иных способов приостановления или прекращения деятельности организаций;
- запрещение нахождения граждан на улицах и в иных общественных местах в определенное время суток;
- ведение контроля телефонных переговоров и иной информации, передаваемой по каналам телекоммуникационных систем, а также осуществление поиска на каналах электрической связи и в почтовых отправлениях определенной информации;
- беспрепятственное проникновение должностных лиц правоохранительных органов в жилые и иные принадлежащие физическим лицам помещения и на принадлежащие им земельные участки, на территории и в помещения организаций независимо от форм собственности и другие.

Однако, в соответствии с Конституцией не подлежат ограничению право на жизнь, достоинство личности, свобода вероисповедания, право на жилище, судебная защита прав и свобод.

В условиях военного или чрезвычайного положения в стране как никогда остро встает вопрос защиты прав человека и гражданина. Именно поэтому приобретают особый смысл положения Федерального конституционного закона от 26.02.1997 № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» о том, что введение режима чрезвычайного или военного положения на всей территории Российской Федерации либо на ее части не прекращает и не приостанавливает деятельности Уполномоченного и не влечет ограничения его компетенции [9].

В последнее время мир столкнулся с новой угрозой для всего человечества — массовым распространением инфекционных заболеваний, грозящих высокой смертностью населения.

31 декабря 2019 года Всемирная организация здравоохранения была проинформирована об обнаружении случаев пневмонии, вызванной неизвестным возбудителем, 3 января китайские службы сообщили ВОЗ о 44 случаях пневмонии в городе Ухань провинции Хубэй. Патоген оказался новым коронавирусом, который ранее не обнаруживался среди человеческой популяции. 30 января 2020 года в связи со вспышкой эпидемии ВОЗ объявила чрезвычайную ситуацию международного значения в области здравоохранения, а 28 февраля 2020 года ВОЗ повысила оценку рисков на глобальном уровне с высоких на очень высокие. 11 марта 2020 года эпидемия была признана пандемией. Пандемия опасна тем, что одновременное заболевание инфекцией множества людей может привести к перегруженности системы здравоохранения с повышенным количеством госпитализаций и летальных

исходов. Системы здравоохранения могут оказаться не готовы к необычайно большому количеству тяжелобольных пациентов.

На сегодняшний день в мире выявлено свыше 31 миллиона случаев заражения новой коронавирусной инфекцией, зарегистрировано 965 тысяч погибших, свыше 7,5 миллионов активных случаев заболевания.

Наиболее важной ответной мерой по отношению к инфекции являются не лечебные мероприятия, а снижение скорости её распространения, чтобы растянуть её во времени и снизить, таким образом, нагрузку на системы здравоохранения. Именно поэтому все страны с высоким уровнем заболевания COVID-19 приняли в соответствии с международным и внутригосударственным законодательством меры по ограничению отдельных прав и свобод граждан.

Комплекс ограничительных и иных мероприятий, направленных на обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории региона был введен 17.03.2020 Указом Губернатора Ивановской области № 23-УГ «О введении на территории Ивановской области режима повышенной готовности» в соответствии с Федеральными законами от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», от 30.03.1999 № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», указами Президента Российской Федерации, постановлениями Главного государственного санитарного врача Российской Федерации [6].

Применение в случае массового заболевания людей ограничительных мер в соответствии с международными нормами и стандартами является не только допустимым, но и обязательным для государств. В частности, в статье 11 Европейской социальной хартии от 3 мая 1996 года закреплены обязанности сторон принимать непосредственно или в сотрудничестве с государственными или частными организациями соответствующие меры, направленные на «предотвращение, насколько это возможно, эпидемических, эндемических и других заболеваний» [1].

В этой связи Совет Европы обнародовал доклад «О соблюдении принципов демократии, верховенства права и прав человека в период кризиса». В нем подчеркнуто, что вынужденные отступления от стандартов в области прав человека должны оставаться соразмерными угрозе распространения вируса, а также включать в себя четкие временные ограничения на продолжительность этих исключительных мер [5].

Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации Т. Н. Москалькова считает, что последовательное введение ограничений на передвижение, осуществление контактов между людьми, своевременное выявление и изоляция заболевших позволило не допустить взрывного характера развития ситуации и добиться относительно небольшого уровня смертности от COVID-19 [4, 8].

«Ограничительные мероприятия отвечали конституционным целям охраны жизни и здоровья, были соразмерны угрозе распространения эпидемии на территории Российской Федерации, а также сопровождалась беспрецедентными мерами государственной поддержки наиболее уязвимых сфер экономики и отдельных граждан», — отмечает федеральный омбудсмен [4, 8].

Несмотря на меры по обеспечению основных социально-экономических гарантий прав человека, пострадало очень много людей. Снизились доходы граждан, вырос уровень безработицы, цены на продовольственные товары и медикаменты, сократилась экономическая активность, закрывались предприятия ИП, малого и среднего бизнеса.

Именно поэтому среди общего количества обращений, поступивших в период пандемии к Уполномоченному по правам человека в Ивановской области, наибольшая их часть касалась нарушения трудовых прав — 33 %. Жалобы на оказание медицинской помощи составили 28 %, оказание социальной помощи — 23 %, нарушение права на передвижение и в сфере ЖКХ — 16 %.

В обращениях граждане поднимали следующие проблемы:

- отсутствие в аптеках средств индивидуальной защиты;
- задержка в посещении врачей, вызванных на дом, запись на прием к врачам узких специальностей;
- перебои с выдачей лекарственных препаратов для онкобольных, людей, имеющих психические заболевания и страдающих сахарным диабетом;
- постановка на учет в качестве безработных;
- понуждение к увольнению лиц, старше 65 лет;
- невыплата заработной платы в период вынужденного простоя организаций и предприятий;
- организация дистанционного обучения и другие.

Следует отметить, что в период распространения новой коронавирусной инфекции более сплоченной стало взаимодействие и региональных уполномоченных по правам человека в Российской Федерации. Содержательным и полезным стало проведение заседания Координационного совета, инициированное Уполномоченным по правам человека в РФ Т. Н. Москальковой. В ходе мероприятия были обсуждены актуальные вопросы обеспечения прав человека в условиях распространения коронавирусной инфекции. Уполномоченные обсудили тематику обращений граждан, которые, как правило, затрагивают самые проблемные вопросы жизни общества и характерны для большинства субъектов страны. Новые вызовы от распространения COVID-19 не стали исключением. Среди злободневных вопросов Татьяна Москалькова выделила доступность для граждан тестирования, вакцинации, медицинской помощи, лекарственных препаратов для тех, кто лечится амбулаторно; защиту трудовых прав медицинских работников, работников других профессий; адаптацию образовательной системы в условиях введения ограничительных мер для школьников и студентов, детей с особыми образовательными потребностями, отдельных категорий обучающихся; особенности защиты прав граждан, находящихся в местах принудительного содержания; правовое регулирование института удаленного труда и другие вопросы.

Обсуждая актуальные проблемы современности, правозащитники пришли к единому мнению, что сегодня нужен постоянный мониторинг ситуации. Важно не допустить противоречивой информации о коронавирусе, лечить пандемию должны не юристы, а прежде всего врачи. Гражданское общество в настоящее время является примером помощи и поддержки нуждающихся в условиях пандемии.

Условия пандемии внесли коррективы в деятельность региональных уполномоченных по правам человека. С самого начала введения ограничительных мер в аппарате Уполномоченного по правам человека в Ивановской области была развернута «горячая линия», на которую поступило свыше 500 телефонных звонков и сообщений.

Для оперативности, в условиях приостановления личных приемов граждан, обращения принимались по электронной почте и через социальные сети. Сотрудники имели возможность в режиме удаленного доступа в течение суток дать разъяснения заявителям или направить обращения электронной почтой по компетенции.

В режиме видеоконференции проводились рабочие совещания, семинары с руководством и сотрудниками Управления ФСИН России по Ивановской области, личный прием осужденных, прошло заседание Экспертного Совета при Уполномоченном. Прошли апробацию дистанционные формы правового просвещения.

Особо следует отметить действенный уровень работы областного оперативного штаба по противодействию новой коронавирусной инфекции под председательством Губернатора Ивановской области С. С. Воскресенского, что позволяло решить наболевшие вопросы по защите прав и свобод жителей в кратчайшие сроки.

Правозащитная деятельность в регионе в период пандемии показала, что ограничения прав человека допустимы лишь в тех случаях, когда это необходимо. В противном случае, вместо решения проблемы они будут служить росту социальной напряженности.

В это особое время Уполномоченный, региональный аппарат УПЧ по правам человека плотно контактирует с общественными формированиями (областная Общественная палата Ивановской области, НКО, ОНК). Подчеркиваю, что важную роль в современной ситуации играет общественный контроль, подключение к мониторингу правозащитных организаций. Главное — защита человеческой личности. Вопросы восстановления прав человека, нарушенных в период пандемии новой коронавирусной инфекции, остаются на контроле Уполномоченного по правам человека в Ивановской области.

Библиографический список

1. Европейская социальная хартия (пересмотренная) (принята в г. Страсбурге 03.05.1996. [Электронный ресурс]. URL: https://krasgmu.net/publ/uchebnye_materialy/obuchajushhie_materialy/1/11-1-0-278 (дата обращения: 10.02.2021).
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод: Заключена в г. Риме 04.11.1950: Вместе с Протоколом № 1 (Подписан в г. Париже 20.03.1952), Протоколом № 4 (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963) и Протоколом № 7 (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1974). [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160/ (дата обращения: 12.02.2021).
3. Конституция Российской Федерации с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.03.2014 № 6-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ. Москва: Мартин, 2020. 64 с.
4. Москалькова Т. Н. Институт уполномоченных по правам человека в период пандемии // Бюллетень Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. 2020. № 9.
5. Руководство для государств-членов Совета Европы «Соблюдение принципов демократии, верховенства права и прав человека в условиях эпидемиологического кризиса COVID-19». [Электронный ресурс]. URL: <https://rm.coe.int/sg-inf-2020-11-toolkit-for-member-states-during-the-covid-19-sanitary-/16809e3992> (дата обращения: 11.02.2021).
6. Указ губернатора ивановской области. от 3.03.2020 № 23-уг г. Иваново (в редакции от 3.12.2020 г) «О введении на территории Ивановской области режима повышенной готовности». [Электронный ресурс]. URL: <https://ivanovoobl.ru/upload/documents/stopcoronavirus/23-ug-27012021.pdf> (дата обращения: 09.02.2021).

7. Федеральный закон "О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера" от 21.12.1994 № 68-ФЗ (последняя редакция). [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5295/ (дата обращения: 11.02.2021).
8. Федеральный закон "О противодействии терроризму" от 06.03.2006 № 35-ФЗ (последняя редакция). [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/ (дата обращения: 12.02.2021).
9. Федеральный конституционный закон от 26.02.1997 № 1-ФКЗ (ред. от 09.11.2020) "Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации". [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13440/ (дата обращения: 10.02.2021).
10. Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 № 1-ФКЗ (ред. от 01.07.2017) "О военном положении". [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_35227/ (дата обращения: 08.02.2021).
11. Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ (ред. от 03.07.2016) "О чрезвычайном положении". [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31866/ (дата обращения: 11.02.2021).

УДК 341.945
ББК 67.93

С. В. Грибанова

ОГОВОРКА О ПУБЛИЧНОМ ПОРЯДКЕ КАК ЗАЩИТНЫЙ МЕХАНИЗМ РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ И ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА

В статье исследуются положения российского законодательства, касающиеся института международного частного права, призванного охранять установившийся в государстве публичный порядок от возможных негативных влияний на него, выявляются основания применения оговорки о публичном порядке при рассмотрении гражданских дел, осложненных иностранным элементом, признании и исполнении иностранных судебных и арбитражных решений.

Ключевые слова: публичный порядок, оговорка о публичном порядке, нормы непосредственного применения, суверенитет Российской Федерации, основы конституционного строя, основополагающие принципы права, общепринятые нормы морали.

S. V. Gribanova

THE PUBLIC POLICY CLAUSE AS THE PROTECTIVE MECHANISM OF THE RUSSIAN LEGAL SYSTEM AND THE INSTITUTE OF PRIVATE INTERNATIONAL LAW

The article examines the provisions of Russian legislation concerning the institution of private international law, designed to protect the established public order in the state from possible negative influences on it, identifies the grounds for applying the public order clause in civil cases complicated by a foreign element, recognition and enforcement of foreign court and arbitration decisions.

Key words: public order clause, norms of direct application, sovereignty of the Russian Federation, foundations of the constitutional system, fundamental principles of law, public order, generally accepted norms of morality.

© Грибанова С. В., 2021

• Серия «Естественные, общественные науки»

Для регулирования частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом, каждая национальная правовая система допускает применение иностранного права, устанавливает порядок и допустимые границы его применения в пределах своей юрисдикции. Одним из общепризнанных принципов и институтов международного частного права, служащим цели определения пределов применения иностранного права, является оговорка о публичном порядке, которая представлена в национальном праве большинства государств и в международных договорах, используется в правоприменительной деятельности юрисдикционных органов тех государств, законодательство которых не содержит *ordre public*, *public policy*, *vorbehaltsklausel*.

В мировой практике сложились две формы оговорки о публичном порядке: позитивная и негативная. Позитивная оговорка представляет собой определенную совокупность норм национального права, особо важных, значимых для государства, его "публичного порядка и добрых нравов". Такие сверхимперативные нормы или нормы непосредственного применения, которые имеют основной целью защиту интереса государства или общества в целом, или в которых содержатся указания на их сверхимперативный характер, должны выступать регуляторами трансграничных отношений независимо от подлежащего применению иностранного права. При этом публичный порядок должен отграничиваться от обычных национальных императивных норм. Негативная форма оговорки предполагает отказ от применения нормы иностранного права, к которой отсылает коллизионная норма, если ее использование приведет к результату, который явно несовместим с основными принципами национального права государства, его публичным порядком.

Правовой вакуум, возникший в результате отклонения иностранной нормы материального права, может восполняться другой нормой применимого иностранного права, не вступающей в противоречие с публичным порядком страны компетентного учреждения, а при отсутствии таковой "при необходимости" следует обратиться к нормам национального права этой страны (*lex fori*).

В Российской Федерации нормативная основа для применения негативной концепции оговорки заложена в статье 1193 Гражданского кодекса и статье 167 Семейного кодекса: нормы иностранного права не применяются в случае, если такое применение противоречило бы основам правопорядка (публичному порядку) Российской Федерации.

В процессуальном законодательстве используется оговорка в качестве основания для отказа в признании и исполнении иностранных судебных и арбитражных решений, а также в исполнении иностранных судебных поручений, если такое признание и исполнение может нанести ущерб суверенитету Российской Федерации или угрожает безопасности Российской Федерации или противоречит ее публичному порядку (ст. 407, 412 Гражданского процессуального кодекса РФ; ст. 244, 256 Арбитражного процессуального кодекса РФ; ст. 34, 36 Закона РФ от 07.07.1993 № 5338-1 "О международном коммерческом арбитраже"). Аналогичное положение содержится в международных договорах, в частности в подп. б п. 2 статьи V Конвенции ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 г.: в признании и приведении в исполнение арбитражного решения может быть отказано, если компетентная власть страны, в которой испрашивается признание и приведение в исполнение, найдет, что это противоречит ее публичному порядку.

Сложившиеся за рубежом стандарты понимания публичного порядка обусловлены стремлением государства предоставить своим юрисдикционным

органам разумную степень усмотрения в вопросах применения норм иностранного права, признания и приведения в исполнение иностранных решений, исполнения судебных поручений. Именно по этой причине оговорка о публичном порядке не имеет заранее установленного наполнения, формулируется без достаточной степени определенности посредством использования таких абстрактных понятий как "основы конституционного строя", "основы общественного строя", "основополагающие принципы права", "публичный порядок", "основные понятия морали и справедливости", "основные принципы или основные идеи правовой системы страны" и др.

С учетом обстоятельств конкретного спора правоприменительный орган должен конкретизировать содержание понятия, что порождает непредсказуемость толкования, а сам "публичный порядок" сродни непокорной лошади — "когда ее оседлаешь, никогда заранее не узнаешь, куда она принесет" [9, с. 404]. К оговорке прибегают в исключительных случаях, когда исчерпаны иные применимые специальные основания.

В российском праве отсутствует нормативное определение термина "публичный порядок", а определенные ориентиры в части отыскания элементов публичного порядка на протяжении всей истории развития международного частного права предоставляет судебная практика, которая должна учитывать, с одной стороны, универсальность этой категории, а с другой стороны, нельзя не принимать во внимание национальные особенности понимания публичного порядка в конкретном государстве, которые не остаются неизменными, а эволюционируют в тот или иной исторический период [6, с. 163].

Универсально само предназначение оговорки о публичном порядке как защитного правового механизма, с помощью которого создаются препоны для не совместимых с публичным порядком государства применения норм иностранного права; оказания правовой помощи суду иностранного государства; признание и приведение в исполнение иностранного судебного решения или международного коммерческого арбитража.

Изучение доктринальной литературы позволяет выделить важные составляющие основ правопорядка (публичного порядка) Российской Федерации. Это фундаментальные правовые начала построения и функционирования политической, экономической и правовой системы государства, обладающие высшей императивностью, универсальностью, особой общественной и публичной значимостью, среди которых:

1) ставшие частью российской правовой системы общепризнанные принципы и нормы международного права, международные стандарты прав человека;

2) основополагающие принципы российского права, как конституционные, так и отраслевые, частноправовые и процессуальные, свойственные не отдельным правовым институтам, а носящие универсальный характер;

3) общепринятые нормы морали;

4) законные интересы российского общества и государства, защита которых является приоритетной задачей правового государства [1, с. 184].

При этом важно подчеркнуть, что применение иностранного права, признание и исполнение иностранного решения, исполнение иностранного судебного поручения должны иметь неблагоприятные последствия для суверенитета и безопасности государства, интересов различных социальных групп, конституционных прав и свобод частных лиц, что и дает все основания для обращения к рассматриваемому защитному механизму. О нарушении

публичного порядка может идти речь и тогда, когда не соблюдается запрет, установленный российской нормой непосредственного применения. Выявление последствий неблагоприятного влияния на публичный порядок относится к полномочиям суда как органа публичной власти.

Так, в судебной практике США встречаются решения о присуждении так называемых карательных убытков, взыскиваемых со стороны, виновной в обмане, мошенничестве или недобросовестности. Считая взыскание карательных убытков несправедливым, многие национальные суды отказываются признавать подобные решения американских судов и арбитражей как явно противоречащие основам правопорядка, даже если применимым правом будет признано право соответствующего американского штата.

В России компенсация рассчитывается таким образом, чтобы кредитор оказался в том же положении, в котором он находился бы в случае надлежащего исполнения обязательства. Иными словами, кредитор должен получить не больше того, что необходимо для защиты его права, и в этом проявляется компенсационная природа возмещения убытков как меры имущественной ответственности. Применение "карательных" мер ответственности, аномально высокого размера убытков или неоправданно высокой неустойки, рассматривается российскими судами как противоречие публичному порядку Российской Федерации, когда при согласовании меры ответственности присутствовали очевидные признаки злоупотребления свободой договора.

В статье 1193 Гражданского кодекса РФ дается акцент на исключительность применения оговорки о публичном порядке, поскольку вольное обращение к ней судов неизбежно приведет к отрицанию применения иностранного права. Всякий раз при обращении к этому институту суд должен объяснять, какие фундаментальные интересы и ценности как элементы публичного порядка он защищает.

Простое несовпадение норм иностранного и российского права и, как следствие, различное правовое регулирование сходных общественных отношений не должно рассматриваться как нарушение российского публичного порядка, поскольку на таких конфликтах и противоречиях построено само международное частное право.

На протяжении длительного времени суды сталкивались со сложностью наполнения категории "публичный порядок" конкретным содержанием. В 2013 году результатом обобщения практики арбитражных судов по рассмотрению соответствующей категории дел стало принятое Президиумом ВАС РФ информационное письмо № 156 "Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений" [2]. Несмотря на абстрактный характер, оговорка является экстраординарным основанием для отказа в признании и приведении в исполнение иностранных решений, к которому суды должны прибегать лишь в исключительных случаях при наличии веских оснований и очевидном противоречии результатов иностранного правосудия основам национального правопорядка.

Давая оценку последствий исполнения иностранного судебного или арбитражного решения для российского публичного порядка, суд не должен пересматривать состоявшееся решение по существу и исследовать вопросы квалификации отношений, наличия или отсутствия правоотношений между сторонами, условий ответственности, правильность толкования и применения

правовых норм, поскольку это допустимо на стадии обжалования решения в судах страны места его вынесения. Однако сторона, против которой решение вынесено, не лишена возможности заявить о наличии признаков противоречия публичному порядку и представить доказательства, подтверждающие эти нарушения. Неверная оценка доказательств по делу или неправильное применение правовых норм судом или международным коммерческим арбитражем, ошибочные выводы по вопросу факта или права не образуют нарушения публичного порядка и не являются основанием для отказа в приведении решения в исполнение.

В правоприменительной практике российских судов обнаруживаются различные факторы, оказывающие влияние на оценку иностранных решений с точки зрения их соответствия российскому публичному порядку. В качестве основания для отказа в признании и приведении в исполнение арбитражных решений рассматривались лишение права выбора арбитра в нарушение применимых правил арбитража [4]; нарушение принципа независимости и беспристрастности арбитров [7]; вынесение решения составом арбитров в нарушение арбитражной оговорки [8]; нарушение принципа равноправия спорящих сторон, состязательности процесса, беспристрастности рассмотрения конфликта, справедливости выносимого решения [3]; нарушение принципа мирного (досудебного) разрешения споров [5] и проч.

Обозначенные процессуальные принципы рассмотрения гражданских дел составляют основу публичного порядка Российской Федерации, и их несоблюдение, безусловно, должно выявляться при решении вопроса о выдаче экзекватуры.

Библиографический список

1. Международное частное право / под ред. проф. Г. К. Дмитриевой. М.: ТК Велби: Проспект, 2003.
2. Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений: Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 26.02.2013 № 156 // Вестник ВАС РФ. 2013. № 5.
3. Определение Арбитражного суда города Москвы от 15.04.2016 по делу № А40-99932/2015. Доступ из СПС "КонсультантПлюс".
4. Определение Арбитражного суда Калининградской области от 25.06.2018 по делу № А21-4708/2018. Доступ из СПС "КонсультантПлюс".
5. Определение Арбитражного суда Республики Марий Эл от 15.06.2017 по делу № А38-2183/2017. Доступ из СПС "КонсультантПлюс".
6. Павлова Н. В. Оговорка о публичном порядке как судебный эксклюзив и предел вежливости конкретной нации. Комментарий к Обзору практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке // Вестник ВАС РФ. 2013. № 7. С. 162—173.
7. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 03.02.2016 по делу № А40-102676/15. Доступ из СПС "КонсультантПлюс".
8. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 24.05.2017 по делу № А40-230545/2016. Доступ из СПС "КонсультантПлюс".
9. Признание и приведение в исполнение иностранных арбитражных решений в России и странах бывшего СССР / Т. Д. Аиткулов, Р. Э. Акрамов, М. А. Акчурина и др.; под ред. Р. О. Зыкова. М.: Арбитражная Ассоциация, 2019. 999 с.

УДК 343.139
ББК 67.410.2

С. Е. Ковалев

РЕАЛИЗАЦИЯ ПОЛОЖЕНИЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ КОНВЕНЦИИ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ОСНОВНЫХ СВОБОД В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье дается краткий анализ некоторым положениям Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, которые нашли свое отражение в нормах-принципах уголовно-процессуального права Российской Федерации. Автор критикует содержание отдельных принципов российского уголовного судопроизводства, которые не в полной мере соответствуют букве и духу международных стандартов правосудия.

Ключевые слова: Европейская конвенция. Принципы уголовного судопроизводства. Права обвиняемого. Справедливое судебное разбирательство.

S. E. Kovalev

IMPLEMENTATION OF PROVISIONS OF THE EUROPEAN CONVENTION ON THE PROTECTION OF HUMAN RIGHTS AND FUNDAMENTAL FREEDOMS IN THE CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION OF RUSSIAN FEDERATION

The article provides a brief analysis of some provisions of the European Convention for the protection of human rights and fundamental freedoms, which are reflected in the norms and principles of criminal procedure law of the Russian Federation. The author criticizes the content of certain principles of Russian criminal procedure that do not fully correspond to the letter and spirit of international standards of justice.

Key words: European Convention. Principles of criminal proceedings. Rights of the accused. Fair trial.

28 февраля 1996 года Российская Федерация стала государством-членом Совета Европы, а 30 марта 1998 года ратифицировала Европейскую Конвенцию о защите прав человека и основных свобод (далее Европейская Конвенция) [1]. С принятием новой Конституции [2], Российская Федерация сделала первый шаг на пути признания основных принципов и норм беспристрастного суда, установленных международным сообществом. Став членом Совета Европы, Российская Федерация взяла на себя обязательства по приведению национального законодательства в соответствие с положениями Конвенции и обеспечению всех элементов процедуры беспристрастного суда в своем судопроизводстве.

Постепенно положения Европейской Конвенции стали внедряться в структуру уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации. Первоначально в УПК РСФСР [11], посредством толкований действующих норм Конституционным Судом РФ, а затем в первоначальный текст УПК РФ [10], и последующими изменениями.

По мнению О. В. Кузьминой, необходимость приведения российского законодательства в соответствие с общепризнанными принципами и нормами

© Ковалев С. Е., 2021

международного права предполагает, прежде всего, максимально полное уяснение их подлинного смысла и содержания, которое могло быть выявлено только с помощью анализа решений международных юрисдикционных органов, применяющих и толкующих соответствующие принципы и нормы. А во вторых — соотнесение их с конституционными нормами, поскольку согласно ч. 1 ст. 15 Конституции РФ ее положения в российской правовой системе имеют высшую юридическую силу. Адекватное толкование Конституции РФ, в том числе в части положений, касающихся правосудия по уголовным делам, для разработчиков проекта УПК РФ и законодателей оказалось задачей непростою в силу различных точек зрения по многим принципиальным вопросам, которые в Конституции РФ урегулированы достаточно общим образом [3].

В основном положения Европейской Конвенции нашли свое отражение в принципах уголовного судопроизводства, закрепленных в гл. 2 УПК РФ. Здесь мы рассмотрим только несколько принципов, имеющих важное значение для реализации права любого человека на справедливое судебное разбирательство и эффективное средство правовой защиты.

Одним из таких принципов является: «Обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту», закрепленного в ст. 16 УПК РФ.

В соответствии со ст. 6 Европейской Конвенции, каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет как минимум следующие права: ... с) защищать себя лично или через посредство *выбранного им самим защитника* или, при недостатке у него средств для оплаты услуг защитника, пользоваться услугами назначенного ему защитника бесплатно, когда того требуют интересы правосудия. А в соответствии со ст. 13, каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на *эффективное средство правовой защиты* в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве.

Основной идеей этих положений является то, что обвиняемый в совершении уголовного преступления волен сам определять какие средства защиты от обвинения являются для него более эффективными. Он может защищать себя самостоятельно, не имея никакой юридической подготовки, либо посредством выбранного им самим *защитника*. Мы считаем, что это базовое право обвиняемого, которое позволяет ему использовать законные средства защиты. Это право исключает навязывание средств защиты со стороны государства, которое его обвиняет в публичном и частно-публичном производстве.

Мы считаем, что положения ст. 6 Конвенции только частично были реализованы в ч. 2 ст. 49 УПК РФ, где закреплено, что в качестве защитника участвуют адвокаты. А иные лица могут быть допущены в качестве защитника наряду с адвокатом по решению суда и только в мировом суде вместо адвоката. Эта норма УПК РФ по сути является дискриминационной по отношению к обвиняемому, который ограничивается в выборе законных и эффективных средств защиты. Монопольное право адвокатов осуществлять защиту по уголовным делам и ограничение государством обвиняемого в праве выбора защитника по своему усмотрению, не соответствует ни букве, ни духу, указанной нормы Европейской Конвенции.

Конституционный Суд Российской Федерации, проверив по жалобам ряда граждан конституционность ч. 4 ст. 47 УПК РСФСР, признал положение этой нормы, не противоречащим Конституции РФ [4]. Проверяемая норма УПК РСФСР устанавливала перечень лиц, допускаемых в качестве защитника на стадии предварительного расследования. Это адвокаты и представители общественных организаций, а согласно части 2 ст. 49 УПК РФ, только адвокаты.

Все остальные лица могут быть допущены в качестве защитника по определению или постановлению суда. В соответствии с толкованием Пленума Верховного Суда РФ, решение федерального суда о допуске иных лиц, в качестве защитника, означает их допуск, только в рамках судебного разбирательства [6].

На наш взгляд, право каждого пользоваться помощью защитника не может рассматриваться, как наличие у него обязанности обращаться за оказанием помощи только к членам коллегии адвокатов. Отсутствие такой обязанности подтверждается предоставлением возможности лицу вообще отказаться от помощи защитника и самостоятельно осуществлять свою защиту, не обладая юридическими компетенциями.

В период действия УПК РСФСР не был решен вопрос о том, с какого момента защитник допускается к участию в уголовном деле. Теперь этот вопрос формально решен.

В России появилось отечественное «Правило Миранды» — норма, предписанная решением Конституционного Суда Российской Федерации. По мнению высшего суда, защитник допускается к участию в уголовном деле до момента предъявления обвинения или объявления подозреваемому протокола задержания, т. е. во всех случаях, когда его права и свободы могут быть существенно затронуты действиями и мерами, связанными с уголовным преследованием. При этом Конституционный Суд особо подчеркнул, что правом пользования помощью защитника на досудебных стадиях имеет каждый, когда его права и свободы могут быть существенно ограничены. Это значит, что защитник допускается для оказания правовой помощи любому человеку, не зависимо от его процессуального статуса и даже до возбуждения уголовного дела [7].

Уголовно-процессуальный кодекс РФ в ч. 3 ст. 49 определяет начальный, но не окончательный момент осуществления обвиняемым права пользоваться защитником. Данное право должно обеспечиваться обвиняемому на всех стадиях уголовного процесса, в том числе при производстве в кассационной, надзорной инстанции и при исполнении приговора. При этом возникает вопрос, до какого момента и в какой стадии можно пользоваться помощью адвоката бесплатно?

Конституционный Суд Российской Федерации дает ответ на этот вопрос. По просьбе осужденного суд должен предоставить ему защитника бесплатно для оказания помощи по обжалованию приговора, не вступившего в законную силу. Таким образом, окончательным моментом реализации указанного права, является окончание производства в суде апелляционной инстанции [9].

Еще один принцип уголовного судопроизводства, вытекающий из положений Европейской Конвенции, получил свою реализацию в российском уголовно-процессуальном законе. Хотя и с запозданием, УПК РФ в 2010 году был дополнен статьей 6.1 «Разумный срок уголовного судопроизводства» [5].

В ч. 1 ст. 6 Европейской Конвенции закреплено, что каждый в случае предъявления ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела *в разумный срок* независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. Это положение позднее было конкретизировано в статье 14 Международного Пакта о гражданских и политических правах, где право обвиняемого на рассмотрение его дела судом без неоправданной задержки перечислено в ряду минимальных гарантий справедливого правосудия [4].

По нашему мнению, это право обвиняемого вызывает необходимость закрепления обязанности государства в лице следователя, который в случае необоснованного затягивания расследования должен либо немедленно направить

дело в суд через прокурора, либо прекратить уголовное преследование в отношении этого обвиняемого за непричастностью к совершению преступления, по причине недостаточной совокупности собранных доказательств.

Действующая норма в ст. 6.1 УПК РФ, такую обязанность для следствия и суда не предусматривает. Это существенным образом ограничивает право обвиняемого быть судимым без неоправданной задержки. А также, право подсудимого на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок.

И. Я. Фойницкий отмечал, что «как характер и содержание уголовного процесса зависит от положения личности в государстве, так и построение уголовного процесса оказывает глубокое влияние на права и положение личности в государстве» [12, с. 10—11].

Международно-правовые документы в области защиты прав человека и гражданина, содержат в себе наиболее концептуальные положения, определяющие правовой статус личности, охватывают ключевые вопросы уголовного правосудия и являются одним из элементов международно-правового механизма защиты прав участников уголовного судопроизводства. Реализация положений международных стандартов и принципов в национальном законодательстве служит средством защиты прав и свобод человека и гражданина. Эта проблема в современном мире остается одной из наиболее актуальной.

Библиографический список

1. Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод. (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) (вместе с "Протоколом [№ 1]" (Подписан в г. Париже 20.03.1952), "Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней" (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), "Протоколом № 7" (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984) // СЗ РФ. 08.01.2001. № 2. Ст. 163.
2. Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://publication.pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.08.2020).
3. Кузьмина О. В. Соотношение международного и национального правового регулирования состязательности уголовного судопроизводства в российской федерации // Конституционно-правовые проблемы уголовного права и процесса: материалы Международной научной конференции. Санкт-Петербург, 30—31 октября 2009 г. URL: <https://www.iaaj.net/node/236>. (дата обращения: 26.11.2020).
4. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12.
5. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок": федеральный закон от 30.04.2010 № 69-ФЗ (ред. от 08.03.2015) // СЗ РФ. 03.05.2010. № 18. Ст. 2145.
6. О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29 // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. 2015. № 3.
7. По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова: Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 № 11-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2000. № 5.
8. По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 47 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан Б. В. Антипова,

- Р. Л. Гитиса и С. В. Абрамова: Постановление Конституционного Суда РФ № 2-П от 28.01.97 г. // Вестник Конституционного Суда РФ. 1997. № 1.
9. По жалобе гражданки Муртазиной Л. Д. на нарушение ее конституционных прав положениями частей второй и пятой статьи 50 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ № 257-О-П от 8.02.07 // Вестник Конституционного Суда РФ. 2007. № 4.
10. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.10.2020) // СЗ РФ. 24.12.2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921; СЗ РФ. 02.11.2020. № 44. Ст. 6894.
11. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 29.12.2001, с изм. от 26.11.2002) (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.07.2002) (утр. силу) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.
12. *Фойницкий И. Я.* Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1912. Т. 1. 579 с.

УДК 343.265.2
ББК 67.408.032

И. Б. Степанова, О. В. Соколова

УСЛОВНО-ДОСРОЧНОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ: ВОПРОСЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

На основе анализа действующего уголовного законодательства авторами статьи выявлены недостатки и пробелы нормативного регулирования условно-досрочного освобождения от отбывания наказания. Показаны неоднозначные подходы к решению вопросов условно-досрочного освобождения в судебной практике. Предложена авторская позиция по ряду дискуссионных вопросов применения статьи 79 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также ее законодательной регламентации.

Ключевые слова: условно-досрочное освобождение, освобождение от наказания, условия освобождения от отбывания наказания, практика применения ст. 79 УК РФ.

I. B. Stepanova, O. V. Sokolova

CONDITIONALLY-EARLY RELEASE FROM PUNISHMENT: ISSUES OF LEGISLATIVE REGULATION AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE

On the basis of an analysis of the current criminal legislation, the authors of the article identified the shortcomings and gaps in the normative regulation of conditionally-early release from punishment. The controversial approaches to resolving the issues of conditionally-early release in judicial practice are shown. The authors propose their position on a number of discussion questions of the legislative regulation and application of Article 79 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Key words: parole, release from punishment, conditions of release from serving sentence, the practice of the application of Article 79 of the Criminal Code of the Russian Federation.

© Степанова И. Б., Соколова О. В., 2021

Анализ официальных статистических данных о состоянии преступности в Российской Федерации свидетельствует о неблагоприятных тенденциях в динамике рецидивной преступности. В 2020 году 59,8 % преступлений было совершено лицами, имеющими криминальное прошлое, в том числе, 33,4 % — ранее судимыми. Рецидивная преступность является «ядром» современной преступности, так как речь идет о тех субъектах, которые упорно противопоставляют себя обществу, правопорядку и вовлекают в совершение преступлений новых лиц. Можно констатировать, что данный вид преступности представляет серьезную угрозу национальной безопасности Российской Федерации.

Одним из обстоятельств, способствующих совершению рецидивных преступлений, является преждевременное и необоснованное условно-досрочное освобождение от отбывания наказания лиц, не вставших на путь исправления. В этой связи государство уделяет особое внимание выработке мероприятий, направленных на снижение постпенитенциарного рецидива, в том числе посредством совершенствования института условно-досрочного освобождения, одного из самых распространенных видов освобождения от уголовного наказания.

В последние годы наблюдается уменьшение количества ходатайств об условно-досрочном освобождении (далее — УДО). Так, если в 2016 году судами было рассмотрено 122552 ходатайства об УДО, то в 2019 году — на 24 % меньше (92545) [14]. На наш взгляд, это является закономерным следствием уменьшения количества осужденных в Российской Федерации и ни в коей мере не умаляет важности данного института. Условно-досрочное освобождение активно применяется судами, доля удовлетворенных ходатайств имеет небольшую тенденцию к росту (с 45 % в 2016 году до 49 % в 2019 году). Кроме того, как справедливо отмечают А. И. Дроздов, А. В. Орлов, «ни один другой аспект исполнения уголовных наказаний не вызывает столь живого интереса у осужденных к лишению свободы и сотрудников уголовно-исполнительной системы» [7].

Законодатель уделяет пристальное внимание регламентации данного института. В целях повышения его эффективности за последние десять лет было принято десять федеральных законов, вносящих изменения в статью 79 УК РФ. Однако отдельные нормативные положения, на наш взгляд, не бесспорны, не вполне удачны и совершенны.

Федеральный закон от 17.06.2019 № 146-ФЗ скорректировал понятие преступлений средней тяжести и тяжких. Реформируя категории преступлений, законодатель не достаточно продумал, как данные новеллы отразятся на содержании формального основания условно-досрочного освобождения. Согласно п. «а» ч. 3 ст. 79 УК РФ условно-досрочное освобождение от наказания, назначенного за преступление средней тяжести, возможно только после фактического отбытия осужденным не менее одной трети срока наказания. С учетом того, что максимальный срок наказания за умышленные и неосторожные преступления, относящиеся к категории средней тяжести, согласно новой редакции ч. 3 ст. 15 УК, различается в два раза (для умышленных преступлений — 5 лет, для неосторожных — 10 лет), то фактический срок наказания за неосторожные преступления, отбытие которого необходимо для обращения с ходатайством об УДО, также может быть в два раза больше, чем для умышленных. На наш взгляд, такое положение не соответствует принципу справедливости, поскольку степень общественной опасности преступлений идентична, они отнесены законодателем к одной категории. Возможно,

следовало бы в части 3 статьи 79 УК РФ дифференцировать правило об определении срока наказания, необходимого для УДО, в зависимости от формы вины.

Регламентируя условия УДО, законодатель указал минимальный срок (шесть месяцев), без отбытия которого невозможно условно-досрочное освобождение, лишь для одного вида наказания — лишения свободы. Применительно к принудительным работам и к содержанию в дисциплинарной воинской части этот вопрос законодательно не решен. Поэтому правоприменитель при определении минимального срока руководствуется только категорией преступления и правилами ч. 3 ст. 79 УК РФ [5]. Однако такой подход может привести к тому, что при назначении принудительных работ на небольшой срок, например, 3 месяца [13], осужденный получит право обратиться в суд по вопросу условно-досрочного освобождения после месяца пребывания в исправительном центре. На наш взгляд, по истечении столь короткого времени суду будет сложно сделать вывод о том, встал ли осужденный на путь исправления. Даже для законопослушных граждан срок испытания при приеме на работу, как правило, составляет три месяца.

И. Л. Зиновьев предлагает установить для принудительных работ такой же минимальный срок фактически отбытого наказания, по истечении которого может быть применено УДО, как и для лишения свободы (шесть месяцев) [8, с. 175]. С такой позицией трудно согласиться, поскольку принудительные работы являются более мягким видом наказания. На наш взгляд, оптимальная продолжительность минимального срока для условно-досрочного освобождения от принудительных работ может составлять три месяца.

Также следует дополнить ч. 4¹ ст. 79 УК РФ указанием на то, что при рассмотрении ходатайства осужденного об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания «суд учитывает заключение администрации учреждения или органа, исполняющего наказание», а не только «исправительного учреждения», как это звучит в современной редакции данной уголовно-правовой нормы. Ныне действующее законодательство не требует учитывать мнение администрации исправительного центра и командования дисциплинарной воинской части при рассмотрении вопроса об УДО, что, на наш взгляд, является пробелом.

Несмотря на наличие постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.04.2009 № 8 (ред. от 17.11.2015) «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» [9], многочисленные обзоры судебной практики о применении ст. 79 УК РФ, однозначный подход по ряду вопросов УДО правоприменителем не выработан.

В судебной практике осужденному нередко отказывают в условно-досрочном освобождении, ссылаясь, в том числе, на характер общественной опасности совершенного им преступления. Чаще всего такая позиция встречается в отношении преступлений коррупционной направленности.

Так, например, Астраханский областной суд в апелляционном постановлении признал обоснованным отказ суда первой инстанции в условно-досрочном освобождении в связи с тем, что осужденный отбывает наказание за совершение особо тяжкого преступления против государственной власти, коррупционной направленности [1]. Аналогичную позицию можно встретить в решениях судов других регионов [11, 12].

Данный подход противоречит разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ, который в п. 6 постановления от 21.04.2009 № 8 указал, что «характер

и степень общественной опасности совершенного осужденным преступления, в том числе его тяжесть и последствия, не могут являться основаниями для отказа в удовлетворении ходатайства или представления, поскольку они служат критериями для установления сроков, указанных в статьях 79, 80 и 93 УК РФ, а также учтены судом в приговоре при назначении наказания осужденному».

Заметим, что подобного рода ошибок суды, как правило, не допускают при решении вопроса об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания за иные преступления. Например, осужденный за убийство и изнасилование М. обратился с ходатайством об условно-досрочном освобождении. Администрация исправительной колонии, а также прокурор возражали против удовлетворения данного ходатайства, мотивируя тем, что М. совершил преступление сексуального характера, имеющее большой общественный резонанс. Суд счел данную позицию не основанной на законе, указав, что характер и степень общественной опасности деяния не могут препятствовать условно-досрочному освобождению [10].

Полагаем, что противоречивый подход к решению вопроса об УДО по разным категориям дел обусловлен, прежде всего, политическими соображениями (влиянием антикоррупционной политики), что является неприемлемым, так как ставит осужденных за различные преступления в неравные условия.

Ошибочной представляется позиция тех судов, которые отказывают в условно-досрочном освобождении, ссылаясь на небольшой срок отбывания наказания после провозглашения приговора суда и недостаточность времени для определения степени исправления осужденного.

Например, К., осужденный за совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 290 УК РФ, к наказанию в виде лишения свободы на срок 2 года, после отбытия половины срока (1 год 26 дней) обратился в Серпуховской городской суд Московской области с ходатайством о его условно-досрочном освобождении. Отказ в удовлетворении ходатайства суд мотивировал тем, что «за короткий период времени личность осужденного администрацией учреждения недостаточно изучена» [4].

На наш взгляд, подобные решения не соответствуют букве закона. Согласно ч. 4 ст. 79 УК РФ минимальный фактически отбытый осужденным срок лишения свободы составляет шесть месяцев. Указанный в законе минимальный предел реального отбывания наказания не может корректироваться судом. По мнению законодателя, шестимесячный срок является достаточным для изучения личности осужденного и определения степени его исправления.

В соответствии с ч. 4¹ ст. 79 УК РФ при решении вопроса об условно-досрочном освобождении суд в числе прочего должен учитывать «и то, что осужденный частично или полностью возместил причиненный ущерб или иным образом загладил вред, причиненный в результате преступления».

Столь неопределенная формулировка закона приводит к различным решениям в правоприменительной практике. Например, Московский городской суд отказал в удовлетворении ходатайства об условно-досрочном освобождении осужденному лишь на основании того, что им была возмещена незначительная часть ущерба (исковые требования потерпевших в размере, превышающем 1 млн руб., погашены лишь на сумму около 75 тыс. руб.) [3]. Подобные ситуации в практике применения УДО встречаются нередко. Иногда осужденный работает в исправительном учреждении, осуществляет возмещение причиненного ущерба, в том числе и в добровольном порядке, но при этом ему удается погасить лишь 5—10 % от исковых требований, в связи

с чем суд отказывает ему в удовлетворении ходатайства об условно-досрочном освобождении. В цитируемом выше постановлении, мотивируя отказ в УДО, суд отметил, что цель восстановления социальной справедливости не была достигнута, так как потерпевшему не был возмещен причиненный преступлением ущерб: «...по отношению к потерпевшим социальная справедливость восстанавливается путем защиты их законных интересов и прав, нарушенных преступлением, в связи с чем, реализуя эту цель, наказание должно обеспечить возможность возмещения причиненного вреда».

Противоположное решение было принято Ленинградским областным судом. Несмотря на мнение потерпевших, которые считали отчисляемые осужденным из заработной платы денежные средства непропорциональными и ничтожными относительно причиненного ущерба (2 млн рублей), суд принял решение об удовлетворении ходатайства об УДО, так как осужденным принимались все возможные меры к возмещению вреда, однако в силу объективных причин он был возмещен лишь в незначительном размере [2]. Именно данная позиция соответствует содержанию абзаца 2 пункта 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.04.2009 № 8 (в ред. от 17.11.2015).

По мнению А. И. Дроздова и А. В. Орлова, использование в ст. 79 УК термина «частичное возмещение ущерба» без установления хотя бы самых общих критериев его расчета является серьезным нарушением правил законодательной техники. Авторы полагают, что данное положение закона необходимо конкретизировать. В качестве возможного варианта решения проблемы они ссылаются на сложившуюся в ряде регионов Российской Федерации практику толкования «частичного возмещения ущерба» как возмещения осужденным не менее половины размера причиненного вреда [7].

С подобным толкованием согласиться нельзя. В настоящее время по делам о преступлениях экономической и коррупционной направленности ущерб нередко исчисляется сотнями миллионов рублей. Требование о возмещении половины причиненного ущерба приведет к тому, что осужденные за данные преступления никогда не смогут реализовать право на условно-досрочное освобождение. Заработная плата осужденных в исправительных учреждениях крайне мала, а иногда вообще отсутствуют необходимые условия для трудоустройства. На наш взгляд, не следует устанавливать какие бы то ни было правила расчета возмещенного ущерба; необходимо обращать внимание лишь на то, использовал ли осужденный все имеющиеся у него возможности для возмещения вреда.

Обозначенные выше проблемы свидетельствуют об отсутствии единой практики применения судами положений об условно-досрочном освобождении и требуют своего скорейшего разрешения.

Библиографический список

1. Апелляционное постановление Астраханского областного суда от 03.09.2020 № 22-2103/2020. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Апелляционное постановление Ленинградского областного суда от 26.06.2020 № 22-1048/2020. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Апелляционное постановление Московского городского суда от 28.09.2016 № 10-15340/2016. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Апелляционное постановление Московского областного суда от 07.02.2017 № 22-817/2017. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. Апелляционное постановление Тульского областного суда от 20.01.2020 по делу № 22-54/2020. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

6. Дроздов А. И., Орлов А. В. Актуальные проблемы условно-досрочного освобождения от отбывания наказания // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 1. С. 158—165.
7. Дроздов А. И., Орлов А. В. Условно-досрочное освобождение: уголовно-правовые и уголовно-исполнительные аспекты // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 12. С. 141—147. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
8. Зиновьев И. Л. Уголовное наказание в виде принудительных работ: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 243 с.
9. О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.04.2009 № 8 (ред. от 17.11.2015) // Рос. газета. 2009. 29 апр. № 75; 2015. 30 нояб. № 270.
10. Постановление Октябрьского районного суда г. Тамбова от 19 марта 2018 г. об условно-досрочном освобождении. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 22.02.2021).
11. Постановление Президиума Брянского областного суда от 16.01.2019 № 44У-1/2019. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
12. Постановление Президиума Брянского областного суда от 27.02.2019 № 44У-4/2019. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
13. Приговор Невского районного суда города Санкт-Петербурга от 14.08.2019 по делу № 1-586/2019. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
14. Уголовное судопроизводство. Рассмотрение ходатайств при следственных действиях. Судебная статистика РФ // Агентство правовой информации. URL: <http://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/15/s/13> (дата обращения: 22.02.2021).

УДК 347.9

ББК 67.410.103

А. Д. Исаева

СУДЕБНОЕ ПРИМИРЕНИЕ КАК АЛЬТЕРНАТИВА РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ

В статье рассматриваются новая для российского законодательства альтернативная форма разрешения споров — судебное примирение. Анализируется понятие, цели, задачи, принципы, порядок проведения процедуры. Отдельное внимание уделяется зарубежному опыту использования примирения.

Ключевые слова: примирение, судебное примирение, альтернативная процедура, спор, примиритель, суд.

А. D. Isaeva

JUDICIAL RECONCILIATION AS AN ALTERNATIVE TO DISPUTE RESOLUTION

The article considers an alternative form of dispute resolution, which is new for Russian legislation — judicial reconciliation. The concept, goals, objectives, principles, and procedure are analyzed. Special attention is paid to the foreign experience of using reconciliation.

Key words: reconciliation, judicial reconciliation, alternative procedure, dispute, conciliator, court.

© Исаева А. Д., 2021

• Серия «Естественные, общественные науки»

Судебная форма защиты остается наиболее распространенным способом защиты нарушенных прав при возникновении конфликтов несмотря на то, что часть 2 статьи 45 Конституции Российской Федерации предоставляет гражданам возможность защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом [6].

На сегодняшний день одной из основных проблем для судебной системы является рост количества дел, поступающих в суды. Большая нагрузка на суд, связанная с количеством рассматриваемых дел, влияет на качество и быстроту разрешения споров. Необходимость решения этой проблемы обусловило развитие такой альтернативной формы разрешения споров как судебное примирение.

Отметим, еще 4 декабря 2008 г. VII Всероссийский съезд судей постановил, что действенной мерой, направленной на повышение эффективности и качества правосудия, является внедрение и развитие примирительных процедур и посредничества (медиации) [9].

Еще в 2008 году на VII Всероссийском съезде судей председатель Высшего арбитражного суда Российской Федерации А. А. Иванов отметил, что активное развитие примирительных процедур «поможет заметно снизить нагрузку на судей, а в ответ получить ощутимое повышение качества их работы» [2].

О необходимости содействовать примирению сторон на стадии судебного разбирательства в целях сокращения количества рассматриваемых судами дел и улучшения качества отправления правосудия было указано еще в Рекомендации Комитета министров Совета Европы № R(86)12 о мерах по недопущению и сокращению чрезмерной рабочей нагрузки на суды, принятой в 1986 году [14]. В качестве одной из основных задач было предложено возложить на судей обязанность добиваться примирения сторон и заключения мирового соглашения по всем соответствующим вопросам на любой стадии судебного разбирательства.

Институт судебного примирения широко используется в различных странах (в частности в США, Канаде, Королевстве Нидерландов, Германии, Республике Беларусь, Словении). Анализируя практику указанных стран российские исследователи приходят к выводу, что проведение примирительных процедур возможно при активном участии суда. Необходимо учитывать, что Российская Федерация также имеет традиции примирения при участии суда — участники споров, рассматриваемых в коммерческих судах России середины XIX — начала XX века, после предложения суда о проведении примирительной процедуры могли выбрать как негосударственного примирителя, так и примирителя из состава данного суда.

В доктрине отмечается, что судебное примирение предназначено для реализации цели разгрузки судов, а также снижения конфликтности, укрепления социальных и деловых связей, становления и развития партнерских отношений, формирования уважительного отношения к закону, а также повышения правосознания и социальной активности за счет доступных и эффективных механизмов урегулирования споров [15].

Происхождение слова «примирение» берет свое начало от глагола «примирять», «примирить» — прекратить ссору или тяжбу, «согласить» обе стороны, подружить [4] или от похожего «мирить» — восстанавливать согласие, мирные отношения между кем-нибудь или заставлять терпимо относиться к кому-нибудь [11].

Впервые слово «примирение» в современном российском праве было использовано в пункте 12 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 31 октября 1996 г. № 13 «О применении

Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в первой инстанции» [8], где было отражено, что арбитражные суды должны содействовать примирению сторон.

В 2004 г. Административный совет УНИДРУА утвердил Принципы международного гражданского процесса, которые были предложены государствам в качестве базы для внутреннего законодательства. Основные идеи, положенные в основу принципов, вытекают из текста ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и практики Европейского Суда по правам человека, касающейся применения данной нормы. Принцип 24 называется «Примирение». В пункте 24.1 принципа указано, что суд при условии соблюдения права сторон на продолжение разбирательства содействует их примирению, когда оно представляется разумно возможным [18].

Исследователи отмечают, что в международных правовых актах, регулирующих деятельность Европейского суда, немалое внимание уделяется институту примирения сторон, выработана прецедентная практика его использования.

Эксперт по альтернативным способам разрешения споров А. Е. Солохин указывает, что «если в официальном переводе Регламента Европейского суда по правам человека встречается только один термин, относящийся к примирению участников производства по делу, — "мировое соглашение", то в двух официальных переводах Конвенции (Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. — А. И.) используются разные термины: «мировое соглашение» и «дружественное урегулирование спора». В английском и французском оригиналах, в частности в ст. 38 и 39 Конвенции, понятию «мировое соглашение» и «дружественное урегулирование спора» эквивалентны английское «friendly agreement» и французское «reglement amiable» соответственно. Если дословно переводить данные термины, то английское «friendly» можно понимать как «дружественный», «agreement» — «соглашение», французское же «reglement amiable» означает «полнобровное соглашение» [16].

Солохин А. Е. отмечает, что в неофициальном русском переводе Конвенции, размещенном на официальном сайте Европейского суда, используется термин «мировое соглашение», в неофициальном немецком переводе Конвенции — «полнобровное соглашение». Успешное проведение процедуры дружественного урегулирования заключается в достижении задач, нашедших отражение в пп. b п. 1 ст. 38 Конвенции. Первая задача состоит в том, что суд предоставляет себя в распоряжение заинтересованных сторон с целью заключения мирового соглашения. Вторая задача вытекает из цели использования мирового соглашения: обеспечение заключения мирового соглашения на основе соблюдения прав человека, признанных в Конвенции и Протоколах к ней [16].

Таким образом, суд не только способствует заключению заявителем и государством-ответчиком мирового соглашения, но и проверяет соблюдение прав человека в процессе его заключения.

В российском гражданском и арбитражном судопроизводствах арбитражный суд принимает меры для примирения сторон, содействует им в урегулировании спора (ч. 1 ст. 138 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ)) либо судья содействует примирению сторон, принимает меры по заключению сторонами мирового соглашения (п. 5 ч. 1 ст. 150 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ)) [1, 3]. На основании ч. 6 ст. 141 АПК РФ арбитражный суд не утверждает мировое соглашение, если оно противоречит закону или нарушает права и законные интересы других лиц [1]. Аналогичное положение содержится в ч. 2 ст. 39 ГПК РФ [3].

Соответственно, если стороны решат использовать примирительные процедуры для достижения мирового соглашения, перед российскими судами, будут стоять те же задачи, что и перед Европейским судом, участники разбирательства в котором заключают мировое соглашение.

В российском законодательстве судебное примирение как форма альтернативного урегулирования споров появилось после принятия Федерального закона от 26.07.2019 № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [7], которым были реформированы отдельные процессуальные кодексы в части использования примирительных процедур. Речь идет о вновь сформулированных статьях следующих процессуальных законов: Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (ст. 138.5) [1], Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (ст. 153.6) [3], Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации (ст. 137.6) [5], которые имеют одинаковое название «Судебное примирение» и содержание данных статей существенно не различается.

Судебное примирение осуществляется только после передачи спора на рассмотрение в суд. Порядок проведения судебного примирения и требования к судебному примирителю устанавливаются Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации [1], Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации [3], Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации [5] и Регламентом, утверждаемым Верховным Судом Российской Федерации [10].

Регламент проведения судебного примирения (далее — Регламент) утвержден Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 2019 года № 41 и в нем конкретизированы задачи, порядок и стадии проведения судебного примирения, а также определены возможные результаты использования указанной примирительной процедуры с их процессуальным закреплением [10]. Цель судебного примирения, определенная Регламентом, — достижение сторонами взаимоприемлемого результата и урегулирования конфликта с учетом интересов сторон, а задачами судебного примирения являются соотнесение и сближение позиций сторон по делу, выявление дополнительных возможностей для урегулирования спора с учетом интересов сторон, оказания им содействия в достижении результата примирения. К принципам процедуры судебного примирения отнесены добровольность, сотрудничество, равноправие сторон, независимость и беспристрастность судебного примирителя, конфиденциальность, добросовестность, раскрыты их содержание.

Статья 17 Регламента устанавливает, что судебное примирение проводится в форме переговоров и может включать в себя следующие стадии [10]:

- открытие судебного примирения (вступительное слово судебного примирителя);
- изложение обстоятельств спора и определение интересов сторон;
- формулирование сторонами вопросов для обсуждения;
- индивидуальная беседа судебного примирителя со сторонами и их представителями;
- выработка сторонами предложений по урегулированию спора и достижению результатов примирения;
- оформление результатов примирения, в том числе заключение мирового соглашения, соглашения о примирении, соглашения по фактическим обстоятельствам, составление отказа от иска, признания иска;
- завершение судебного примирения.

Плешанов А. Г. отмечает, что процедура судебного примирения с организационной точки зрения напрямую связана с судом в отличие от процедур переговоров и посредничества, в том числе медиации, которые предполагают полную организационную автономию от суда как в части определения кандидатур посредника, так и порядка проведения [12]. Судебное примирение интегрировано в судебный процесс, в рамках которого содействие примирению осуществляет специальный субъект — судебный примиритель.

Таким образом, законодатель в процессе ориентирует спорящие стороны на мирное разрешение конфликта без вынесения судом решения.

Отвечая на вопрос «какой же вариант — разрешение судом спора или примирение сторон — является наиболее целесообразным?», Полуяктов А. делает вывод, что для государства и общества, без сомнения, окончить дело миром лучше, чем путем вынесения судебного решения. Для сторон конфликта в абсолютном большинстве случаев также мирный способ предпочтителен. Примирение сторон в процессе имеет множество положительных аспектов по сравнению с вынесением судебного решения. Но, несмотря на желательность мирного урегулирования юридических споров, каждому лицу должно быть гарантировано право на судебную защиту, закрепленное в ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и в ч. 1 ст. 46 и ч. 2 ст. 47 Конституции РФ. Управомоченному лицу должно быть обеспечено в данном случае право свободного выбора [13].

Рассуждая о плюсах и минусах рассматриваемой примирительной процедуры, Сорокин В. П. относит к преимуществам безвозмездность процедуры для сторон (финансирование деятельности судебных примирителей обеспечивается федеральным бюджетом); наличие значительного жизненного и профессионального опыта в разрешении споров у судебного примирителя (таковым выступает судья в отставке); конфиденциальность судебного примирения, что подразумевает наличие у последнего абсолютного свидетельского иммунитета (ч. 5.1 ст. 56 АПК РФ) [17].

Недостатком судебного примирения он называет условность в независимости и беспристрастности судебного примирителя, особенно если он ранее занимал должность судьи в суде, в котором рассматривается соответствующий спор, и, следовательно, мог находиться в трудовых или иных правоотношениях с составом суда, рассматривающим спор по существу [17].

Согласимся, что рассуждать об эффективности судебного примирения как альтернативной формы разрешения споров пока рано ввиду небольшого срока существования указанной процедуры и минимальной практики ее применения, но расширение круга альтернативных форм разрешения споров является для российского законодателя обоснованным и важным этапом на пути реализации снижения нагрузки на суды.

Библиографический список

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // <http://pravo.gov.ru>
2. Выступление Председателя Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации Иванова А. А. URL: <http://www.ssrf.ru/siezd-sudiei/847> (дата обращения: 18.02.2021).

3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 08.12.2020, с изм. от 02.03.2021) // <http://pravo.gov.ru>
4. *Даль В. И.* Словарь живого великорусского языка. URL: <https://gufo.me/dict/dal/> (дата обращения: 18.02.2021).
5. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: федеральный закон от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // <http://pravo.gov.ru>
6. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) (с поправками) // Российская газета. 2020. 4 июля. № 144.
7. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 26.07.2019 № 197-ФЗ // <http://pravo.gov.ru>
8. О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в первой инстанции: постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 31 октября 1996 г. № 13 (ред. от 09.07.1997). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
9. О состоянии судебной системы Российской Федерации и приоритетных направлениях ее развития и совершенствования: постановление VII всероссийского съезда судей 04 декабря 2008 г. URL: <http://www.ssrf.ru/siezd-sudiei/847> (дата обращения: 18.02.2021).
10. Об утверждении Регламента проведения судебного примирения: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.2019 № 41 // Российская газета. 2019. 12 ноября. № 254.
11. *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка. URL: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 18.02.2021).
12. *Плешанов А. Г.* Систематизация норм о примирительных процедурах и ее основные параметры (по Федеральному закону от 26 июля 2019 г. № 197-ФЗ) // Вестник гражданского процесса. 2020. № 4. С. 178—199.
13. *Полуяктов А.* Примирение сторон в арбитражном и гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2006. № 5, 6. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
14. Рекомендация № R(86)12 Комитета министров Совета Европы «О мерах по недопущению и сокращению чрезмерной рабочей нагрузки на суды» (принята 16.09.1986 на 399-м заседании представителей министров) // Совет Европы и Россия: сборник документов. М.: Юридическая литература, 2004. С. 684—686. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
15. *Смагина Е. С.* Судебное примирение и судебные примирители в гражданском судопроизводстве: возможные правоприменительные проблемы // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 1. С. 29—34.
16. *Солохин А.* Мировое соглашение как результат примирения заявителя и государства-ответчика в Европейском суде по правам человека // Арбитражный и гражданский процесс. 2009. № 1, 2. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
17. *Сорокин В. П.* Развитие альтернативных форм разрешения экономических споров как актуальное направление в снижении судебной нагрузки на арбитражные суды // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2020. № 2. С. 113—120. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
18. *Толстых В. Л.* Принципы международного гражданского процесса американского института права / УНИДРУА // Арбитражная практика. 2007. № 1.

УДК 341.231.14
ББК 67.911.11

Е. Н. Швед

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ДЕТЕЙ-ИНВАЛИДОВ

В статье приводится обзор основных международных правовых актов, составляющих основу защиты прав детей-инвалидов, рассматриваются проблемы их интеграции в Российское законодательство на конкретном примере введения инклюзивного образования, исследуются основные нарушения прав детей-инвалидов в Российской Федерации.

Ключевые слова: международные правовые акты, защита прав детей-инвалидов, применение принципов международно-правовых основ защиты прав детей-инвалидов в РФ, инклюзивное образование, нарушение конституционного права детей-инвалидов.

E. N. Shved

INTERNATIONAL LEGAL FRAMEWORK FOR THE PROTECTION OF THE RIGHTS OF CHILDREN WITH DISABILITIES

The article provides an overview of the main international legal acts that form the basis for the protection of the rights of children with disabilities, examines the problems of their integration into Russian legislation on the specific example of the introduction of inclusive education, examines the main violations of the rights of children with disabilities in the Russian Federation.

Key words: international legal acts, protection of the rights of disabled children, application of the principles of the international legal framework for the protection of the rights of disabled children in the Russian Federation, inclusive education, violation of the constitutional right of disabled children.

Согласно статистическим данным ВОЗ, ЮНЕСКО, ЮНИСЕФ, инвалидизация детей и подростков связана с рисками и угрозами для жизни, их психологического и физического благополучия. По данным ЮНИСЕФ, 30 процентов детей улиц являются инвалидами. Смертность среди детей-инвалидов может достигать 60 процентов в странах, в которых коэффициент смертности детей в возрасте до пяти лет составляет в целом не более 20 процентов. Эти сведения приводятся Департаментом международного развития Соединенного Королевства. Также отмечается, что в некоторых случаях создается впечатление, что дети уничтожаются «как сорняки». Исследования показывают, что случаи насилия над детьми-инвалидами в течение года происходят в 1,7 раз чаще по сравнению с их сверстниками, которые не являются инвалидами. По данным ЮНЕСКО 90 процентов детей-инвалидов в развивающихся странах не посещают школу [1].

Мировым сообществом принимается ряд международных актов, гарантирующих всем категориям населения равные права. «Всеобщая декларация прав человека» содержат положения о защите от любых форм дискриминации, о праве на жизнь в достойных условиях и «на обеспечение в случае безработицы, болезни, инвалидности, вдовства, наступления старости или иного случая утраты средств к существованию по независящим от него обстоятельствам» [2].

© Швед Е. Н., 2021

• Серия «Естественные, общественные науки»

Тем не менее, особенности правового статуса детей-инвалидов требовали принятия отдельных международных актов, регулирующих их права, свободы и законные интересы. Так, ст. 23 «Конвенции ООН о правах ребенка» закрепляет права ребенка, неполноценного в умственном или физическом отношении, «на полноценную и достойную жизнь в условиях, которые обеспечивают его достоинство, способствуют его уверенности в себе и облегчают его активное участие в жизни общества» [3].

Необходимыми международными актами для законодательного обеспечения прав детей-инвалидов стали такие документы, как Декларация о правах инвалидов (утв. Резолюцией тринадцатой сессии Генеральной Ассамблеи ООН 3447(XXX) от 9 декабря 1975 г.), «Декларация о правах умственно отсталых лиц», «Европейская конвенция о социальном обеспечении», «Европейская конвенция о социальной медицинской помощи», «Всемирная декларация по обеспечению выживания, защиты и развития детей» и др. [10]. И это далеко не исчерпывающий список подобных нормативных правовых актов.

Необходимо обратить внимание на существование (кроме уже вышперечисленных) следующих международных правовых актов, защищающих права детей-инвалидов на социальное обеспечение, как непосредственно в прямом, так и в косвенном направлении. Итак, это: Конвенция о правах инвалидов (от 13 декабря 2006 г.), Конвенция ООН о правах ребенка (Нью-Йорк, 20 ноября 1989 г.), Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 20 декабря 1993 г. № 48/96 «Стандартные правила обеспечения равных возможностей для инвалидов», Всемирная декларация об обеспечении выживания, защиты и развития детей (Нью-Йорк, 30 сентября 1990 г.) и др. Кроме того, права детей-инвалидов являются предметом деятельности ООН, ЕС, ЮНЕСКО, ЮНИСЕФ и др., и у этих организаций также имеется множество нормативных правовых актов и программ в данной области различной направленности. Это и «Международная сеть женщин (девочек)-инвалидов» (программа ООН); и «Содействие интеграции детей-инвалидов в школы», и «Поддержка социальной интеграции детей-инвалидов» (программы ЕС); и «Борьба с дискриминацией», «Все дети равны» (программы ЮНИСЕФ) и др.

Необходимым условием для того, чтобы международные акты «работали» на территории нашей страны — это их ратификация Российской Федерацией. Кроме того, как правило, все международные нормативные правовые акты носят декларативный характер. Соответственно, для полноценного внедрения их в правовое поле нашей страны необходима их детальная проработка путем издания подзаконных актов, способствующих их применению в РФ.

Достаточно развернутый ответ на вопрос о том, как применяются принципы международно-правовых основ защиты прав детей-инвалидов в РФ мы можем получить из Специального доклада Уполномоченного по правам человека в РФ от 10 мая 2006 г. «О соблюдении прав детей-инвалидов в Российской Федерации».

Следует отметить, что вопросу защиты прав детей-инвалидов уделяется недостаточно внимания.

Конституция РФ (ч. 4 ст. 15) признает приоритет общепризнанных принципов и норм международного права. Права детей-инвалидов закреплены в Декларации прав ребенка (резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 20.11.59), Конвенции о борьбе с дискриминацией в области образования (принята Генеральной Ассамблеей ООН 14 декабря 1960 г.; ратифицирована Указом Президиума Верховного Совета СССР от 02.07.62 г. № 254-VI),

Декларации о правах инвалидов (резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 09.12.75 г.), Всемирной декларации об обеспечении выживания, защиты и развития детей (резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 30.09.90 г.), Стандартных правилах обеспечения равных возможностей для инвалидов (приняты Генеральной Ассамблеей ООН 20 декабря 1993 г., резолюция 48/96) и др. [9].

Начиная с 90-х годов прошлого века в России было принято более 300 нормативных правовых актов, направленных на защиту интересов детей-инвалидов. После принятия Конституции РФ эти права были закреплены в Семейном кодексе РФ, Основах законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан, а также в Законе РФ от 10.07.92 г. № 3266-1 «Об образовании», в федеральных законах от 24.07.98 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», от 10.12.95 г. № 195-ФЗ «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации», от 17.07.99 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» и др. Особое значение имеет Федеральный закон от 24.11.95 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», определяющий государственную политику, в том числе и в области социальной защиты детей-инвалидов [9].

Но, к сожалению, даже наличие такого количества законодательных актов не гарантирует их надлежащее выполнение органами исполнительной власти. Кроме того, не хватает подзаконных нормативных правовых актов, в которых был бы прописан механизм исполнения самих законов. Это, по мнению Уполномоченного по правам человека, является основной причиной массовых нарушений прав детей-инвалидов.

Ситуация усугубилась с принятием Федерального закона от 22.08.2004 г. № 122-ФЗ "О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее — Федеральный закон № 122-ФЗ). Дети-инвалиды различных регионов России с 1 января 2005 г. были поставлены в неравные условия, что противоречит статье 19 Конституции РФ. Нормы же вновь принятых в связи с этим изменений в Федеральном законе «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», Законе РФ «Об образовании» и других создали дополнительные препятствия для детей-инвалидов и молодых инвалидов к их социальной интеграции. Федеральным законом № 122-ФЗ были сведены на нет начавшиеся было отлаживаться эффективные механизмы обеспечения помощи детям-инвалидам в негосударственном секторе [9].

Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» гарантировал детям-инвалидам право на образование, свободный доступ к жилым зданиям, учреждениям культуры и местам отдыха, спортивным сооружениям, учреждениям образования и здравоохранения, право на реабилитацию, лечение, обеспечение специальными средствами передвижения, санаторно-курортное лечение, право не подвергаться жестокому или унижающему обращению, на получение бесплатной медицинской помощи, на воспитание в семейном окружении, право на жизнь.

Но в целом основные проблемы нарушений прав детей в России, которые поднимались на протяжении последних лет, не решены до настоящего времени. Среди основных причин этого: традиционный приоритет государственной поддержки направления в интернаты детей с нарушениями развития по сравнению с мерами по поддержке семьи (прежде всего родной, затем — приемной и опекунской); неисполнение норм действующего законодательства, связанного с реабилитацией и образованием детей-инвалидов; непроработанность механизмов реализации законов, регламентирующих эту сферу; лишение в результате принятия Федерального закона № 122-ФЗ большинства семей возможности обращаться в негосударственные организации, которые дополняют (а иногда заменяют) государственную инфраструктуру помощи детям.

К сожалению, приходится констатировать, что, несмотря на, казалось бы, значительную законодательную базу, список нарушений прав детей-инвалидов достаточно велик.

О нарушении права детей-инвалидов жить и воспитываться в семье свидетельствуют следующие данные государственной статистики: 29 тыс. детей-инвалидов постоянно живут в домах-интернатах органов социальной защиты, 67 тыс. — в специальных (коррекционных) школах-интернатах органов образования, 5 тыс. — в домах ребенка. Таким образом, 17 % (101 тыс.) детей-инвалидов лишены семейной среды. При этом доля детей-инвалидов с отклонениями в умственном и психическом развитии, постоянно живущих в интернатных учреждениях, достигает 30 % и имеет тенденцию к увеличению. Основная причина этого — неприемлемые социально-экономические условия, в которые поставлены многие семьи с детьми-инвалидами [9].

Рассмотрим на конкретном примере нарушение права детей-инвалидов в сфере образования.

Федеральным законом от 03.05.2012 г. Российская Федерация ратифицировала Конвенцию о правах инвалидов, тем самым приняв на себя обязательство по обеспечению инклюзивного образования для детей-инвалидов согласно требованиям ч. 1 ст. 24 Конвенции.

Инклюзивное образование — обеспечение равного доступа к образованию для всех обучающихся с учетом разнообразия особых образовательных потребностей и индивидуальных возможностей [6].

Постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 297 была утверждена государственная программа Российской Федерации «Доступная среда» на 2011—2015 годы, главные задачи которой — создание условий для социализации детей-инвалидов, их интеграции в среду здоровых сверстников, преодоление общественной изолированности семей с детьми-инвалидами, создание универсальной безбарьерной среды, оснащение общеобразовательных организаций специальным оборудованием и приспособлениями для коррекционной работы и обучения детей-инвалидов. Постановлением Правительства РФ от 29 марта 2019 г. № 363 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Доступная среда"» было принято решение о продлении данной программы до 2025 года [7].

Однако, несмотря на принимаемые государством меры, состояние законности в сфере соблюдения права детей-инвалидов на образование вызывает обоснованное беспокойство. Так, до настоящего времени специальные требования для включения в федеральные государственные стандарты основного и среднего общего образования, направленные на обеспечение реализации права

на образование лиц с ограниченными возможностями здоровья, не разработаны. Длительное непринятие мер по разработке соответствующих документов препятствует созданию для детей специальных условий обучения, организации образовательного процесса и процесса психолого-педагогического сопровождения с учетом их индивидуальных особенностей [8].

Прокуроры повсеместно отмечают острую нехватку квалифицированных педагогов, прошедших подготовку для работы с детьми-инвалидами, ассистентов (помощников), оказывающих обучающимся необходимую техническую помощь, отсутствие в школах пандусов, тактильных указателей и иных приспособлений, необходимых для обеспечения детям-инвалидам беспрепятственного доступа в образовательные организации, литературы для инвалидов, в том числе издаваемой рельефно-точечным шрифтом Брайля [8].

Все это свидетельствует о неготовности образовательных организаций осуществлять полноценное обучение детей-инвалидов. К началу 2016 г. планировалось обеспечить необходимые условия лишь в 20 % от общего количества общеобразовательных организаций, 10 % организаций среднего и высшего профессионального образования, 7 % дошкольных образовательных организаций, 2 % организаций дополнительного образования детей [5].

Учитывая имеющиеся сложности в сфере обеспечения доступности инклюзивного и коррекционного образования, дети-инвалиды, в особенности дети с нарушением опорно-двигательного аппарата, обучение которых часто не требует модификации образовательного процесса, зачастую вынуждены обучаться на дому в изоляции от своих сверстников. При этом результаты прокурорских проверок свидетельствуют о том, что домашнее обучение не всегда организовано должным образом [8]. Это и отсутствие расписаний занятий, учебных планов, образовательных программ для обучающихся на дому детей-инвалидов.

Сохраняются также проблемы, связанные с развитием системы дополнительного образования детей-инвалидов. Существующая сеть общедоступных спортивных и иных секций, кружков, клубов и объединений, работающих по адаптированным программам, не отвечает потребностям детей-инвалидов. Практически во всех субъектах Российской Федерации прокурорами выявлено недостаточное финансирование имеющихся организаций дополнительного образования. Зачастую игнорируются требования закона о создании специальных условий для социально-психологической реабилитации детей с ограниченными возможностями здоровья, детей-инвалидов, имеют место случаи проведения занятий в непригодных для этих целей помещениях. Наблюдается острый дефицит в современном оборудовании и инвентаре, учебных пособиях, компьютерной технике, в обеспечении качественной интернет-связью, особенно для реализации высокотехнологичных программ [4].

Сложившаяся ситуация также осложняется еще и зачастую жестоким отношением к детям-инвалидам их сверстников, вплоть до того, что посещение такими детьми школы может быть для них небезопасным. И далеко не каждый преподаватель может нормализовать такие отношения. Отношение родителей здоровых детей также зачастую бывает неоднозначным. Руководство школ также опасается возникновения «лишних» проблем, которые однозначно появятся при приеме детей-инвалидов на инклюзивное образование.

Рассмотрим, какие нарушения конституционного права детей-инвалидов допускаются органами государственной власти и не только.

В органах государственной власти субъектов Российской Федерации и в органах местного самоуправления прокуроры выявляют следующие наиболее

распространенные нарушения: несоответствие федеральному законодательству действующих региональных и муниципальных нормативных правовых актов, регламентирующих вопросы реализации права детей-инвалидов на образование, неисполнение требований бюджетного законодательства при реализации региональных и муниципальных программ в области реализации права детей-инвалидов на образование (своевременность исполнения запланированных мероприятий, достаточность финансирования данных программ, целевое расходование средств и т. п.). Анализ прокурорской практики позволяет сделать вывод о том, что субъекты Российской Федерации не всегда обладают актуальной информацией о количестве детей-инвалидов, обучающихся по различным образовательным программам, что не позволяет им получить представление о необходимых объемах финансирования мероприятий, направленных на создание условий, обеспечивающих качество и доступность образовательных услуг [8].

В органах социальной защиты прокуроры выявляют факты ненадлежащей координации мероприятий по реализации индивидуальной программы реабилитации ребенка-инвалида, необеспечения детей-инвалидов техническими средствами реабилитации. Наиболее распространенными нарушениями, допускаемыми органами и организациями образования являются: незаконный отказ в приеме на обучение в образовательную организацию, ненадлежащая организация образовательного процесса для детей-инвалидов в общеобразовательных и специальных (коррекционных) школах, ненадлежащая организация обучения ребенка на дому или в медицинской организации (например, отсутствие разработанных учебных планов и образовательных программ, а также расписания занятий), несвоевременная выплата государственной социальной стипендии; несоблюдение права детей-инвалидов, являющихся абитуриентами, на зачисление на бесплатные подготовительные отделения федеральных государственных образовательных организаций высшего образования [8].

Причины указанных нарушений прав детей-инвалидов имеют комплексный характер. В нарушение законодательства органы управления образованием не обеспечили в достаточной степени разработку примерных учебных планов и образовательных программ для детей-инвалидов с выраженными отклонениями в умственном развитии; не созданы также условия для обучения и воспитания детей-инвалидов в образовательных учреждениях. Исполнение законодательства об образовании детей-инвалидов не обеспечивается в целом: в нарушение статьи 4 Федерального конституционного закона от 17.12.97 г. № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» Правительством РФ не организовано исполнение Закона РФ «Об образовании» и Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» в части получения образования детьми-инвалидами [9].

Дети — будущее любой страны. Отношение к детям наряду с отношением к старшему поколению наиболее точно определяет состояние и уровень развития общества. Как признано мировым сообществом и провозглашено Конвенцией ООН о правах ребенка, для защиты прав детей необходимы специальные механизмы. Сегодня стало очевидным, что состояние семьи и детства отражают глубокий кризис организации общества, перекосы в области социальной политики государства. По ряду ключевых показателей положение детей постоянно ухудшается. Особую озабоченность вызывают массовые нарушения конституционных прав детей-инвалидов. Следует подчеркнуть,

что деятельность в этой сфере должностных лиц государственных органов не в полной мере соответствует провозглашаемой политике и Конвенции ООН о правах ребенка [9].

Таким образом, всем нам необходимо по мере своих сил, возможностей, а многим и в силу исполнения своих непосредственных должностных обязанностей, способствовать внедрению в жизнь рекомендаций и предложений по соблюдению и реализации прав и законных интересов детей-инвалидов.

Библиографический список

1. *Ахмеева А. Р.* Законодательное обеспечение прав детей-инвалидов в России: историко-правовой аспект // Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 1. С. 41—43.
2. Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10.12.1948 г. // Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.
3. Конвенция ООН о правах ребенка (принята Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН) от 20.11.1989 г. // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.
4. Концепция развития дополнительного образования детей: распоряжение Правительства Российской Федерации от 04.09.2014 г. № 1726-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 37. Ст. 4983.
5. *Коростелев Б. А., Котова Г. Л., Тер-Григорьянц Р. Г.* Формирование механизма внедрения современной модели школы инклюзивного образования // Инклюзивное образование: результаты, опыт и перспективы: сборник материалов III Международной научно-практической конференции / под ред. С. В. Алехиной. М., 2015. 528 с.
6. Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ (с изм. и доп. от 17.02.2021 г. № 10-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598; Российская газета. 2021. № 36. 19 февраля.
7. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Доступная среда»: постановление Правительства Российской Федерации от 29.03.2019 г. № 363 (с изм. и доп. от 23.12.2020 г. № 2236) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 15 (ч. II, III). Ст. 1746; 2021. № 1 (ч. 1). Ст. 102.
8. *Огурцова М. Л.* Прокурорский надзор за соблюдением прав детей-инвалидов на образование // Адвокат. 2016. № 5. Доступ из СПС «Гарант» (дата обращения: 15.02.2021).
9. Специальный доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации от 10 мая 2006 г. «О соблюдении прав детей-инвалидов в Российской Федерации». Доступ из СПС «Гарант» (дата обращения: 15.02.2021).
10. Фактологический бюллетень ООН по вопросам инвалидов. URL: http://www.un.org/ru/rights/disabilities/background_7.shtml (дата обращения: 11.12.2020).

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ВОЙН И ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ (К 75-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ)

УДК 344.682(091)
ББК 67.410.2-1

О. В. Кузьмина, Е. Л. Поцелуев

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

В статье рассматриваются проблемы формирования уголовно-процессуальной политики страны в конкретный исторический период, а также ее влияние на законодательство и правоприменительную практику.

Ключевые слова: уголовно-процессуальная политика, законность, права человека.

O. V. Kuzmina, E. L. Potseluev

HUMAN RIGHTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR AND POST-WAR PERIOD

The article deals with the problems of the formation of the criminal procedure system in the given historic period as well as its influence on the legislation and law enforcement practice.

Key words: criminal procedure policy, legitimacy, human rights.

Уровень развития общества, социально-экономические и политические факторы в целом определяют тенденции развития уголовного процесса. С изменением общих социальных и экономических ориентиров меняется и политика государства. Формирование уголовно-процессуальной политики должно осуществляться на основе как внутригосударственных (национальных), так и международных стандартов, «под которыми понимаются правовые требования осуществления уголовного судопроизводства, основанные на общепризнанных принципах международного права, закрепленных в международно-правовых нормах (общего характера либо международных договорах, ратифицированных всеми либо большинством государств); судебных решений международных судебных органов, носящих прецедентный характер,

© Кузьмина О. В., Поцелуев Е. Л., 2021

относящихся к сфере регулирования уголовно-процессуальных отношений, а также национальных норм права» [12, с. 464]. В то же время развитие уголовного процесса в каждой стране происходит на собственной исторической основе, но с учетом международно-правового опыта. Наряду с интересами государства значительное место занимают интересы личности, вовлеченной в уголовный процесс. В этой связи одной из ключевых тенденций уголовно-процессуальной политики любого государства является поиск оптимального соотношения публичных и частных интересов, особенно в период вооруженных конфликтов.

Анализируя уголовно-процессуальную политику обозначенного нами исторического этапа, важно учесть также следующие факторы. Во-первых, государство формирует уголовно-процессуальное законодательство каждой страны на конкретном историческом этапе, после чего иногда открыто, а иногда завуалировано корректирует практику его применения [2, с. 15—16]. Во-вторых, власть решает, надо ли на самом деле бороться с преступностью (в том числе с какой-либо конкретной формой ее проявления) или достаточно делать вид, что борется с ней. Таким образом, по отношению к преступности она решает не только публичные (гласные), но и тайные (негласные) вопросы. Власть может публично призывать к борьбе с преступностью, а тайно по разным мотивам запрещать с ней бороться, в связи с чем нормы права не будут претворены в жизнь. Следовательно, власть может оказывать самое непосредственное влияние на состояние преступности, отвечая за ее характеристики и безопасность общества [2, с. 16].

В годы Великой Отечественной войны и непосредственно после нее уголовно-процессуальная политика в СССР формируется и реализуется под строгим контролем и руководством Коммунистической партии: определяются основы этой политики, анализируется деятельность правоохранительных органов, решаются кадровые вопросы этих органов. Важнейшим рычагом осуществления уголовной политики в целом являются органы уголовной юстиции, которые рассматриваются в качестве института уголовно-процессуальной политики.

Формами воплощения уголовно-процессуальной политики в жизнь являются формирование уголовно-процессуального законодательства и практика его реализации. В рассматриваемый исторический период прежде всего, де-юре действовали Конституция СССР 1936 г. и конституции союзных республик, в том числе Конституция РСФСР 1937 г. Союзная Конституция (ст. 102) и республиканская Конституция (ст. 107) предусматривали, что правосудие может осуществляться и «специальными судами СССР, создаваемыми по постановлению Верховного Совета СССР» [15, с. 357, 373]. По утверждению некоторых специалистов, «в соответствии с положениями Конституции СССР 1936 г. правосудие военными трибуналами (а именно они рассматривали в военное время, особенно в 1941—1943 годах, «львиную» долю дел на значительной территории страны. — *О. К., Е. П.*) осуществлялось гласно, на национальном языке, коллективным судом при независимости судей и подчинении их только закону (а можно ли признать положения, утвержденные Президиумом Верховного Совета СССР, законами? — *О. К., Е. П.*) и при обеспечении права обвиняемому на защиту» [10, с. 6]. Право на защиту предполагает и возможность обратиться за помощью к квалифицированному юристу — адвокату. У нас есть серьезные сомнения, что в боевой обстановке, в условиях отступления или наступления, а тем более на передовой,

на военных кораблях это право можно было реализовать, а военные трибуналы на основании действующего законодательства имели возможность рассматривать дела и выносить приговоры очень оперативно. Такое предположение подтверждается высказыванием специалиста по исследуемой проблеме, изучавшего архивные документы периода войны (Архив Военной коллегии Верховного Суда СССР и др.) Г. И. Загорского: «Хотя закон никаких ограничений для участия защитника в уголовном судопроизводстве не устанавливал, юридические консультации в районах военных действий отсутствовали, и лица, привлекаемые к уголовной ответственности, практически не могли воспользоваться правом иметь защитника. Подавляющее большинство уголовных дел рассматривалось военными трибуналами без участия защитника. Это, в соответствии с требованиями закона, исключало поддержание в суде военным прокурором государственного обвинения, что реально ограничивало возможности его в осуществлении прокурорского надзора за правильностью разрешения уголовных дел военными трибуналами и снижало воспитательное воздействие судебного разбирательства» [6, с. 324—325]. Такой процесс, конечно, нельзя назвать состязательным.

Во-вторых, судопроизводство по уголовным делам в интересующий нас период, в том числе в военных трибуналах, регулировалось Основами уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1924 г. и уголовно-процессуальными кодексами союзных республик [10, с. 6], в том числе Уголовно-процессуальном кодексом РСФСР 1923 г. [15, с. 320—321]. А. С. Мамыкин замечает, что «только для военных трибуналов, действовавших в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий, предусматривались некоторые исключения из общих правил» [10, с. 6]. Известный отечественный юрист А. И. Александров справедливо называет ГПК и УПК того периода «относительно неплохими законами» [1, с. 271].

На основании ст. 19 Основ уголовного судопроизводства явка подсудимого в суд была обязательна по всем делам о преступлениях, за которые предусматривалось наказание в виде лишения свободы на срок не ниже шести месяцев. Слушание дела в его отсутствие допускалось лишь при прямо выраженном согласии подсудимого или же в том случае, если суд придет к убеждению, что подсудимый уклоняется от суда. По утверждению военных юристов — участников Великой Отечественной войны, «военные трибуналы не допускали рассмотрение дел в отсутствие подсудимого». Исключением из этого правила было право военных трибуналов заочно рассматривать уголовные дела в отношении лиц, обвиняемых по ст. 58-1а и по ст. 58-1б УК РСФСР и соответствующим статьям уголовных кодексов других союзных республик. Директива Наркомата юстиции СССР и Прокурора СССР от 20 июня 1942 г. «установила, что дела об изменниках Родины при заочном рассмотрении в порядке ст. 265 УПК РСФСР могли рассматривать только вышестоящие трибуналы (военные трибуналы фронтов и округов), где находились более опытные судьи». Лишь в отдельных случаях, как говорилось в Директиве, по поручению вышеуказанных трибуналов «эти дела могли быть переданы на рассмотрение в военные трибуналы корпусов, дивизий, бригад и других приравненных к ним соединений» [10, с. 7]. Ст. 58-1а — это измена родине (в тексте УК слово «родина» написано с маленькой буквы. — *О. К., Е. П.*). Ст. 58-1б была сформулирована следующим образом: «Те же преступления, совершенные военными служащими, караются высшей мерой уголовного наказания — расстрелом с конфискацией всего имущества». Обе статьи относились

к контрреволюционным преступлениям и находились в главе первой «Преступления государственные» Особенной части УК РСФСР [14, с. 35—36].

В связи с войной был изменен и процессуальный порядок рассмотрения и разрешения дел в военных трибуналах: жалобы и протесты на их приговоры не допускались. Приговоры вступали в силу с момента провозглашения и приводились в исполнение немедленно. Лишь о приговорах к высшей мере наказания сообщалось телеграммой председателю Военной коллегии Верховного Суда СССР, и если до истечения определенного времени она не истребовала дело, приговор приводился в исполнение.

Таким образом, если приговор был вынесен на основании ложного доноса или «доказательства» получены с помощью пыток, либо просто допущена ошибка, то помешать неправосудному приговору (если речь шла не о расстреле) было невозможно или очень маловероятно (если обвиняемого приговорили к высшей мере наказания). Ученые признают, что «имелись и случаи незаконных репрессий», на что, правда, реагировал Наркомат обороны страны. Кроме того, «применение законов военного времени вызывало определенные трудности, так как имелись различия в их действии в тылу и на фронте, особенности их применения в местностях, объявленных на военном положении. ... состав военных прокуратур и военных трибуналов значительно пополнился за счет лиц, призванных из запаса и нередко не имевших опыта в применении военного законодательства» [6, с. 323]. И вот таким не самым высококвалифицированным юристам, которые не являлись специалистами в области военного уголовного права и процесса, была доверена огромная власть над людьми и возможность осуществления судопроизводства: квалификации деяния, оценки доказательств (что требует интеллекта и глубоких знаний), решения вопросов о суровой уголовной каре и уголовной репрессии.

Исследователи констатируют, что «нередко допускались упрощения установленного порядка расследования и рассмотрения уголовных дел. Характерно, что наибольшее число судебных ошибок в начальный период было допущено при заочном разрешении уголовных дел, когда нарушалось основное правило судопроизводства — непосредственное исследование судом доказательств» [6, с. 324].

Период первой советской кодификации был ознаменован принятием УПК РСФСР 1923 года. Он действовал несколько десятилетий и представлял собой связующее звено между Уставом уголовного судопроизводства 1864 года и УПК РСФСР 1960 года. Основная проблема развития советского уголовного процесса в рассматриваемый период заключалась в массовом пренебрежении УПК РСФСР 1923 года в ходе сталинских репрессий и появлении различных форм чрезвычайного уголовно-процессуального законодательства, предполагавшего вопреки конституционным положениям в некоторых случаях рассмотрение дел несудебными органами [7, с. 158]. В. М. Савицкий по этому поводу отмечал: «Если вспомнить к тому же действовавшие в сталинские времена наряду с судами (и вместо судов!) разнокалиберные «особые совещания», «двойки», «тройки», поставившие на конвейер расстрелы и заключения в лагеря миллионов людей, то вопрос, соблюдался ли тогда принцип презумпции невиновности, звучит сверх наивно, если не сказать резко» [12, с. 10]. Демократические принципы уголовного процесса (гласность, обеспечение обвиняемому права на защиту, независимость судей и подчинение их только закону) декларировались, в то же время обосновывалась и оправдывалась необходимость отступления от этих

принципов, замена судов несудебными органами расправы с врагами народа. Уголовный процесс рассматривался как способ борьбы с преступностью, что оправдывало и жестокость уголовного Закона от 7 августа 1938 года, направленного на охрану социалистической собственности, и деятельность суда в реализации этого закона, когда за украденные колоски с колхозного поля суды вправе были выбрать меру наказания между расстрелом и 10 годами лишения свободы [9, с. 457]. Напомним, что закон от 7 августа 1932 г. — это постановление ЦИК и СНК СССР «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов, кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» предусматривал применение расстрела к так называемым расхитителям социалистической собственности (нередко это были голодные или полуголодные женщины, бравшие несколько колосков, чтобы спасти от смерти своих детей), которые приравнивались к врагам народа [11, с. 28].

Таким образом, в этот период советское уголовно-процессуальное право существовало в двух параллельных реальностях: одна из них регулировалась в УПК РСФСР 1923 г., который применялся по общеуголовным преступлениям; а другая — разнообразными уголовно-процессуальными актами чрезвычайного характера, действовавшими по тем уголовным делам, где, с точки зрения власти, имела место политическая составляющая [7, с. 159].

С гарантиями прав граждан в уголовном процессе связана проблема значения признания обвиняемым своей вины. В нашей стране в 30—50-е годы XX века в период сталинских репрессий концепция «царицы доказательств», особенно применительно к политическим обвинениям, была возрождена и обоснована А. Я. Вышинским, который был прокурором СССР. Он утверждал, что «объяснения обвиняемых в такого рода делах неизбежно приобретают характер и значение основных доказательств, важнейших, решающих доказательств» [5, с. 264]. Сейчас известно, какие методы применялись для получения таких признательных показаний и к каким тяжелым последствиям они приводили.

Уже после разоблачения культа личности И. В. Сталина (1956 г.), на общей волне десталинизации советской общественно-политической жизни ставилась задача добиться реальной кодификации уголовно-процессуального права и устранения возможности действия каких-либо законов вне УПК с тем, чтобы по всем уголовным делам применялась единая процессуальная форма с необходимыми гарантиями прав личности [7, с. 159]. В конце 1950-х годов она была решена.

В рассматриваемый период СССР, конечно же, вел очень активную внешнюю уголовную и уголовно-процессуальную политику. Советский Союз выступил инициатором выработки соглашений между союзниками о привлечении к ответственности военных преступников, которые совершали злодеяния против мира и человечества. Он всемерно поддерживал усилия, направленные на справедливое наказание нацистских преступников. В результате большой работы, проделанной правительствами держав антигитлеровской коалиции, еще в ходе войны были приняты соответствующие документы по этому вопросу. Так, в заявлении Народного комиссариата иностранных дел СССР 22 июня 1941 года говорилось об ответственности за развязывание войны. 14 октября 1942 года советским Правительством было сделано заявление, в котором подчеркивалось, что оно «считает необходимым безотлагательное предание суду специального международного трибунала и наказание по всей строгости уголовного закона любого из главарей фашисткой Германии,

оказавшихся уже в процессе войны в руках властей государств, борющихся против гитлеровской Германии». В этом же документе было указано, что советское Правительство предупреждает о всей тяжести ответственности, которую должны понести преступные гитлеровские правители и все их пособники за совершенные ими чудовищные злодеяния и считает своевременным подтвердить выраженное в его официальных заявлениях утверждение о том, что гитлеровское правительство, признающее только грубую силу, «должно быть сломлено всесокрушающей силой свободлюбивых народов» [4, с. 314—319]. В указанном Заявлении выражен принцип неотвратимости ответственности и наказания гитлеровских захватчиков и их сообщников за преступления, совершенные на оккупированных ими территориях Европы. Он был незыблемым принципом политики СССР в отношении военных преступников.

1 ноября 1943 года была опубликована Московская декларация правительств СССР, США и Соединенного Королевства Великобритании, в которой они предупреждали военных преступников, что наверняка найдут их даже на краю света и передадут их в руки обвинителей с тем, чтобы могло совершиться правосудие. В этом документе устанавливалась необходимость их выдачи и ответственность за преступные деяния, не связанные с определенным географическим местом. После капитуляции фашистской Германии в 1945 году три державы подтвердили, что военные преступники и те, кто участвовал в планировании и осуществлении нацистских мероприятий, влекущих за собой или имеющих своим результатом зверства или военные преступления, должны быть арестованы и преданы суду [3, с. 10].

На основании Московской декларации 8 августа 1945 года правительствами СССР, США, Великобритании и Франции было подписано Лондонское соглашение об учреждении Международного военного трибунала для суда над главными военными преступниками, деяния которых не были связаны с определенным географическим местом [8, с. 117]. Вместе с этим действовал и территориальный принцип, в соответствии с которым преступники должны были привлекаться к ответственности на территории тех стран, где они совершали преступления, по национальным законам.

В октябре 1946 года в Нюрнберге Международный военный трибунал вынес свой приговор главным нацистским преступникам, по чьей вине была развязана вторая мировая война. В его приговоре отмечалось, что военные преступления совершались в таком широком масштабе, которого не знала история войн. Этот справедливый вывод подтвержден не только материалами Нюрнбергского процесса, но и доказательствами, которые представлялись на других процессах над гитлеровскими преступниками и их пособниками в СССР, ГДР, Польше, Югославии, во Франции, Норвегии и в других странах, на территориях которых немецко-фашистские захватчики совершали злодеяния против мира, человечества и человечности [3, с. 6].

Подводя итог проведенному исследованию, можно констатировать, что Вторая мировая война повлияла на развитие отечественного уголовного процесса. Де-юре и частично де-факто продолжало действовать довоенное законодательство (Конституция страны 1936 г. и конституции союзных республик 1937 г., Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1924 г., УК и УПК союзных республик и др.), но оно было дополнено нормативными правовыми актами военной поры — указами Президиума Верховного Совета СССР, директивами наркоматов обороны, юстиции страны, Прокурора СССР (порой это совместные решения), Главного военного

прокурора Красной Армии, приказами начальника Главного управления военных трибуналов Верховного Суда СССР, а также определениями различных коллегий Верховного Суда страны. Во-вторых, в военное время возросла роль военных трибуналов и достигла, судя по статданным, своего пика в 1942 году. В-третьих, в деятельности военных трибуналов были ошибки, недостатки, вызванные как уровнем подготовки кадрового состава, так и сложностью военной обстановки и сформировавшимся еще в довоенный период обвинительным уклоном, суровостью уголовной репрессии, присущей всему социалистическому праву. В-четвертых, ошибки в деятельности судов и трибуналов были вызваны также тем, что определенный процент дел рассматривался заочно, т. е. без участия обвиняемого; а также тем, что в подавляющем большинстве случаев военные трибуналы рассматривали дела без участия прокурора и защитника, что было грубым нарушением права обвиняемого на защиту. В-пятых, можно констатировать, что были «мертвые» нормы — вышеуказанное право — и «живые» нормы, которые применялись судами и военными трибуналами, что подтверждает тезис о наличии рационального зерна в различных теориях права, в данном случае — социологической теории права. В-шестых, военные трибуналы показали себя эффективным инструментом уголовной репрессии, их работа осуществлялась и в послевоенный период. Последнее: продолжалась деятельность Верховного Суда СССР (его Пленума, судебных коллегий) по обеспечению социалистической законности, правильного и единообразного понимания норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства и их применения в годы войны. Важную роль в исправлении ошибок и недостатков, допущенных судами и военными трибуналами, особенно, начиная с 1943 г., играли надзорные органы. Кроме того, нападение фашистских захватчиков на СССР поставило перед советской юстицией задачу использования механизма уголовного судопроизводства в целях обороноспособности страны, которая с честью была выполнена.

Библиографический список

1. *Александров А. И.* Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности: история, современность, перспективы, проблемы / под ред. В. З. Лукашевича. СПб.: Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та, 2003. 562 с.
2. *Александров А. И.* Уголовно-процессуальная политика России на современном этапе // Обвинение и защита по уголовным делам: исторический опыт и современность: сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 100-летию со дня рождения проф. Н. С. Алексеева (г. Санкт-Петербург, 28—29 июня 2014 г.) / под ред. Н. Г. Стойко. СПб.: Юридический центр, 2015. С. 15—22.
3. *Алексеев Н. С.* Злодеяния и возмездие: преступления против человечества. М.: Юрид. лит., 1986. 400 с.
4. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. М., 1947. Т. 1. 518 с.
5. *Вышинский А. Я.* Теория судебных доказательств в советском праве. 3-е изд., доп. М.: Госюриздат, 1950. 308 с.
6. *Загорский Г. И.* По законам военного времени // Загорский Г. И. Избранные труды. М.: РАП, 2014. С. 319—328.
7. Курс уголовного процесса / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Л. В. Головки. 2-е изд., испр. М.: Статус, 2017. 1280 с.
8. *Лебедева Н. С.* Подготовка Нюрнбергского процесса. М.: Юрид. лит., 1975. 154 с.

9. *Лупинская П. А.* История уголовно-процессуальной науки // История юридических наук в России: сб. ст. М.: Изд-во МГЮА им. О. Е. Кутафина, 2009. С. 448—473.
10. *Мамыкин А. С.* Обеспечение обвиняемому права на защиту в военных трибуналах в годы Великой Отечественной войны // Российское правосудие: науч.-практ. журн. 2015. № 5. С. 5—12.
11. *Михлин А. С.* Высшая мера наказания: история, современность, будущее. М.: Дело, 2000. 175 с.
12. *Пономаренков В. А.* Уголовно-процессуальная правовая политика // Правовая политика: учеб. пособие / под ред. А. В. Малько, Р. В. Пузикова. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2012. С. 460—480.
13. *Савицкий В. М.* Перед судом присяжных: виновен или невиновен? М.: Сериал, 1995. 68 с.
14. Уголовный Кодекс РСФСР. Принят 2-й сессией ВЦИК XII созыва. Введен в действие с 1 января 1927 г. постановлением ВЦИК от 22 ноября 1926 г. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1950. 256 с.
15. Хрестоматия по истории государства и права России: учеб. пособие / сост. Ю. П. Титов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби: Проспект, 2005. 464 с.

К ЮБИЛЕЮ ДЕКЛАРАЦИИ НЕЗАВИСИМОСТИ РСФСР 12 ИЮНЯ 1990 ГОДА

УДК 341.211
ББК 67.400.51

С. П. Коваль, М. Ю. Цветков

ПРАВОВЫЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДЕКЛАРАЦИИ О ГОСУДАРСТВЕННОМ СУВЕРЕНИТЕТЕ РСФСР ОТ 12 ИЮНЯ 1990 г.

Статья посвящена дискуссионным вопросам, связанным с принятием 12 июня 1990 г. Декларации о государственном суверенитете РСФСР. Исследуются и анализируются юридические и исторические аспекты данного политико-правового акта, который положил начало правовому оформлению новейшей российской государственности. Выявляется соответствие юридических формулировок Декларации смыслу и содержанию Конституций СССР и РСФСР. Авторы делают вывод о том, что союзная и республиканская конституции в 1989—1990 гг. постепенно превращались в исторические артефакты и регулярные изменения и дополнения, вносимые в данные конституционные тексты, не спасали их от этого.

Ключевые слова: Конституция СССР, Конституция РСФСР, Декларация о государственном суверенитете РСФСР, государственный суверенитет, народный суверенитет, государство, СССР, РСФСР.

S. P. Koval, M. Yu. Tsvetkov

LEGAL AND HISTORICAL ASPECTS DECLARATION OF STATE SOVEREIGNTY OF THE RSFSR OF JUNE 12, 1990

The article is devoted to the controversial issues related to the adoption of June 12, 1990. Declaration of State Sovereignty of the RSFSR. The article examines and analyzes the legal and historical aspects of this political and legal act, which marked the beginning of the legal formalization of the modern Russian statehood. The article reveals the correspondence of the legal wording of the Declaration to the meaning and content of the Constitutions of the USSR and the RSFSR. The authors conclude that the union and republican constitutions in 1989—1990 gradually turned into historical artifacts and regular changes and additions made to these constitutional texts did not save them from this.

Key words: Constitution of the USSR, Constitution of the RSFSR, Declaration of State Sovereignty of the RSFSR, state sovereignty, people's sovereignty, state, USSR, RSFSR.

© Коваль С. П., Цветков М. Ю., 2021

Особенные общественные процессы, происходившие в СССР в конце 1980-х — начале 1990-х годов, по-прежнему вызывают непреходящий интерес у представителей различных общественных наук. Существует множество мнений о том, что произошло с обществом и государством в тот исторический период. Мнения политиков, ученых и граждан, которые были очевидцами распада Советского Союза, существенно расходятся, противоречат в способах объяснения и в применяемых терминах и категориях. Мало у кого вызывает сомнение тот факт, что мировая реальность — Советский Союз перестал существовать, а на принадлежавшей ему территории более или менее успешно существуют признанные и непризнанные постсоветские государства. Процесс учреждения и оформления новой России был не простым, и в нем особенное место занимает Декларация о государственном суверенитете РСФСР, принятая 12 июня 1990 г. Данный политико-правовой акт положил начало правовому оформлению новейшей российской государственности. На сегодняшний день отношение к Декларации как юридическому документу весьма неоднозначно. Следует отметить отсутствие общественного согласия о роли и значении принятия Декларации о государственном суверенитете России [6, с. 33—45].

Исследовать проблемы Декларации о государственном суверенитете России необходимо в соотношении с содержанием действующих в 1990 г. Конституций СССР и РСФСР. Данное исследование позволит выделить значимые юридические и политические аспекты рассматриваемого документа. Изучаемый акт был принят I Съездом народных депутатов РСФСР. «За» него проголосовало 907 депутатов, «против» — 13 депутатов. Этот важный документ не имеет никакого юридического отношения ни к «суверенной России», ни тем более к Российской Федерации. Принятием данной Декларации учреждался суверенитет конкретного государственного образования, которое уже существовало 72 года и имело определенное наименование. Современные российские политики и ученые в подавляющем своем большинстве рассуждают о Декларации как о документе, фиксирующем государственный суверенитет России (Российской Федерации).

Происходит подмена наименования государства. Она позволяет скрыть несоответствие между фактическим содержанием данного документа и тем символическим значением, которое ему приписывается. Декларация о государственном суверенитете РСФСР воспринималась как отрицание советской социалистической государственности. Не отменяя акта, российская власть 90-х годов прошлого века кардинально переформатировала политическое значение принятого акта, полностью переосмыслив данное событие 1990 г. и изъясв его истинное значение из исторической памяти.

В преамбуле Декларации о государственном суверенитете говорится о том, что суверенитет РСФСР провозглашается. Провозглашается государственный суверенитет республики, находящейся в составе СССР. Юридического смысла провозглашать российский суверенитет в 1990 г. не было. Такой вывод можно сделать после сравнительно-правового анализа действовавших на момент принятия Декларации положений Конституций СССР и РСФСР. Данные конституции содержали нормы о суверенитете союзной республики. Например, статья 68 Конституции РСФСР устанавливала: «РСФСР — суверенное советское социалистическое государство». Положения данной статьи полностью соответствовало норме, выраженной в статье 76

Конституции СССР: «Союзная республика — суверенное советское социалистическое государство...». В союзной Конституции содержались нормы о гарантиях суверенитета республики, входящей в состав СССР. Показательно в этом плане содержание статьи 127.3, где в полномочиях Президента СССР содержалась обязанность принимать «необходимые меры по охране суверенитета СССР и союзных республик...», а также закреплялось, что в случае введения временного президентского правления глава СССР обязан соблюдать «суверенитет и территориальную целостность союзной республики» [2]. Конституции СССР и РСФСР наполняли юридическое содержание суверенитета РСФСР политически значимыми институтами и процедурами. Это, в первую очередь, гражданство РСФСР, республиканская территория и система государственной власти РСФСР.

Конституции СССР и РСФСР не предусматривали возможность провозглашения суверенитета союзной республикой. Принятие Съездом народных депутатов данной Декларации вывело высший российский орган государственной власти за пределы отведенной ему компетенции. Съезд не имел права провозглашать суверенитет и среди актов Съезда, не предусматривался такой вид, как декларация. Необходимо отметить, что в соответствии с положениями статьи 104 Конституции РСФСР к ведению Съезда народных депутатов РСФСР относилось «принятие Конституции РСФСР, внесение в нее изменений и дополнений». Если бы имелась действительная необходимость в закреплении суверенитета РСФСР, то можно было это сделать путем внесения Съездом соответствующих положений в Конституцию РСФСР. Преодолеть данную коллизию, не выходя за пределы действия Конституции РСФСР, можно было с помощью проведения референдума. Положения статьи 5 Конституции РСФСР устанавливают, что «наиболее важные вопросы государственной жизни выносятся на всенародное обсуждение, а также ставятся на всенародное голосование (референдум)». Трудно себе представить более важный вопрос государственной жизни, чем провозглашение государственного суверенитета.

Социально-экономические проблемы в России усугублялись в связи с провальной политикой руководства СССР. Возможный выход из данной ситуации — это обретение российским руководством политической самостоятельности. Очевидно, напрашивалось решение о скорейшей «суверенизации» России. Оперативно и гарантировано это можно было сделать через Съезд народных депутатов. Декларация о государственном суверенитете не являлась учредительным документом, поскольку не придавала юридическую силу новому правовому состоянию государства. Обстоятельства и механизм принятия этого документа не безупречны, что порождает серьезные сомнения в его юридической легитимности [4, с. 37—41]. Провозглашая государственный суверенитет России, Съезд народных депутатов заявил о политическом удалении от СССР. Как считает Д. В. Ольшанский, данная Декларация дала толчок разрушительным процессам в СССР и запрограммировала его распад. В середине 1990 г. формула «провозглашение суверенитета Россией — обретение суверенитета Россией — выход России из состава СССР — роспуск СССР» стала приобретать реальные очертания [5, с. 10—15].

Необходимо исследовать вопрос о том, что соответствует ли юридическое содержание документа тому политическому значению, которое придавалось Декларации и обратить внимание на то, в каком значении в нем

употребляется понятие «суверенитет». Понятие «суверенитет» употребляется в Декларации восемь раз. В двух случаях речь идет о суверенитете, соотносимом с СССР, и в шести — с Россией. Народный суверенитет в тексте Декларации встречается два раза: один раз — в связи с СССР (говорится о суверенных правах народов, входящих в СССР) и один раз — в связи с РСФСР (используется формула «носитель суверенитета — многонациональный народ РСФСР»). В данном акте государственный суверенитет упоминает шесть раз: один раз — в отношении СССР (в связке с суверенными правами союзных республик упоминаются суверенные права СССР) и пять раз — в отношении РСФСР (такие варианты: «государственный суверенитет РСФСР», «суверенитет РСФСР», «РСФСР — суверенное государство»). Можно сделать вывод, что понятие «суверенитет» действительно является значимым для Декларации. В преамбуле Декларации весьма заметно отмечено, что государственное будущее суверенного Российского государства подается в связи с СССР. В данном документе заявлялось, что «государственный суверенитет РСФСР провозглашается во имя высших целей» (п. 4).

Юридические формулировки Декларации соответствовали смыслу и содержанию республиканской и союзной конституций, хотя вместе с тем текстуально были менее ортодоксальны. Воплощением политической ортодоксальности выступала КПСС, особая роль которой была закреплена в конституциях СССР и РСФСР. Направленность Декларации о государственном суверенитете РСФСР против КПСС как системообразующего государственного начала была очевидна. Для сторонников данной Декларации суверенитет заключался прежде всего в отрицании советских, социалистических основ конституционного строя. Делалось это в принимаемом акте путем введения альтернативных институтов, процедур и механизмов. Внешне содержание Декларации не покушалось на зафиксированный в конституциях порядок, но одновременно предлагало ему иную политическую альтернативу. Она не только заявляла о государственном суверенитете России, но и давала представление о его чертах, элементах и основных характеристиках.

Декларация предлагала новый вид СССР и РСФСР, расставляла правовые акценты так, что суверенитет РСФСР становился важнее, значимее суверенитета СССР. Устанавливалось «верховенство Конституции РСФСР и законов РСФСР на всей территории РСФСР», что автоматически умаляло юридическую силу союзных нормативных правовых актов. В тексте Декларации констатировался приоритет «республиканского гражданства РСФСР» над гражданством СССР и провозглашалось разделение законодательной, исполнительной и судебной власти в качестве важнейшего принципа функционирования РСФСР как правового государства. Приоритет гражданства РСФСР над гражданством СССР подрывал важнейшую институциональную основу, выводя значительную часть граждан из-под юрисдикции союзного государства. Принцип разделения властей противоречил самой природе советской власти, базирующейся на неразделенности государственных функций, сосредоточенных в едином органе. Данное положение Декларации угрожало самим основам существовавшей на тот момент модели управления обществом.

Положения Декларации никак не отразилось на тексте последних редакций Конституции СССР и Конституции РСФСР, которые были изданы после принятия данного акта I Съездом народных депутатов РСФСР. Данные конституции по-прежнему фиксировали советский строй и социалистический

характер государства. Положения Конституции РСФСР, которые, казалось бы, нужно изменить, чтобы не создавать противоречий между положениями Декларации и текстом конституции, так и не подверглись соответствующей трансформации. Конституция РСФСР оставалась традиционным в своем содержании нормативным актом, что особенно заметно в ряде положений:

— признавалось, что «РСФСР самостоятельно осуществляет государственную власть на своей территории» только «вне пределов, указанных в статье 73 Конституции СССР» (ст. 68);

— оставалась установка на то, что «экономика РСФСР является составной частью единого народнохозяйственного комплекса» (ст. 16);

— «государственный бюджет РСФСР является составной частью единого государственного бюджета СССР» (ст. 158);

— признавался приоритет союзного гражданства над республиканским (ст. 31);

— оставалось неизменным положение, согласно которому Съезд народных депутатов РСФСР правомочен принять к своему рассмотрению и решить любой вопрос, отнесенный к ведению РСФСР (ст. 104) [3].

Конституция РСФСР (в редакции от 16 июня 1990 г.) снизила эффект, полученный от принятия Декларация о государственном суверенитете РСФСР. В ней не были закреплены передовые положения Декларации. Два значимых акта существовали рядом, взаимно не пересекаясь. Декларация о государственном суверенитете была более «живым» актом, ее положения вызывали дискуссию и споры, побуждали к политическому действию, давали определенное видение основных характеристик союзного государства. В тексте Декларации полное наименование союзного государства употребляется один раз, лишь в вводной части и только в связи с признанием «суверенных прав народов, входящих в Союз Советских Социалистических Республик» [1]. В 1990 г. судьба союзного государства уже серьезно обсуждалась, и одной из актуальных тем было его наименование. Компромиссным вариантом виделось сохранение сокращенного обозначения «СССР». Возможным вариантом расшифровки могло стать сочетание «Союз Советских Суверенных Республик». Новизна СССР виделась в следующем варианте: союзное государство создается на договорных началах; в Союзном договоре прописываются права и обязанности сторон, полномочия республик определяются ими самостоятельно, а полномочия Союза являются делегированными; учреждается реальное право свободного выхода республик из СССР; будет существовать приоритет российского гражданства над союзным. Хорошо видно, что по Декларации обновленный СССР — это слабое конфедеративное образование, в котором прерогативы частей будут иметь безусловное преимущество перед целым.

Декларация о государственном суверенитете РСФСР — это политико-правовой акт «переходного» характера. Не отрицая советских начал в российской государственности, она оформляла политические и юридические предпосылки для быстрого перехода к новому общественно-политическому состоянию российского общества и государства. Союзная и республиканская конституции в 1989—1990 гг. постепенно превращались в исторические артефакты. Регулярные изменения и дополнения, вносимые в данные конституционные тексты, не спасали их от этого. Вся логика событий была внеконституционна, и именно она диктовала свои условия. Декларация о государственном суверенитете РСФСР, показала данную сторону политического процесса в России и придала ему определенную юридическую осмысленность.

Библиографический список

1. Декларация о государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 12 июня 1990 года № 22-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1990. № 2. Ст. 22.
2. Конституция (Основной закон) СССР от 7 октября 1977 г. (в ред. от 14 марта 1990 г.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Конституция (Основной закон) РСФСР от 12 апреля 1978 г. (в ред. от 31 мая 1990 г.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Овчинников В. А. Декларация о государственном суверенитете РСФСР и ее правовая оценка // Управленческое консультирование. 2013. № 5. С. 37—41.
5. Ольшанский Д. В. Дезинтеграция: новые симптомы старой болезни // Pro et Contra. 2000. Т. 5, № 1. С. 34—62.
6. Сергеев С. Г. Декларация о государственном суверенитете России // Гражданин и право. 2011. № 12. С. 51—55.

Сведения об авторах

Бабуркин Сергей Александрович — доктор политических наук, профессор, Уполномоченный по правам человека в Ярославской области, г. Ярославль, Россия, baburkin@mail.ru

Бредихин Алексей Леонидович — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры математики и информатики, Санкт-Петербургский университет МВД России, г. Санкт-Петербург, Россия, axel_b@mail.ru

Вальков Сергей Владимирович — кандидат физико-математических наук, доцент, координатор Общественной организации «Ивановское областное общество прав человека», г. Иваново, Россия, 2002sergeyv@mail.ru

Грибанова Светлана Викторовна — старший научный сотрудник НОЦ «Доступная правовая среда», Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, gsv904@ya.ru

Исаева Анна Дмитриевна — доцент кафедры предпринимательского и процессуального права, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, isaeva_ad@mail.ru

Исаева Нина Валентиновна — кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой конституционного права и прав человека, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, nina.isaewa@yandex.ru

Карлявин Иван Юрьевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, ivan.karl@mail.ru

Ковалев Сергей Евгеньевич — доцент кафедры уголовного права и процесса, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, bomelaid@mail.ru

Ковалёва Наталья Львовна — член Ивановской областной избирательной комиссии с правом решающего голоса, г. Иваново, Россия, kovaleva_nl@ivanovoobl.ru

Коваль Сергей Петрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры конституционного права и прав человека, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, petrovitsch17@mail.ru

Кузьмина Ольга Владимировна — кандидат юридических наук, доцент, первый проректор, зав. кафедрой уголовного права и процесса, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, kuzolga03@mail.ru

Петрова Екатерина Алексеевна — кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой сравнительного правоведения и правотворчества, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, petrova_tgp@mail.ru.

Поцелуев Евгений Леонидович — кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой теории и истории государства и права, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, elp777@yandex.ru

Соколова Ольга Владимировна — кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, olgasokolova.067@mail.ru

Степанова Ирина Борисовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, kiddy2006@yandex.ru

Сычак Денис Игоревич — начальник отделения по профилактике коррупционных и иных правонарушений управления по работе с личным составом УМВД России по Ивановской области, г. Иваново, Россия, dsychak@mvd.ru

Таибова Оксана Юркиновна — кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права и прав человека, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, taibova.2020@mail.ru

Цветков Михаил Юрьевич — кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры основ экономики и функционирования, Ивановская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС РФ, г. Иваново, Россия, petrovitsch17@mail.ru

Швед Елена Николаевна — студентка 1 курса заочной формы обучения юридического факультета, направление подготовки: 40.04.01 Юриспруденция ОП «Социальное государство: проблемы теории и юридической практики», Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, shvedka2015@mail.ru

Шмелева Светлана Анатольевна — Уполномоченный по правам человека в Ивановской области, г. Иваново, Россия, sshmelyova@yandex.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»

Серия «Естественные, общественные науки»

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде в формате RTF по адресу: publisher@ivanovo.ac.ru

2. Требования к оформлению материалов.

Максимальный размер статьи — 1,0 авт. л. (40 тыс. знаков с пробелами), выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman (основной текст — кегль 11; аннотация, ключевые слова, таблицы, подписи к рисункам, сноски, библиографический список — кегль 10). Формат А4, поля: верхнее — 2,7 см, нижнее — 4,6 см, левое и правое — 4 см.

Материал должен быть оформлен в следующей последовательности: **УДК, ББК**; на *русском и английском языках*: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** (объемом 10—15 строк), **ключевые слова**; **текст статьи**.

Библиографические источники должны быть пронумерованы в алфавитном порядке, ссылки даются в тексте статьи в квадратных скобках в строгом соответствии с пристатейным списком литературы. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1—2003, 7.0.5—2008. В каждом пункте библиографического списка, составленного в алфавитном порядке (сначала произведения на русском языке, затем на иностранном), приводится одна работа. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

Фотографии и рисунки, прилагаемые к статье, должны быть контрастными, четкими.

В конце представленных материалов следует указать фамилию, имя, отчество автора, ученую степень, звание, должность, место работы, электронный адрес.

Материалы, не отвечающие предъявляемым требованиям, к рассмотрению не принимаются

3. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

4. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

ПРАВИЛА РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЕЙ

1. Статьи авторов, являющихся преподавателями, сотрудниками или обучающимися ИвГУ, принимаются редакционной коллегией соответствующей серии (выпуска) на основании письменного решения (рекомендации) кафедры или научного подразделения ИвГУ и рецензии доктора наук, не являющегося научным руководителем (консультантом), руководителем или сотрудником кафедры или подразделения, где работает автор.

2. Статьи авторов, не работающих и не обучающихся в ИвГУ, принимаются редакционной коллегией соответствующей серии (выпуска) на основании рекомендации их вуза или научного учреждения и рецензии доктора наук, работающего в ИвГУ.

3. Поступившие статьи проходят далее рецензирование одного из членов редколлегии соответствующей серии (выпуска), являющегося специалистом в данной области.

4. Статья принимается к публикации при наличии двух положительных рецензий и положительного решения редколлегии серии (выпуска). Порядок и очередность публикации статьи определяются в зависимости от объема публикуемых материалов и тематики выпуска.

5. В случае отклонения статьи автору направляется аргументированный отказ в письменной (электронной) форме. Авторы имеют право на доработку статьи или ее замену другим материалом.

Электронное сетевое издание

**ВЕСТНИК
ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**
Серия «Естественные, общественные науки»
2021. Вып. 1

Издается в авторской редакции

директор издательства *Л. В. Михеева*
технический редактор *И. С. Сибирева*
компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Дата выхода в свет 25.06.2021 г. (online)

Формат 70 × 108¹/₁₆. Уч.-изд. л. 8,0.

Отпечатано в издательстве «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39 ☎ (4932) 93-43-41

E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru